

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61024 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман (*глав. редактор*);
чл.-кор. РАН, д-р филос. наук, проф. И.Т. Касавин;
Ph.D., Prof., University of Marburg М.Е. Соболева (ФРГ);
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University,
Spokane И.Э. Ключанов (США);
д-р филос. наук, вед. науч. сотр. И.И. Блауберг;
д-р филос. наук, проф. В.А. Михайлов;
д-р филос. наук, проф. В.Э. Войцехович;
д-р филос. наук, глав. науч. сотр. Э.М. Спинова;
чл.-кор. РАО, д-р пед. наук,
канд. филос. наук, проф. М.А. Лукацкий;
канд. филос. наук, доц. С.В. Рассадин (*отв. секретарь*);
канд. филос. наук, доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204
Тел.: +7 (4822) 63-01-51, +7 (4822) 34-78-89

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61024 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Philosophy

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

D.Sc. in Philosophy, prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*);
Corresponding Member of RAS, D.Sc. in Philosophy, prof. I.T. Kasavin;
Ph.D., prof., University of Marburg, Maya E. Soboleva (Germany);
Ph.D., prof. of Eastern Washington University, Spokane Igor E. Klyukanov (USA);
D.Sc. in Philosophy I.I. Blauberg, D.Sc. in Philosophy, prof. V.A. Michailov;
D.Sc. in Philosophy, prof. V.E. Voicechovich; D.Sc. in Philosophy E.M. Spirova;
Corresponding Member of RAE; Dr. of Pedagogical Sciences,
Cand.Sc. in Philosophy, prof. M.A. Lukatsky;
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.V. Rassadin (*executive secretary*);
Cand.Sc. in Philosophy, assoc. prof. S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 204
Phone: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (*editor-in-chief*)

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА	7
Лебедев С.А., Кислов А.С. Теории динамики научного знания: интернализм и экстернализм	7
Коськов С.Н. Эволюция физики – парадоксальность смены мировоззренческих и методологических парадигм. Конвенциональность научного знания	14
Шестаков А.А., Ходыкин В.В. Гуманистические идеи в контексте анализа феномена рациональности	23
Войцехович В.Э., Выборнова С.Г. Восхождение мышления: от интеллекта и разума к мудрости	35
Чернавин Ю.А. Цифровая культура управления как драйвер развития современного общества	50
Равочкин Н.Н., Олексенко Е.М., Филимонова Д.О. Концептуальные взгляды на проблему социокультурной динамики	62
Жаворонкова Г.А. Отчуждение творчества – способ бытия человека в условиях информационного общества	72
Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Религиоведческая специфика алиенарного мифа	78
Ильин В.В., Шимко А.В. Антропология Homo Urbanus	87
Кузьменко А.А. Социотехноприродный эргоцентризм как методология эргодизайна объектно-пространственной среды жизнедеятельности	102
Козлова Н.Н., Русаков А.П. Социально-политическая философия российских «фабрик мысли» в начале XXI века: эволюция проблемного поля	115
Бааль Н.Б., Боева О.М. Роль образования в противодействии экстремизму и профилактике терроризма	126
Храпов С.А., Топчиев М.С. Информационный фактор формирования новой национальной идентичности Республики Казахстан: оппозиции образов «Свой–Иной/Другой–Чужой–Враг»	139
Михалкин А.Н. Национальные проекты в современной России как форма социальных обязанностей государства	146
Евстифеева Е.А., Черней В.В. Ценностная платформа философской пропедевтики в превенции насилия	158
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ	170
Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Экзистенциальная метафизика истории Н.А. Бердяева: поиск постклассической стратегии религиозно-философского теоретизирования	170
Буланов В.В. Влияние учения о сверхчеловеке Ф. Ницше на первый этап эволюции мировоззрения Н.А. Бердяева	183
Малинин С.А. Политико-правовое мировоззрение И.А. Ильина эмигрантского периода	188

Михайлова Е.Е. Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры (статья вторая) ----- 193

**ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**----- 202

Сулимов С.И. Зарождение философии прогрессизма: Франция или Россия?----- 202

Шестаков А.А., Балаклеец Н.А. Масса и война в трактовке Элиаса Канетти ----- 214

Фролова И.А. А. Тоффлер о цивилизации и её будущем----- 224

**Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ.
Серия: Философия»**----- 239

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE	7
Lebedev S.A., Kislov A.S. Theories of the dynamics of scientific knowledge: internalism and externalism.....	7
Koskov S.N. The evolution of physics is a paradoxical change of ideological and methodological paradigms. Conventionality of scientific knowledge	14
Shestakov A.A., Khodykin V.V. Humanistic ideas in the context of the analysis of the phenomenon of rationality	23
Voitsekhovich V.E., Vybornova S.G. The Ascent of thinking: from intelligence and reason to wisdom.....	35
Y.A. ChernavY.A. Digital management culture as a driver development of modern society.....	50
Ravochkin N.N., Oleksenko E.M., Filimonova D.O. Conceptual views on the problem of socio-cultural dynamics.....	62
Zhavoronkova G.A. Alienation of creativity – a way of human being in the information society.....	72
Lebedev V.Y., Prilutskij A.M. Religious studies specifics of nonnative myth	78
Ilyin V.V., Shimko A.V. Anthropology of homo urbanus.....	87
Kuzmenko A.A. Sociotechnological ergocentrism as a methodology of ergodesign of the object-spatial environment of life activity.....	102
Kozlova N.N., Rusakov A.P. The Social-political philosophy of Russian «thought factories» at the beginning of the XXI century: the evolution of the problem field.....	115
Baal N.B., Boeva O.M. The role of education in countering extremism and prevention of terrorism	126
Khrapov S.A., Topchiev M.S. The information factor of formation the new national identity of the republic of kazakhstan: the opposition of the «friend-other/other-stranger-enemy» images	139
Mikhalkin A.N. National projects in modern Russia as a form of social responsibilities of the state.....	146
Evstifeeva E.A., Cherney V.V. Value platform of philosophical propaedeutics in violence prevention	158
 PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY	 170
Gubman B.L., C.V. Anufrieva C.V. N.A. Berdyaev's existential metaphysics of history: the search for a post-classical strategy of religious philosophical theorizing	170
Bulanov V.V. The influence of the doctrine of the superman by F. Nietzsche at the first stage of the evolution of N.A. Berdyaev's worldview	183
Malinin S.A. I.A. Ilyin's political and legal worldview of the emigrant period	188
Mikhailova E.E. T.N. Granovsky: facts and myths of medieval culture	193

PHILOSOPHY ABROAD: PAST AND PRESENT	202
Sulimov S.I. The origin of the philosophy of progressivism: France or Russia?	202
Shestakov A.A., Balakleets N.A. Crowds and war in the interpretation by Elias Canetti	214
Frolova I.A. A. Toffler about civilization and it's future	224

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 168:141.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.007

ТЕОРИИ ДИНАМИКИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ИНТЕРНАЛИЗМ И ЭКСТЕРНАЛИЗМ

С.А. Лебедев, А.С. Кислов

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет)
(МГТУ им. Н.Э. Баумана) г. Москва

В статье анализируется содержание двух основных концепций динамики науки и научного знания: интерналистской и экстерналистской. В концепции интернализма наука рассматривается как относительно самодостаточная когнитивная реальность, развивающаяся по своим внутренним законам. Представители экстернализма считают главными факторами динамики науки практические и социальные потребности и ценностные факторы культуры. Показываются положительные и отрицательные стороны интернализма, экстернализма и диалектической концепции развития науки в плане их соответствия реальной науке и ее истории.

Ключевые слова: наука, научное знание, динамика науки, интернализм, экстернализм.

1. Введение

Современная наука представляет собой огромную и сверхсложную систему, состоящую из качественно разных областей и уровней научного знания его, видов и единиц [8]. Все механизмы этой системы, многообразные формы научной деятельности направлены на реализацию двух ее главных целей: производство **нового** знания и его применение. Научное знание – это особый, объектный вид знания, которое должно обладать следующими свойствами: определенность, доказанность, системность, проверяемость, полезность, рефлексивность и методологичность. Понятие «нового» знания является необходимым и существенным в приведенном выше определении, поскольку научное познание является конструктивным и динамическим процессом, в ходе которого происходит непрерывное производство именно нового знания [6; 7].

С точки зрения философии науки развитие научного знания разрешает три главных проблемы.

- Что есть сущность динамики науки?
- Как объяснить причину динамики научного знания?
- Каковы закономерности развития научного знания?

© Лебедев С.А., Кислов А.С., 2024

В современной философии науки существуют две взаимоисключающие друг друга модели: интернализм и экстернализм. Как соотносятся эти модели? Каковы их представления о развитии науки и научного знания?

2. Интернализм

Интернализм сформировался в 30-е годы XX в., как реакция на экстернализм, выступив в качестве его альтернативы. Наиболее яркими представителями интерналистской модели были А. Койре, Р. Холл, П. Росси, Г. Герлак, а позднее известные философы науки XX в. К. Поппер и И. Лакатос. Интерналисты утверждают, что основными факторами развития научного знания являются присущие науке ее собственные цели, средства и закономерности. Система научного знания является саморазвивающейся, и ее успешное функционирование только во вторую очередь зависит от социума и его различных подсистем (экономики, политики, религии, искусства и т. д.).

Один из признанных идеологов интернализма А. Койре писал в «Этюдах о Галилее»: «Мне кажется тщетным желание вывести греческую науку из социальной структуры городов. Афины не объясняют ни Евдокса, ни Платона. Тем более, Сиракузы не объясняют Архимеда или Флоренция Галилея... то же самое верно и для Нового времени, и даже для нашего, несмотря на резкое сближение чистой и прикладной науки. Вовсе не социальная структура Англии XVIII в. может объяснить Ньютона, и тем более не социальная структура России времен Николая I может пролить свет на творения Лобачевского» [1, с. 138–139]. Очевидно, что это целиком ненадежное предприятие – предсказать будущую эволюцию науки или отдельных теорий в зависимости от социальных структур общества.

Хотя интерналисты в целом не отрицают влияния на динамику научного знания таких социокультурных условий ее существования, как мера востребованности обществом, потребности практики, различные вненаучные формы знания (искусство, идеология, религия, философия и др.), которые могут как стимулировать, так и тормозить исследования в какой-либо конкретной сфере научного познания, но это влияние является лишь формальным, внешним и никак не отражается на содержании научного знания, а, следовательно, им можно пренебречь в построении теории развития научного знания. Позднее К. Поппер попытался обосновать интернализм с философско-онтологических позиций, выделив в объективной реальности мир знания в качестве одного из особых видов объективной реальности. Да, мир сознания когда-то был создан человеком, однако, с течением времени, благодаря своей мощи и значимости, он стал для людей такой же объективной реальностью, как и материальная (природа), в которой все происходящее в ней процессы определены внутренними свойствами, возможностями и предшествующими состояниями [10].

Существуют две основных версии интернализма: эмпиризм и рационализм. Согласно эмпиризму, базис и основа развития научного знания –

это открытие новых фактов. Научная теория является лишь вторичной, производной от фактов познавательной конструкцией, представляя собой систематизацию и обобщение фактов. Наиболее видными представителями эмпиристского интернализма были Ф. Бэкон, О. Конт, Дж. Ст. Милль, Дж. Гершель, Э. Мах и др. [5].

Декарт, Гегель, Поппер и другие представители рационалистской версии интернализма, напротив, считают, что формирование теоретических знаний является сущностью динамики научного знания. А сами теории по своей сути всегда есть либо результат когнитивного творческого процесса, либо рекомбинация уже имеющегося теоретического знания, идей. Стоит отметить, что в основе любого варианта рационалистского интернализма лежит предположение о существовании небольшого множества базисных идей, определяющих все возможное содержание знания (эпистемологический априоризм и преформизм). Эмпирическое познание здесь рассматривается лишь как поставщик материала для его для подтверждения априорных теоретических конструкций [6].

Слабость и ограниченность интернализма достаточно очевидны. Во-первых, сама идея автономного развития научного знания является не более чем иллюзией. Попытка рассматривать его само по себе, отрыв науки от питающей науку социальной практики оставляет вне рамок исследования и оценки многие существенные ее стороны, обедняет и огрубляет действительную картину развития науки [8]. Но в интернализме есть и сильная сторона — подчеркивание, хотя и чрезмерное, гиперболизированное, качественной специфики научного знания, что привлекает внимание к тем его сторонам, которые обусловлены его спецификой.

Среди положительных сторон интерналистской парадигмы можно выделить:

- подчеркивание качественной специфики научного знания по сравнению с ненаучными видами познавательной деятельности;
- преемственность в динамике научного знания;
- направленность научного познания на объективную истину.

К отрицательным сторонам относят:

- имманентизм;
- недооценка социальной, исторической и субъективной природы научного познания [9];
- игнорирование культурной и уникальной мотивации научного познания;
- непонимание предпосылочного (идеализирующего и идеологического) характера собственных построений.

3. Экстернализм

В противоположность интерналистам экстерналисты считают, что основным источником динамики науки являются социальные потребности

и культурные ресурсы общества, его материальный и духовный потенциал, а не чисто познавательный интерес и внутренняя логика развития научного знания. Именно социальные факторы определяют не только направление, темпы развития, но и содержание научного знания. Познавательный интерес в науке, в конечном счете, всегда замкнут на определенную практическую пользу от применения научного знания для решения инженерных, технических, технологических, экономических и социально-гуманитарных проблем. Экстерналисты полагают, что будущее науки не трудно предсказать, если знать, какие практические задачи волнуют общество, каковы его интеллектуальные возможности, духовный потенциал, социальные запросы и возможности их удовлетворения. Рост публикаций представителей экстерналистской программы в историографии науки можно увидеть не только в 30-е гг. XX в. (Б. Гессен, Дж. Бернал, Э. Цильзель, Д. Нидам и др.), но и в 70-е гг. (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей, М. Полани, Л. Косарева, Г. Гачев и др.).

Корнями экстернализм уходит еще в Новое время, когда после длительного господства религиозной цивилизации и ее ценностей в Европе общество пришло к осознанию важности для раскрытия творческого и экзистенциального потенциала человека развития материальных условий его существования, совершенствования техники и орудий труда для подчинения природы своим практическим интересам [2; 3]. Именно тогда становится очевидной фундаментальная значимость для развития индустриально-ориентированного общества научного знания о материальной реальности, как главного средства ее преобразования в интересах общества. Обоснование первостепенной роли науки в увеличении материального богатства общества, его силы и могущества и одновременно зависимости ее успешного развития от наличных социальных условий ее поддержки составило одну из характерных черт и марксистской концепции о роли науки в развитии общества (К. Маркс, В.И. Ленин, В.М. Шулятиков, А.А. Богданов, Д. Лукач, Т. Котарбинский и др.).

Среди экстерналистов никогда не было единства в том, какие именно факторы общественной жизни оказывают наибольшее воздействие на науку. В качестве таких факторов выделяли:

- экономические, технические и технологические потребности общества (Дж. Бернал, Б. Гессен и др.);
- тип социальной организации (А. Богданов);
- господствующую культурную доминанту общества (О. Шпенглер);
- духовный потенциал общества (религия, философия, искусство, нравственность, архетипы национального самосознания);
- взаимодействие указанных факторов, образующих социокультурный фон науки, на ее социальную инфраструктуру (В. Купцов и др.) [4; 9];

— локальный социальный и социально-психологический контекст деятельности научных коллективов и отдельных ученых (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Малкей и др.).

Также существенные расхождения среди экстерналистов имеются при решении вопроса о том, влияют ли социальные факторы только на вектор и темпы развития науки, или они оказывают существенное влияние также и на метод науки и содержание научных теорий [7].

До 1970-х гг. экстерналисты были уверены, что содержание науки полностью определяется самим содержанием познаваемого объекта, что наука располагает истинным методом, который инвариантен по отношению к различным социальным условиям и применяющим его субъектам (доктрина социальной и ценностной нейтральности естествознания). Хотя ими часто делалось исключение для социальных и гуманитарных наук, в отношении которых признавалось существенное влияние на теоретические построения социальных интересов и принимаемых учеными ценностей (Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Мангейм, Ю. Хабермас и др.).

Однако, во второй половине XX в. в концепциях развития науки Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Малкея, Л. Лаудана, а также сторонников когнитивной социологии науки (С. Уолгар, Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина и др.) было показано, что ценностная обусловленность, историчность, конструктивность как самого процесса научного познания, так и всех его результатов имеет место во всех науках, а не только в социально-гуманитарных. Это привело к критике господствовавших прежде в философии науки и в самой науке представлений об инвариантности, всеобщности и объективности научного метода. Сторонниками экстернализма были сделаны выводы о том, что только с позиций социальной трактовки процесса научного познания и всех его результатов можно адекватно объяснить многие факты и закономерности в истории науки: поведение разных ученых во время научных революций, частичную несоизмеримость не только сменяющих друг друга научных эпох, но и новых фундаментальных научных теорий, сменяющих прежние во всех областях науки, факты имеющей место постоянной конкуренции научных гипотез и программ, борьбу за приоритеты и финансирование в науке. Достаточно убедительное объяснение данных фактов составляет сильную сторону экстернализма. Слабой же его стороной является недооценка его представителями относительной самостоятельности и независимости науки по отношению к социальной инфраструктуре, для доказательства чего можно привести также огромное количество фактов из истории науки.

Заключение

Таким образом, интернализм и экстернализм представляют собой две диаметрально противоположные теории динамики науки и научного знания. Но существует и третья концепция динамики научного знания: единства и диалектической взаимосвязи внутринаучных (логико-

эмпирических) и социокультурных факторов [2; 7; 11]. Стремление к полному учету всех движущих сил науки – главная положительная черта этой концепции. Но, к сожалению, и у нее есть своя ахиллесова пята: невозможность определения универсальной и эффективной оценки степени влияния на динамику науки внутринаучных и социокультурных факторов. Конечно, для конкретной ситуации в науке эту оценку в принципе сделать можно. И это постоянно делают в своих работах историки и социологи науки. Однако обобщить полученные ими выводы и предложить в качестве универсальных эпистемологических рекомендаций не представляется возможным.

Список литературы

1. В поисках теории развития науки : очерки западноевропейских и американских концепций XX в. / АН СССР, Институт истории естествознания и техники ; отв. ред. С. Р. Микулинский, В. С. Черняк. М.: Наука, 1982. 296 с.
2. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М.: URSS.2010. 357 с.
3. Лебедев С.А. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
4. Лебедев С.А. Культурно-исторические типы науки и закономерности ее развития // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 3(31). С. 7–18.
5. Лебедев С.А. Методологические традиции и методологическая культура ученого // Гуманитарный вестник. 2021. № 6 (97).
6. Лебедев С.А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.
7. Лебедев С.А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
8. Лебедев С.А. Философия, Методология. Наука. Избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с.
9. Лебедев С.А., Борзенков В.Г., Лазарев Ф.В., Лесков Л.В. и др. Философия науки. Общий курс. М.: Академический процесс, 2004. 736 с.
10. Поппер К. Знание и психофизическая проблема. В защиту взаимодействия. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
11. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.

THEORIES OF THE DYNAMICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: INTERNALISM AND EXTERNALISM

S.A. Lebedev, A.S. Kislov

Moscow State Technical University (National Research University) (Bauman Moscow State Technical University)

The article analyzes the content of two main concepts of the dynamics of science and scientific knowledge: internalism and externalism. In the concept of internalism, science is considered as a relatively self-sufficient cognitive reality that develops according to its own internal laws. Representatives of externalism

consider practical and social needs and cultural value factors to be the main factors of the dynamics of science. The positive and negative sides of internalism, externalism and the dialectical concept of the development of science are shown in terms of their correspondence to real science and its history.

Keywords: *science, scientific knowledge, dynamics of science, internalism, externalism.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия» ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет (МГТУ им. Н.Э. Баумана). E-mail: saleb@rambler.ru

КИСЛОВ Александр Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет) (МГТУ им. Н.Э. Баумана), г. Москва. E-mail: kislov5@gmail.ru

Authors information:

LEBEDEV Sergey Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Senior Researcher of Philosophical Department, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow. E-mail: saleb@rambler.ru

KISLOV Aleksander Sergeevich – PhD Student, Bauman Moscow State Technical University (National Research University) (Bauman Moscow State Technical University), Moscow. E-mail: kislov5@gmail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2024.

УДК 168:125

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.014

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИКИ – ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ СМЕНЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ. КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

С.Н. Коськов

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»,
г. Орел

Напряженная работа физиков XIX в. подготовила революционные изменения физики на рубеже XIX–XX вв. Помимо открытий делимости атома, радиоактивности, квантовой механики (М. Планк), теории относительности (А. Эйнштейн), происходит выработка новых мировоззренческих и методологических программ. Если новая картина мира стала очевидной уже в начале XX в., то методологическое осмысление, выработка новых методологических программ на основе этих открытий, по сути дела, начались в 60-х годах XX в.

Ключевые слова: *субъект познания, философия, физика, мировоззренческая программа, методологическая программа, мировоззрение, методология, конвенциональность научного знания, концессуальность научного знания.*

В этой связи я не могу удержаться, чтобы не отметить удивительное внутреннее сходство между сочетанием Фарадей – Максвелл и сочетанием Галилей – Ньютон. Первый в каждой паре интуитивно схватывал соотношения, а второй их точно формулировал и применял количественно.

А. Эйнштейн

Физика XIX в. развивается на основе классической физики (классической физики в смысле ньютоновской физики), на классическом понимании пространства, времени, законности, причинности. Но уже в начале XIX в. появились теории, которые не вписывались в рамки традиционных, классических представлений – это прежде всего развитие оптики (волновая концепция света, О. Френель и Юнг) и теория электромагнетизма (теория Максвелла и Фарадея). Еще в 30-х годах XIX в. Фарадей сделал свое идейное завещание, а на конверте написал «Вскрыть после смерти». Фарадей просто не решился публично высказать гипотезу о том, что «свет и электромагнитная волна имеют одинаковую природу» [1]. Принцип близкодействия заменит принцип дальнего действия». На публичное выступление с такими идеями у Фарадея уже не хватало сил, но их практическую значимость он хорошо объяснил министру финансов Англии: «В будущем с этого вы будете собирать очень большие налоги».

© Коськов С.Н., 2024

Свет, электромагнитная волна – это уже не поток корпускул, частиц, атомов, это волновые процессы. Такие представления уже не вписываются в классическую физику Ньютона [2]. Это прежде всего явления дифракции и интерференции световых волн, которые в принципе уже были известны Ньютону и на которые в полемической форме указывал ему Роберт Гук, но они не вписывались в его теорию света, его оптику, основанную на том, что свет – это поток частиц.

Первый прорыв был сделан в самом начале XIX в. английским физиком Юнгом и французским физиком Френелем, которые исследовали свет как волной процесс. Затем Фарадей и Максвелл открыли по сути дела новый раздел в физике, создав теорию не просто электричества и магнетизма, а создали электродинамику, открыли электромагнитную волну и электромагнитное поле и соответственно этим новым явлениям сформулировали принцип близкодействия взамен ньютоновскому принципу дальнего действия. Максвелл в начале 50-х гг. XIX в. формулирует свои знаменитые законы электродинамики, хотя нужно признать, что эти уравнения он писал по аналогии, в подражание законам Ньютона [3].

Для распространения волн любой природы необходима соответствующая среда, для распространения гидроволн нужна определенная толща воды или другой жидкости. Для распространения звуковых волн нужен воздух – в обыденном нашем понимании, наиболее точно, нужна определенная газовая среда, в связи с этим возникает закономерный вопрос: а для световых волн и электромагнитных волн какая нужна среда? На помощь физике приходит древняя натурфилософская традиция со своим понятием лучезарного эфира, который заполняет всё пространство [4]. Как уже отмечалось, **понятие** «лучезарный эфир» ввел древнегреческий мыслитель Эмпедокл (VI в. до н. э.), ему же принадлежит догадка о конечности скорости света. Это понятие на тот период времени можно назвать общенаучным понятием, также можно отнести его к ранним натурфилософским понятиям. Тем не менее эта древняя традиция сработала, физики XIX в. молились на механику Ньютона и свято верили в эфир, как и физики XVIII и XVII вв. Данный эфир является материальной средой и заполняет всё абсолютное пространство Ньютона. Это физическое понятие эфира должно иметь свой физический референт, который может восприниматься с помощью органов чувств или фиксироваться с помощью приборов. Но этого не случилось. Эфир как теоретическая конструкция и как материальная среда оказался насколько удобен, что физики-теоретики и экспериментаторы не могли обойтись без него, не говоря уже о натурфилософах и мифологах (арийская физика).

Распространение света и электромагнитных волн происходило через возбуждение и колебание эфира. Возникает закономерный вопрос: а не является ли эфир тайной природой света и электромагнитных волн?

Если эфир заполняет всё ньютоновское абсолютное пространство и его колебание представляет собой поток света или электромагнитное поле,

то возникает проблема: что мы определяем, измеряя скорость света, собственно говоря, скорость света или скорость эфирных волн?

Традиционно физики с помощью астрономических наблюдений проводили огромную работу по измерению скорости света. Все они исходили из базовой идеи о конечности скорости света. Оле Рёмер в 1676 г. измерил скорость света, равную 135000 км/с, Делаамбр так же, как и другие физики, наблюдая затмения спутников Юпитера (как и Рёмер) в 1727 г. измерил скорость света, равную 300000 км/с. В 1761 г. Ломоносов, наблюдая за прохождением Венеры вдоль диска Солнца, обнаружил наличие атмосферы у этой планеты, а его ученики, наблюдая то же самое солнечное затмение на Урале и в Сибири, измерили скорость света с небольшой погрешностью 1500 км/с и уточнили расстояние между Землей и Солнцем – 150000000 км. Тем самым в астрономию было введено новое понятие, новая астрономическая единица для измерения расстояния космического пространства. Эти физики, как и их коллеги, успешно измеряли скорость света, космические расстояния, не привлекая понятие эфира в данных физических экспериментах, они успешно обходились без этого натурфилософского допущения. Интересно, что Эмпедокл 25 веков тому назад ввел не только понятие эфира, но и предположил, что скорость света конечна, как уже отмечалось. Понятие эфира полностью перейдет в область философии, натурфилософии, мифологии (арийская физика), а понятие «конечность скорости света» останется в веках.

К концу XIX в. физики как-то единодушно пришли к общему мнению: если верны рассуждения о распространении света как волны, то оптическими средствами можно обнаружить абсолютное равномерное и прямолинейное движение и тем самым подтвердить верность представления об абсолютном характере пространства и времени. Тем самым (что не понятно современному физику) подтвердить наличие эфира и эфирного ветра на Земле. Конечно же, это всё верно, если верны преобразования Галилея.

Так, если верны преобразования Галилея, то общий ход рассуждений сводился к следующему: мы находимся внутри вагона космического масштаба, в этом вагоне есть источник света, и мы измеряем скорость света в вагоне. Если скорость света (C) равна 300000 км/с, то наш вагон находится в абсолютном покое. Если скорость света, назовем ее w , в движущемся вагоне равна $c-w$ (скорость вагона), то мы движемся по направлению движения луча света. Если скорость света w в вагоне будет равно $c+w$ (скорость вагона), то мы движемся в противоположную сторону от направления света [10]. Но в любом из случаев наш вагон – это идеальная инерциальная система, которая движется равномерно и прямолинейно, тем самым подтверждается абсолютность пространства и времени как субстанции. Следовательно, другими словами, мы можем обнаружить оптическими средствами состояние нашей системы как состояние абсолютного покоя по отношению к абсолютному пространству и к эфиру или определить движение нашей

системы как инерциальной системы по направлению распространения эфирных волн и относительно абсолютного пространства [9].

Какие условия навязывает нам теория? Если верно наше предположение о наличии эфира, если распространение света является колебанием эфирных частиц эфирными волнами, если эфир заполняет абсолютное пространство, если верны преобразования Галилея. По сути дела, к ньютоновским представлениям о пространстве и движении добавляется волновое представление о свете как колебании эфирных частиц. Желание обнаружить эфирный ветер с помощью измерений скорости света в этих условиях в ходе эксперимента было захватывающим для всех физиков и экспериментаторов того времени [8].

Общий ход рассуждений был следующим. Известно, с какой скоростью движется Земля вокруг Солнца и вокруг своей оси, это движение приблизительно равномерно. За долю секунды наша Земля совершает идеальное равномерное прямолинейное движение и вследствие этого является идеальной инерциальной системой. Экспериментальная установка за этот малый промежуток времени будет находиться в абсолютном покое по отношению к Земле. Нужно измерить скорость света в разных направлениях за эту долю секунды. Если скорость света окажется различной, то тем самым мы можем подтвердить, обнаружить идеальное прямолинейное движение и таким образом обосновать абсолютность пространства и времени и наличие светоносного эфира.

Наиболее демонстративный эксперимент провели американский физик Артур Майкельсон и американский профессор химии Морли. Это была целая серия экспериментов с 1882 по 1887 г. [6]. В огромную ванну с ртутью была помещена большая стальная плита, чтобы исключить внешние помехи. На эту плиту был помещен интерферометр, длина плеч которого была доведена до 11 метров, плечи были крестообразно расположены под прямым углом, по этим плечам пропусклся световой луч, с помощью зеркал можно было пропускать этот луч через плечи интерферометра. Непосредственно скорость света в ходе экспериментов не измерялась. По интерференционной картине по смещению полос или пятен можно было судить о скорости света в том или ином направлении. По направлению движения интерферометра скорость света должна быть $c+v$ (скорость движения Земли), против направления Земли скорость должна быть $c-v$, а в перпендикулярном движению интерферометра направлении скорость света должна была быть равна c . Оказалось, что во всех направлениях скорость света была одной и той же и равнялась 300000 км/с.

Возникает реальная проблема: либо данный эксперимент (и ему подобные) не удачен, что крайне сомнительно, либо расчеты согласно классической ньютоновской механики не верны. Но если это так, то следует отказаться от ньютоновской физики, от трехсотлетнего этапа развития физики, от всего комплекса мировоззренческих, психологически-ценностных установок, классического периода развития науки. За это время механика

Ньютона стала основой всего естествознания, как и геометрия Евклида за 23 века стала основой всего естествознания [7]. Она стала основой преподавания естественных наук в вузах и школах. Классическая наука на основе классической ньютоновской физики и геометрии Евклида вошла в обыденное сознание, вошла в обыденное мировоззрение образованных и необразованных людей, и здравый смысл стал соответствовать мировоззренческим и ценностно-психологическим установкам науки классического периода, это стало частью повседневного опыта. Вдруг отказаться от всего этого наследия научное сообщество не могло, нужна была новая фундаментальная физическая теория. Нужен был прорыв, нужен был гений. Плановым образом такого рода события не свершаются.

Компромиссный выход предложил нидерландский физик-теоретик Генрик Лоренц (1853–1928). Его предложение было следующим. Экспериментальная установка, как и все физические тела, в своем движении проходит через эфир. Эфир – это материальная среда, хотя и очень тонкая, разреженная и т. д. Физические тела в своем движении, проходя через эфир, претерпевают некоторую трансформацию. Атомы, составляющие эти тела, как бы сплющиваются по направлению движения, поэтому плечи интерферометра в опытах Майкельсона и Морли уменьшались в размерах по направлению движения экспериментальной установки на величину, кратную $\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$.

Согласно этому допущению, в ходе эксперимента плечо интерферометра по направлению движения $l' = l_0 \cdot \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$, где l_0 – длина плеча интерферометра до начала эксперимента.

Лоренц отдавал себе отчет, что такое допущение чисто конвенциональное образование, принятое с единственной целью – сохранить прежнюю классическую физику, в том числе и понятие эфира, абсолютного пространства, абсолютного времени, абсолютного движения, преобразования Галилея. Помимо этого допущения, Лоренц вводит еще 10 конвенциональных допущений, таким образом, вся его электродинамика оказывается чисто конвенциональным построением. Как непротиворечивая система, такая теория имеет право на существование, несмотря на научно-исследовательскую практику, такой компромисс на начало 90-х годов XIX в. устраивал всех. Вся классическая ньютоновская физика основана на движении инерциальных систем. Вследствие этого я могу предположить, что моя комната, мой письменный стол находятся в абсолютном покое относительно абсолютного пространства, эфира и времени как абсолютно равномерной текущей длительности и имеют абсолютные размеры. Теперь возникает вопрос: каким образом, если мы находимся внутри инерциальной системы, мы можем определить, находятся в покое моя комната и письменный стол или находятся в равномерном прямолинейном движении? Один из смыслов принципа относительности Галилея гласит, что наблюдатель, находящийся внутри инерциальной системы, ее собственными средствами не может

определить, находится она в покое или в инерциальном движении. В этом случае возникает проблема: как я могу определиться с длиной моего стола, как я могу его измерить, нахожусь ли я в покое относительно эфира или я движусь вместе со своим столом через эфир? Да никак, на эти вопросы нет ответов. Это определить невозможно согласно определению понятия инерциальной системы. Понятие абсолютного пространства, абсолютного времени, эфира, абсолютного движения, оказывается, теряют свой смысл, по меньшей мере для экспериментальной деятельности, для эмпирического субъекта. К этому времени электродинамика Максвелла приобрела права гражданства, особенно после комиссии немецких физиков под руководством Герца, которая получила Рентгену проверить предсказание Максвелла о том, что существуют короткие дециметровые электромагнитные волны – то, что потом начало называться рентгеновским излучением [5]. Рентген обнаружил эти х-лучи в ходе экспериментов, что нашло большое применение не только в физике, но и в медицине. В 90-х гг. XIX в. не только простых людей, но и маститых ученых искренне поражали возможности рентгеновского излучения. С его помощью люди с большим удовольствием демонстрировали изображения своих кистей на экране. К примеру, гениальнейший французский физик и математик Анри Пуанкаре с огромным удовольствием демонстрировал такие опыты перед своими слушателями. В немецких обувных магазинах очень оперативно стали применять рентгеновские установки при подборе обуви клиентам. Сколько времени эта новинка практиковалась в обувных магазинах, неизвестно, может быть, и тогда стало понятным, что рентгеновское излучение наносит огромный вред здоровью. Сколько умерло клиентов этих обувных магазинов – неизвестно, о вреде рентгеновского излучения люди еще тогда не знали [11]. Дело дошло до того, что некоторые энтузиасты охотно стремились получить изображения своих скелетов на экране, но того рода изображения, как правило, вызывали приступ истерического плача.

Максвелл, как и другие физики, отдавал дань натурфилософскому понятию эфира. В своем завершающем труде «Трактат об электричестве и магнетизме» (1873) в 1000 страниц он не только изложил свою электродинамику, как завершающий этап развития теории электричества и магнетизма, он собрал все достижения в этой области, исследования других физиков, в том числе и школы Ампера. Но парадокс заключается в том, что в этом огромнейшем труде, по сути дела, энциклопедии по теории электричества и магнетизма, Максвелл большое количество страниц посвящает изложению механической концепции эфира, что отвращало читателей от этого гениального труда. Автор оговаривался, и не раз, что это механическое изложение концепции эфира служит лишь иллюстрацией, но читатели не замечали этих оговорок. В книге «Наука и метод» другой гений – Анри Пуанкаре – с добродушной иронией отзывается об этих попытках Максвелла построить механическую модель эфира для иллюстрации электромагнитных процессов. Максвелл упорно пытался строить механическую картину мира

и одновременно с этим признавался в том, что понятие электромагнитной волны, световой волны, электромагнитного поля, принципов близкодействия не нуждаются в понятии эфира [12].

Физика имеет дело с числом и измерением, а понятие эфира лишь искусственно втискивается в эти понятия. Это «физическое понятие» не обрело своего физического референта, несмотря на множество концепций эфира, а следовательно, не имеет права на существование. Более того, само понятие эфира содержало массу противоречий. К примеру, противоречия между концепциями продольных и поперечных волн эфира и т. д. Концепция эфира полностью превратилась в теорию *ad hoc*, что методологически недопустимо даже на интуитивном уровне. Это полностью конвенциональное построение каким-то образом выручало нестрогие построения физиков и поэтому пользовалось консенсуальным признанием профессионального научного сообщества. Даже гениальный Менделеев включает понятие эфира на правах химического элемента в свою периодическую таблицу (верхняя левая клетка; «Мне бы хотелось предварительно назвать его “Ньютонием” – в честь бессмертного Ньютона [13]. Задачу тяготения и задачи всей энергетики нельзя представить реально решенными без реального понимания эфира как мировой среды, передающей энергию на расстояния. Реального же понимания эфира нельзя достичь, игнорируя его химизм и не считая его элементарным веществом»). Но уже в 1906 г. в фундаментальном учебном пособии «Основы химии» (VIII издание) Менделеев исключает понятие эфира из своей таблицы и дает новую группировку элементов. Конечно же, понятие эфира выполнило свою эвристическую задачу в процессе становления волновой концепции света, но физического референта так и не было обнаружено. В свое время в алхимии, в химии, в экспериментальном естествознании было признано понятие флогистона как горючего вещества, которое содержится во всех материалах химического и физического эксперимента, что позволяло на протяжении многих веков делать достаточно точные расчеты для тех или иных реакций вещества. Как научное понятие флогистона было оформлено в XVII в. и благополучно просуществовало до середины XIX в., до создания теории термодинамики. Хотя нужно оговориться, что к этому времени понятие флогистона почти ушло из научного оборота, и теперь уже навсегда. До этого ученым было очень удобно пользоваться этим понятием, и оно тоже выполняло задачи теории *ad hoc*. Если металл терял в весе при нагревании, значит, из него улетучился флогистон с отрицательной массой. Если какое-то вещество прибавляет в массе при нагревании, то это значит, что из него улетучивается флогистон с положительной массой. Флогистон, как эфир, никто не мог зафиксировать как при непосредственных, так и опосредованных наблюдениях.

В 1900 г. в Париже проводилась всемирная выставка достижений хозяйства, в рамках этого всемирного мероприятия проводился конгресс по физике и математике. Выступая на пленарном открытии этого конгресса, лорд Кельвин сказал, что физика развивается успешно, на ее ясном

небосводе только два небольших облачка, одно связано с эфиром, а другое с излучением абсолютного черного тела [14]. Из одного облачка выросла теория относительности, а из другого квантовая механика. На другом своем выступлении лорд Кельвин заявил, что он уже пятьдесят лет занимается разработкой механической концепции эфира, что он уже стар и хотел бы эту эстафету передать молодым ученым. Слова лорда Кельвина не нашли отклика в душах молодых ученых.

Понятие эфира превратилось в чемодан без ручки. И отказаться решимости не хватает, и разрабатывать очередную концепцию эфира не хочется. Для отказа от понятия эфира нужна новая физическая фундаментальная теория, в которой нет места понятию эфира. Пока лишь пропозитивистские принципы наблюдаемости сигнализируют о том, что если нет физического референта научного понятия, то такого понятия быть не должно.

В обыденном обиходе еще долго будет сохраняться слово «эфир». В практике мореплавания сохраняется традиция «Молчание в эфире», все радисты на кораблях, замирая, слушают эфир в ожидании сигнала SOS. В медицине используется вещество под названием «эфир», в практике телерадиовещания используется дежурная фраза «Мы в прямом эфире», но, вероятно, это фраза будет вытеснена фразой «Мы в режиме онлайн». Но фраза «В прямом эфире некто заявил то-то...» по-прежнему сохраняется.

В дальнейшем Эйнштейн решил представить понятие эфира как вдохновляющую идею к созданию единой теории поля.

Список литературы

1. Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М.: «МИР», 1964. 453 с.
2. Каган В.Ф. Лобачевский и его геометрия. М.: ГИТТЛ, 1955. 303 с.
3. Каган В.Ф. Очерки по геометрии. М.: Издательство Московского университета, 1963. 572 с.
4. Комацу М. Многообразие геометрии / пер. с япон. М.: Знание, 1981. 208 с.
5. Коськов С.Н., Лебедев С.А. Гносеологические корни возникновения конвенционализма // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1980. № 5. С. 17–23.
6. Коськов С.Н., Лебедев С.А. Единство мировоззрения и методологии – телеологический подход // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4-2. С. 13–19.
7. Коськов С.Н., Лебедев С.А. Козволюция моделей науки и мировоззренческих установок // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 22–31.
8. Лебедев С.А., Коськов С.Н. Логико-исторический анализ конвенционализма // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6, № 3. С. 22–27.
9. Лебедев С.А., Лебедев К.С., Коськов С.Н. Виды научного знания: различие и единство // Вестник Северо-восточного федерального университета им.

М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2017. № 2 (06). С. 57–66.

10. Лебедев С.А., Лебедев К.С., Коськов С.Н. Позитивно-диалектическая программа философии науки // Известия Российской академии образования. 2016. № 4 (40). С. 5–36.

11. Левитин К. Геометрическая рапсодия. М.: «Знание», 1976, 144 с.

12. Либшер Д.Э. Теория относительности с циркулем и линейкой / пер. с немец. В.Е. Маркевича. М.: Мир, 1980. 150 с.

13. Фок В.А. Теория пространства, времени и тяготения / мзд. 2-е, доп., М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1961. 563 с.

14. Эйнштейн А. Собрание научных трудов: в 4 т. IV. М.: Издательство «Наука», 1967.

THE EVOLUTION OF PHYSICS IS A PARADOXICAL CHANGE OF IDEOLOGICAL AND METHODOLOGICAL PARADIGMS. CONVENTIONALITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

S.N. Koskov

Turgenev Orel State University, Orel

The intense work of physicists of the XIX century prepared revolutionary changes in physics at the turn of the XIX–XX centuries. In addition to the discoveries of atomic divisibility, radioactivity, quantum mechanics (M. Planck), the theory of relativity (A. Einstein), new ideological and methodological programs are being developed. If the new picture of the world became obvious already at the beginning of the XX century, then the methodological understanding, the development of new methodological programs based on these discoveries, in fact, began in the 60s of the XX century.

Keywords: *subject of cognition, philosophy, physics, worldview program, methodological program, worldview, methodology, conventionality of scientific knowledge, concessiveness of scientific knowledge.*

Об авторе:

КОСЬКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел. E-mail: koskov6819@gmail.com

Author information:

KOSKOV Sergey Nikolaevich – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Turgenev Orel State University, Orel. E-mail: koskov6819@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2024.

УДК 165.12

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.023

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А.А. Шестаков*, В.В. Ходыкин**

* ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

** ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет
им. акад. С.П. Королева», г. Самара

В статье осуществляется исследование проблемного поля феномена рациональности в контексте активного развития гуманистических идей. Еще одним аспектом мировоззренческого характера для философского изучения избранной проблематики выступает уходящее в Средневековье истолкование человека как потенциального субъекта рефлексии на принципах, идеалах и нормах рациональности. На фоне таких мировоззренческих ориентиров формируется вера в бесконечные когнитивные возможности человеческого разума в плане его дальнейшего развития и способности освоения окружающего мира, постановки фундаментальных мировоззренческих вопросов и активного поиска ответов на них.

Ключевые слова: разум, рациональность, истина, дискурс, скептицизм, сомнение, вера.

В исследовательском дискурсе достаточно распространен тезис, что на исходе Средневековья гуманистические идеи фактически возвращают философское сознание к античным интенциям рефлексии разума. Разум античного человека как мера всех вещей эволюционирует в разум венца творения Ренессанса. Подобного рода метаморфозы ощутимо контрастируют в рефлексии с фоном стремительно уходящей в прошлое средневековой эпохи, где человек воспринимается в первую очередь как существо грешное, нуждающееся в регулярном покаянии и прощении со стороны Бога. И, разумеется, столь стремительное возведение несовершенного и преимущественно греховного человека со слабой волей в центр созданного Богом мира распространяется и на рефлексии разум. Появляется вера в бесконечные когнитивные возможности человеческого разума в контексте перспектив его дальнейшего развития и способности освоения окружающего мира, постановки фундаментальных вопросов и активного поиска ответов на них [3, С. 119].

Фоном интенций рефлексии разума рассматриваемой культурно-исторической эпохи выступает концептуальное развитие философии второй схоластики, или контрреформации (Р. Белармино, Г. Васкес, Л. Молина, П. Фонсека, Ф. Суарес). Отношение данных мыслителей к рационализму в вере и мысли не было однозначным. Будучи идейными

© Шестаков А.А., Ходыкин В.В., 2024

наследниками классической средневековой схоластики, они ощущали в формирующемся рациональном взгляде на окружающий мир даже в некотором роде угрозу традиционной вере. Правда, при этом мысль Ренессанса признавала возрастающую роль разума в освоении окружающей действительности, являющейся творением всемогущего Бога и находящейся под управлением им созданных законов. Таким образом, всё сказанное активно начало стимулировать процесс секуляризации философии и науки как основных форм рационального постижения мира. Это всё, конечно, не является чем-то случайным. Красноречивым тому подтверждением можно считать тот факт, что ведущие мыслители и ученые Нового времени были учениками упомянутых выше философов второй схоластики.

В данный период приходит осознание того факта, что вторая схоластика оказывается необходимой логико-категориальной и методологической лабораторией философии эпохи Просвещения. Нужно отдавать себе отчет, что вторая схоластика оказала бесценную услугу всей мировой философии посредством активного содействия оттачиванию философского языка как важнейшего инструментария философии. Данное направление в философии активно способствовало постановке новых проблем, а также толчку к синтезу прежних и новых инструментальных и содержательных подходов к ним. В данной связи напрашивается вывод, что проблемное поле второй схоластики достаточно долго еще будет своеобразным основанием для мыслителей разных направлений и школ к дальнейшим исследованиям.

Зарождение естествознания, которое, в свою очередь, проходило почти параллельно развитию рефлексии в натурфилософском и гуманистическом направлениях, одновременно послужило началом зарождения классической науки, первой научной революции и, соответственно, первого типа научной рациональности. Всё это, как нетрудно догадаться, явилось одной из важнейших вех в истории развития феномена рациональности в мировой философии. Отсюда вытекает необходимость последовательного рассмотрения развития исследовательского разума в обозначенных выше направлениях [6, р. 111].

Интеллектуальную активность в области исследовательского дискурса в обозначенном направлении проявили многие мыслители Ренессанса. Вместе с тем в философском сознании той эпохи оформляется серьезный скептицизм относительно возможностей человеческого разума. Об этом свидетельствуют, в частности, труды таких мыслителей, как Эразм Роттердамский и Мишель Монтень. Эразм Роттердамский подвергает критике хорошо известный в классической схолистике поиск готовой истины в догматах, предлагаемых на веру. Также мыслитель выражает серьезный скептицизм относительно интенций ряда мыслителей этой эпохи в поисках истины через глубокий рефлексивный дискурс. Здесь философ эпохи Ренессанса подвергает критике наметившуюся гуманистическую идеализацию самого человека по античному образцу. Подобного рода идеализация Эразмом воспринимается как неизбежное следствие невежества, неспособности тогдашнего разума осознать всю тернистость пути рефлексии к заветной истине.

Мыслитель, таким образом, вполне осознанно говорит о серьезных сложностях когнитивного порядка на пути фундаментальных исследований безграничной по своим масштабам структурной организации окружающей действительности. Такие сложности, по его мнению, возникают в сознании потенциального философа или ученого в силу объективных обстоятельств, связанных с ограниченностью исследовательского инструментария, имеющегося в распоряжении человеческого разума. В данной связи любой человек, даже не самоуверенный, а вполне скромный искатель истины, здраво и критично рассматривающий результаты своей активности, со всей неизбежностью встречается с массой изначально непредвиденных фактов, преодолеть которые становится очень сложно.

Если задаться целью систематизировать главные идеи Эразма Роттердамского, то в рамках ключевых тезисов можно сформулировать ряд важных положений. Пожалуй, первое из того, что просматривается в трудах философа, это сами исследуемые объекты. Они, в свою очередь, преподносят субъекту рефлексии немало сюрпризов с позиции того, как они могут восприниматься изначально, и того, какими они оказываются на самом деле. Другими словами, какими они предстают исследовательскому взору по результатам глубокого и всеобъемлющего дискурсивного анализа. Мыслитель Ренессанса обстоятельно говорит об изначально представленных сознанию феноменах – жизни, пользе, благе, изобилии, благородстве, любви, дружбе, мощи, грамотности или компетентности. Чуть позже Эразм примерно столько же говорит и о том, что вскрывается в процессе детальных исследований, т. е. о смерти, вреде, нищете, примитивной слабости и скудости, откровенной низости, вражде и, наконец, полном невежестве. В результате сама по себе действительность вокруг человека по результатам глубокого анализа оказывается вовсе не той, какой она представлялась сознанию первоначально. Причем в данном случае речь идет отнюдь не только о том, что присутствует в мире вокруг людей, т. е. живой и неживой природе.

Ничуть не в меньшей степени приходится говорить о самих людях и о том, что они образуют в процессе длительной истории своего развития как на уровне отдельного человека, разных социальных групп, отдельных локальных сообществ, так и на уровне человечества в целом со всеми его достижениями и их последствиями. Эразм предлагает срывать маски с целью увидеть подлинную картину бытия, чтобы «увидеть как раз обратное тому, что рисовалось с первого взгляда»: оказывается, что в действительности они – нечто противоположное ролям, исполняемым ими в той комедии, которой является жизнь. Сорвать с них личины, которые они на себя нацепили, – дело нелегкое; вместе с тем – это единственное средство, позволяющее достичь истинного знания о людях и о жизни человеческой [1, с. 85].

Далее знаменитый гуманист обращает внимание на взаимодействия между различными элементами мироздания, делая акцент на их чрезвычайном многообразии и сложности. В частности, отмечается особая сложность в межличностных отношениях. В силу такой сложности и запутанности

социальных отношений мыслитель признает всю условность существующих в данном контексте теоретических конструкций. Истинность результатов проводимых исследований, таким образом, оказывается для рефлексизирующего разума достаточно условной и подвергается серьезным сомнениям. Подобная сложность в исследованиях наводит известного гуманиста на признание серьезных противоречий между явной, на первый взгляд, видимостью и глубинной сущностью объекта рефлексизирующего разума.

Подобный ход рассуждений в обозначенном контексте делает для известного гуманиста вполне очевидной ценность высказываний глубоко уходящего своими корнями в античную эпоху скептицизма. Эразм Роттердамский в качестве ключевых достоинств скептической концепции видит ее непротивительность, отсутствие убеждений в окончательности, финальной точности, неопровержимости и всеобъемлющей полноте готового знания о мире вокруг нас. Безграничную структурную и содержательную сложность мироздания в данном контексте мыслитель приводит, видимо, в качестве ключевого аргумента. Здесь Эразм призывает нас к необходимости проявлять осмотрительность, сдержанность, меру, дабы миновать категоричности в выводах и избежать потенциальных заблуждений. «...меня настолько не радуют определенные утверждения, что я с легкостью пошел бы за скептиками повсюду ...» [2, с. 219]. «В жизни человеческой всё так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя знать наверное...» [1, с. 119].

При этом философ не делает каких-либо утверждений относительно полной недоступности достоверного истинного знания для мыслящего разума. В определенных обстоятельствах философ допускает возможность обретения такого знания. Особый интерес для исследователей представляет то, какими двумя ключевыми условиями Эразм ограничивает такую возможность. Речь идет о ранее упомянутой внешней видимости, или иллюзорности истинности большинства выдвигаемых для обсуждения тезисов, которые в результате детального анализа не оказываются таковыми. Во-первых, отмечается необходимость сложного детального философского дискурса в целях обоснования истинности выдвигаемого положения. Данный процесс со всей необходимостью предполагает элиминацию всего не прошедшего проверку на истинность. Данное действие в XX в. получит свое наименование в аналитической философии как «принцип верификации». Эразм же в данном контексте указывает на недопустимость бездумной веры в истинность любого предлагаемого тезиса, каким бы убедительным и приятным для эмоционального восприятия он ни казался. Всё в рациональной философской традиции требует своего детального обоснования.

Во-вторых, указывается возможность получения исследователем негативных эмоций в процессе детального обсуждения предлагаемого тезиса. Последнее обстоятельство, по мнению Эразма, вполне способно ослаблять критические интенции в рефлексизирующем сознании. Данный фактор уже способен порождать в таком сознании заблуждения. Выражаясь современным языком, искажающее созерцание окружающей нас

действительности способно приносить человеку самые положительные эмоции. Последнее обстоятельство, в свою очередь, дает нам довольно ощутимый эмоциональный отдых от повседневной стрессовой рутины. «...ежели знание порой и возможно, то оно нередко уничтожает всякую приятность жизни». Поэтому душа человека «более прельщается обманами, чем истиною» [1, с. 120].

Интенциональность рефлексии в интересующем нас контексте феномена рациональности побуждает мыслителя говорить о необходимости прошедшего тщательную проверку на истинность знания для субъекта. Такое знание, по мнению гуманиста, существенным образом обогащает интеллект рефлексизирующего субъекта. Таким образом, следуя скептической традиции позднего Средневековья, Эразм закрепляет за философией возможность признавать истинными только те положения, которые прошли тщательную проверку разумом.

Вместе с тем снова следует вспомнить и о специфике самой философии эпохи Ренессанса в целом. Речь в данном случае идет о том, что в то же время интересующий нас феномен рациональности посредством привычной философской рефлексии присутствует в интеллектуальном сознании на фоне возможности дискурса о готовых истинах из христианского вероучения. Точнее говоря, в философии Ренессанса в рамках реформации и контрреформации сохраняется тенденция следовать средневековой традиции, считать неопровержимо истинными утверждения авторитетных религиозных мыслителей, которые, в свою очередь, опираются на фундаментальные положения христианского вероучения. И в этом смысле ренессансная рефлексия является в значительной степени продолжением уже сложившихся традиций классической схоластической средневековой рефлексии.

Так, еще один представитель философской рефлексии эпохи Ренессанса – Себастьян Кастеллион – говорил, что традиционные теологи не только сами мало в чем сомневаются, но полагают, что всякий, подвергающий сомнению религиозные постулаты, является отрицающим возможность всякой разумной аргументации и доказательств в поисках истины. Естественно, подобную позицию было принято объявлять в то время еретической со всеми возможными социальными последствиями. Себя же Кастеллион, согласно собственным убеждениям в недоказанности, необоснованности и сомнительности многих религиозных положений, считает вполне разумным мыслителем, способным заниматься рефлексией в поисках заветной истины.

Идущая от античных скептиков традиция аналитической проверки на соответствие действительности полностью поддерживается С. Кастеллионом. Сомнение вкупе с аналитической рефлексией в исследовательском дискурсе становится профессиональным долгом мыслителя. Согласно Кастеллиону, сам скепсис и следующий за ним детальный аналитический дискурс, сопровождающий рефлексией, оказывается даже своего рода предписанием со стороны Бога. Как следствие, невыполнение данных предписаний

может быть чревато разными неприятными последствиями для дальнейшего развития философии с ее алгоритмами поиска истины с опорой на идеалы, нормы и принципы рациональности.

Фундаментальную идею всех концептуальных построений Кастеллиона относительно интересующего нас феномена рациональности в общих чертах можно изложить следующим образом. Философ главную свою исследовательскую задачу контрастно прописывает в необходимости овладения «искусством сомнения и веры». Такая постановка проблемы побуждает мыслителя к написанию своего главного труда – «Об искусстве сомнения и веры, неведения и знания». Как раз подтверждением сказанному выше можно считать то обстоятельство, что уже с самого начала данного трактата четко просматривается эта фундаментальная задача, обозначенная С. Кастеллионом как освоение потенциальными читателями «искусства сомнения и веры».

При этом мыслитель признает, что далеко не все предлагаемые тезисы вызывают сомнение. Таким образом, нам предлагается четко определить тот контекст, в котором необходимо сомнение, т. е. детальная аналитическая проверка конкретного тезиса на соответствие действительности. В частности, суждения, явно противоречащие данным наших органов чувств, а также элементарным доводам разума, следует рассматривать как ложные и абсурдные. То есть такие суждения тоже не вызывают сомнений. Также, по мнению Кастеллиона, не вызывают сомнения ранее уже многократно проверенные данными органов чувств и доказанные в процессе длительных обсуждений положения. Такие положения со всей необходимостью нужно рассматривать как полностью соответствующие всем критериям истины. И, наконец, сомнение могут и должны вызывать тезисы, содержащие не доказанные ранее предположения, допускающие так называемые вероятностные суждения. Подобного рода тезисы не проверяются органами чувств, а также являются предметом длительного рефлексивного дискурса. Причем рефлексизирующий разум не дает однозначных ответов на возникающие при этом сопутствующие вопросы. И в то же самое время подобного рода суждения не вызывают явных противоречий с показаниями органов чувств, доводами разума или позициями каких-либо авторитетных точек зрения [8, р. 71].

Словом, скептическая позиция рефлексизирующего разума Ренессанса на доктринальном уровне может характеризоваться тем, что человек в принципе не способен полностью исчерпать все аргументы за или против какого-либо решения интересующей его проблемы. Здесь явно просматривается позиция постоянного поиска. Она основывается на необходимости воздержания от формулировки окончательного вывода до того, когда будет собрано как можно больше аргументов в пользу одного из полемизирующих тезисов. Необходимость сомнения, аналитической проверки рефлексизирующим разумом базельский гуманист тесно увязывает с осознанием соотношения между верой и знанием. Как полагает мыслитель, верить означает признавать истинным неочевидный тезис. Такой тезис оказывается изначально только вероятным. А в процессе его детального обсуждения можно теоретически

обнаружить в нем как истинное, так и ложное. При этом ложное не может быть объектом знания. По поводу ложного можно только находиться в состоянии заблуждения. А вот предметом веры ложное уже может быть. Ложного нельзя знать, в ложное можно только верить. Философ утверждает: «...свидетелями законы признают только знающих, но не верящих. Судьи верят свидетелям, если они заслуживают доверия. Свидетели же (которым судьи верят) не верят, а знают» [5, р. 82]. Другими словами, человек, не имея нужной информации, склонен верить тому, кто ему ее предоставит (особенно это актуально в случае, если источник знаком и заслуживает доверия). А если такого доверия нет или нет уверенности в компетентности источника нужной информации, то возникает сомнение в истинности получаемого сообщения. Но в случае обретения самим субъектом (в лице конкретного человека или исследовательской группы) нужной и ранее неизвестной информации сомнение или вера исчезают автоматически, словно мифы. С приходом знания уходят в прошлое столь важные для человека с эмоциональной точки зрения сомнение, вера, мифы. Здесь можно выразиться словами М. Вебера – наступает так называемое «расколдовывание реальности».

Таким образом, Кастеллион, как и Эразм, в основание своих концептуальных конструкций мироздания кладет феномен рациональности. Для понимания значения разума автор говорит фактически о его вечности. Базельский гуманист указывает на бытие разума до откровения Бога в рамках Священного Писания, даже до сотворения мира, и что он будет существовать всегда, после всех времен всемирной истории. Фактически мыслитель отождествляет разум с Богом. Особенно это касается второго лица Святой Троицы – Иисуса Христа. Кастеллион полагает, что именно следуя разуму, Христос готовил своих учеников для дальнейшей проповеди христианского вероучения. Так, ссылаясь на тексты Евангелия, мыслитель говорит о греческом «Логосе», или Слове Божиим, отождествляемом с Разумом. Кастеллион утверждает, что сам по себе «разум, намного превосходящий все (другие) дары Бога» [5, р. 130], способен заниматься детальным поиском истины в когнитивной практике и, что еще важнее, обретать ее.

Аргументацию, необходимую для обоснования своих концептуальных построений, Кастеллион находит также и в античной философии. Философ признает идейное сходство по некоторым положениям античной и христианской мысли. Его впечатляет и тот факт, что античные идеи не знали Бога в его христианском представлении. Соответственно, в данном контексте идейные ориентиры античной мысли явно отличались от средневековых и ренессансных. Как полагал Кастеллион, главным фундаментом в античной рефлексии был именно разум. В то же самое время авторитет языческих богов не был в то время столь весомым, каким он стал представляться в христианскую эру. В силу данных обстоятельств, как уже отмечалось, доводы разума позволили тогдашнему научному сообществу постичь важнейшие константы в структурной организации мироздания.

Эразм и Кастеллион обращают внимание на то, что в рефлексии субъекта и в объектах его интенциональности периодически возникают трудности или сбои, из-за которых возникают ошибочные суждения. Подобного рода преграды на пути академических исследований могут возникать по причине болезни или негативного внешнего воздействия на органы чувств. Всё это способно порождать искаженные впечатления и образы феноменов в процессе наблюдений и экспериментов. Такие искажения можно квалифицировать как иллюзии рефлексии субъекта. Сам по себе разум в процессе рефлексии может сталкиваться с чрезмерной структурной сложностью и многообразием объектов его интенции. А это, в свою очередь, порождает сложные и запутанные вопросы, на которые крайне трудно найти объективно истинные (принимаемые всем исследовательским коллективом) ответы. Возникающие в таких ситуациях заблуждения надо считать неизбежным следствием, или, как принято говорить современным языком, чисто рабочим моментом. Обнаружение подобного рода заблуждений и тем более их преодоление в результате оказывается достаточно длительным и чрезвычайно сложным моментом. Другими словами, затратная составляющая работы над ошибками, как правило, довольно внушительна и многоаспектна. Плюс к этому известные гуманисты Ренессанса выделяют еще и объективную составляющую приводимых препятствий на пути серьезных исследований, т. е. они возникают, как правило, совсем неожиданно и помимо воли самих участников [7, р. 75].

Изложенное выше демонстрирует явное влияние эразмианства в скептических концепциях Кастеллиона. Вместе с тем прослеживаются некоторые отличия – преимущественно технического или даже стилистического характера. В частности, Николай Отрекурский со своими последователями придерживались скептицизма касательно того, что не содержится непосредственно в опыте или не подлежит обоснованию законом противоречия. Содержательно это распространяется, по их мнению, и на базовые постулаты христианского вероучения. По этой причине данные постулаты выступают лишь объектом веры для каждого человека.

Эразм Роттердамский более избирательно подходит к данному вопросу, говоря о вере преимущественно в отношении разного рода сложившихся обрядов в богослужбной практике. В то же самое время ключевые христианские догматы Эразм считает вполне доказуемыми разумом в процессе глубокой рефлексии. Таким образом, присутствие феномена рациональности в вере у гуманиста из Роттердама рассматривается как следствие разумно обоснованного убеждения, практически никак не отличающегося от готового знания. Эразм не признает все положения, которые, по его мнению, идут вразрез с доводами опыта и разума (т. е. заблуждения). Что же касается тезисов, не находящихся подтверждения, а также отрицания опытом и разумом, то в данном контексте речь может идти лишь о вероятностных суждениях. Здесь, иначе говоря, вступает в игру субъективный фактор. Субъект рефлексии волен придерживаться более близкой ему и более

обоснованной точки зрения, оставляя открытым простор для суждений со стороны других потенциальных участников исследовательского дискурса. В данном случае становится наиболее оптимальным воздержание от поспешных категоричных суждений.

В целом касательно аргументации в разуме и опыте гуманисты соглашались с Эразмом. Таким образом, понимание необходимости поиска истины как готового знания о действительности обеспечивает определенное единодушие среди гуманистов в целом. Но есть некоторые расхождения в понимании заблуждения и сомнения. Несколько шире, чем у Эразма, понимается заблуждение, в частности, у Кастеллиона. Базельский гуманист склонен трактовать как заблуждения еще и те вероятностные тезисы, относительно которых Эразм предлагает в рамках сложившейся скептической традиции воздерживаться от поспешных безапелляционных суждений и выводов. Другой аспект расхождения мнения с Эразмом прослеживается в процессе анализа различий между верой и знанием. Основательное разведение данных понятий активно осуществлялось представителями скептической рефлексии первой половины XIV в. Эразм, как и Кастеллион, в своих размышлениях по данному вопросу в значительной степени вдохновляется достижениями указанных скептиков. При этом, как отмечалось выше, можно предложить три основных возможных варианта принятия предлагаемого тезиса. Во-первых, можно принять его как истину, рациональным путем обоснованную в результате обсуждения. Во-вторых, опровергнуть его как заблуждение на основании результатов того же детального анализа и если обнаружится несоответствие его содержания данным нашего опыта или выводам рефлексующего разума. И, наконец, в-третьих – подвергнуть предложенный тезис серьезному сомнению в случае отсутствия необходимых аргументов за и против истинности его содержания со стороны нашего опыта и рефлексующего разума. При этом в любом случае вера преимущественно в религиозном или мифологическом смысле здесь не допускается.

Некоторые различия внутри скептических настроений рефлексующего разума среди гуманистов Ренессанса прослеживаются также в отношении к предлагаемым достаточно давно тезисам, но которые пока не нашли своего адекватного понимания на рациональном уровне. Автор «Похвалы Глупости», в частности, допускает возможность веры в истинность и признание в практической плоскости имеющих достаточно солидную историю тезисов преимущественно нравственного или религиозного характера. Как и Эразм, Кастеллион в процессе рефлексии совершенно осознанно допускает подобную возможность. При этом Кастеллион делает акцент на том, что если аргументы в пользу недоверия таким тезисам достаточно сильны, как и в пользу доверия им, то в таких случаях скептическая позиция оказывается наиболее оправданной для философского дискурса.

Более того, Кастеллион считает даже невежеством полностью доверять истинности позиции преимущественно на том основании, что она имеет свою достаточно длительную историю и поэтому стала привычной

философскому сознанию: «...успеха достигают не те, кто довольствуется привычным, тем, что вошло в обычай, а те, которые, заметив в чем-то недостаток, дерзают исправлять и изменять» [5, р. 74]. Надо признать при этом, что базельский гуманист отдает себе отчет еще и в том, что очень значительная часть новых открытий по сложившейся в истории человечества традиции даже при всей своей очевидной истинности на первых порах находит свое признание в рефлексующем сознании с большими сложностями, издержками и даже неприятностями для авторов. Однако, по мнению Кастеллиона, такова вообще специфика развития философского дискурса. И интересующий нас феномен рациональности в данном случае убедительно подтверждает необходимость постоянного новаторства в процессе мышления как залог его непрерывного развития. Здесь сам по себе дискурс, необходимый для рефлексующего разума, предполагает систематическое предложение какого-то нового тезиса для дальнейшего анализа. Ибо в противном случае в исследовательском сознании исчезает сам предмет рефлексующего рассмотрения и сам дискурс, а стало быть, и сам процесс рефлексии.

Продолжение описанной выше идейной линии Эразма Роттердамского и Кастеллиона Базельского можно обнаружить в нидерландском гуманизме Гейманса, Кассандера и Агтея Альбала, которые особое внимание уделяли «Трактату о еретиках». За ними последовали такие нидерландские гуманисты, как Петер Блокций и Дирк Коорнгерт [4, S. 46]. Последние мыслители в большей степени представляли гуманизм с позиций ранней Реформации. Все они активно цитировали своих более старших коллег по гуманистическому цеху, обеспечивая популяризацию их мысли в философской среде в эпоху Ренессанса.

Главная идейная линия рефлексии, идущая от Эразма, в данном случае сохранялась. Соответствовать истине в процессе мышления, по мнению Блокция и Коорнгерта, может только то, что согласуется и выводится на основании доводов разума. По этой причине всё, не соответствующее доводам разума, подлежит элиминации. Также сохраняется традиция проявлять скептицизм в отношении всех положений, которые имеют равнозначные доводы за и против себя. То есть однозначно можно утверждать только то, что подобного рода положения не доказываются и не опровергаются [9, р. 84]. Соответственно, не представляется возможным высказываться о них как об истинных или ложных. Поэтому возникает необходимость воздерживаться от импульсивных однозначных суждений относительно содержания рассматриваемых тезисов. В завершение подчеркнем, что рассмотренные концептуальные положения послужили незаменимой основой зародившейся вскоре философии Просвещения, ориентированной изначально на разум и опыт. Именно этот факт в контексте детальных исследований феномена рациональности можно считать содержательно и методологически подлинным прорывом в истории развития всей мировой философии.

Список литературы

1. Роттердамский Эразм. Похвальное слово глупости / перев. П.К. Губера. М.; Л.: Academia, 1932. 236 с.
2. Роттердамский Эразм. Философские произведения. М.: Наука, 1986. 703 с.
3. Agrippa von Nettesheim. Die Eitelkeit und Unsicherheit der Wissenschaften und die Verteidigungsschrift. Wiesbaden: M. Sändig. Edited by Fritz Mauthner, 1913. 322 s.
4. Aster E. von. Geschichte der Philosophic. Stuttgart: Kröner, 1975. 507 s.
5. Castellion S. De l'art de douter et de croire, d'ignorer et de savoir. Geneve: P., 1953. 302 p.
6. Sanchez F. Que Nada Se Sabe. Buenos Aires: Editorial Nova, 1944. 259 p.
7. Charron P. De la sagesse. Paris: Chassériau, 1820. L. 1. 410 p.
8. Suran T. Les esprits directeurs de la pensée française du moyen âge à la Révolution. Paris: «Schleicher frères», 1903. 246 p.
9. Vier J. Histoire de la littérature française au XVI–XVII-e siècles. Paris: Armand Colin, 1959. 532 p.

HUMANISTIC IDEAS IN THE CONTEXT OF THE ANALYSIS OF THE PHENOMENON OF RATIONALITY

A.A. Shestakov*, V.V. Khodykin**

* Samara State Technical University, Samara

** Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara

The article explores the problem field of the phenomenon of rationality in the context of the active development of humanistic ideas. Another aspect of the worldview for the philosophical study of selected problems is the interpretation of a person going back to the Middle Ages as a potential subject of reflection on the principles, ideals and norms of rationality. Against the background of such worldview landmarks, faith is formed in the endless cognitive capabilities of the human mind in terms of its further development and the ability to master the surrounding world, pose fundamental worldview questions and actively search for answers to them.

Keywords: *reason, rationality, truth, discourse, skepticism, doubt, faith.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева», г. Самара. E-mail: vkhodykin@yandex.ru

Authors information:

SHESTAKOV Alexander Alekseevich – PhD (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences of the Samara State Technical University, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara. E-mail: vkhodykin@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 18.05.2024.

УДК 165.2: 101.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.035

ВОСХОЖДЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ: ОТ ИНТЕЛЛЕКТА И РАЗУМА К МУДРОСТИ

В.Э. Войцехович, С.Г. Выборнова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Мышление человека соответствует типу общества, в котором он живёт. Господствующий в социуме тип мышления также коррелирует и с типом цивилизации. Такое соответствие проявляется в истории стран на Востоке, на Западе, в России. За последние 4 столетия западная цивилизация, пройдя этап механицистского, классического мышления и познания, вошла в конце XX в. в период «турбулентности», перехода от индустриально-технологического общества к новому социуму с иной системой ценностей и мышлением нетехницистского типа. Эти переходные тенденции проявляются в эволюции науки, языка, искусства, философии. Новую цивилизацию предсказал Н.А. Бердяев, назвавший её «Новым средневековьем». Гипотезу русского мыслителя поддержал ряд западных футурологов. Техницизм мышления, господствующий в современной цивилизации, продолжает развиваться в виде информационно-компьютерного мышления, чем создаёт опасность ослабления и деградации когнитивных способностей человека «самого по себе». Проанализированы различные теории когнитивного развития и формы мышления. Описаны гипотезы, объясняющие сущность процесса интуитивного прозрения. Рассмотрено понятие «мудрость» в работах философов Античности и современных авторов. Предложено считать феномен мудрости способностью познания и формой мышления, следующей за концептуальной.

Ключевые слова: мышление, цивилизация, покой, движение, рационализм, мудрость.

Проблема

В XXI в. перед человечеством один за другим возникают всё более трудные вызовы – загрязнение природы, опасность III Мировой войны, не прогнозируемость пандемий и другие глобальные проблемы. Старые методы решения сложных задач плохо работают. Господствующее в социуме мышление неадекватно. Необходимо искать другое мышление, соответствующее современной эпохе, а может быть и будущим задачам.

Проблема состоит в том, чтобы понять: 1) почему прежние когнитивные формы плохо работают в современных условиях, 2) определить тенденции эволюции современной цивилизации и мышления, господствующего в ней, определить направление эволюции, аттрактор, к которому оно движется, 3) установить, от каких устаревших форм мышления следует постепенно отказаться, 4) найти новые методы и формы мышления, которые

© Войцехович В.Э.,
Выборнова С.Г., 2024

помогут не только разрешить современные глобальные проблемы, но и работать в будущем. Решение этих задач поможет формированию более совершенного человека, чем тот, который есть сегодня.

Как разрешить **проблему неадекватности устаревшего мышления и поиска нового, более адекватного?**

Мышление относится к когнитивным способностям человека, которые отличают его от других видов живых существ. Несмотря на то, что феномен мышления ученые исследуют со времен возникновения философии, множество вопросов относительно его сущности, управления и возможности развития остается не проясненным. Доминирующая в настоящее время в науке материалистическая позиция, согласно которой мышление – это процесс, который обусловлен изменением электрической активности в коре головного мозга, который зависит от биологического состояния человека и который постепенно угасает с наступлением старости, не дает ответов на все вопросы, поставленные наукой и не объясняет факты, противоречащие данным утверждениям.

Рассмотрим концепции эволюции мышления в связи с динамикой цивилизации.

Концепции развития мышления

Известно множество схем и теорий развития человека, в которых выделены этапы психического, психосоциального, личностного и духовного развития, излагается периодизация жизни человека. Наиболее полной из них признана теория развития интеллекта¹ Ж. Пиаже. Определённый вклад в теорию мышления внесли П.Я. Гальперин, Л.С. Выготский и другие.

Пиаже выделил 4 стадии развития интеллекта ребёнка, а затем взрослого человека. К ним относятся: сенсомоторная, дооперационального интеллекта (с фазами символически-предпонятийного и интуитивно-наглядного мышления), конкретных и формальных операций [14].

По Гальперину всякий процесс получения нового знания начинается с конкретного действия с предметами, которое в дальнейшем воспроизводится во внешней речи, потом «в уме», благодаря чему приобретает абстрактный характер [8].

Теория когнитивного развития Л.С. Выготского предполагает развитие способностей к обучению и решению проблем у ребенка посредством социального взаимодействия [7].

Ряд авторов выделяют различные типы научного интеллекта: математический, естественнонаучный, гуманитарный, технический. Помимо

¹ Стоит отметить, что под интеллектом Ж. Пиаже понимал функциональное единство познавательных психических процессов, обеспечивающих адаптацию человека к различным условиям жизни. В контексте нашей работы под интеллектом мы будем понимать совокупность когнитивных способностей, а под мышлением – познавательный процесс, в котором эти способности реализуются.

рациональных типов интеллекта ввели эмоциональный интеллект и совсем экзотический – телесный как способность живых существ (бактерий, растений, животных) решать широкий класс задач.

В XX в. наряду с человеческим, естественным интеллектом стали выделять искусственный интеллект (ИИ) – оперирование информацией алгоритмом, созданным человеком.

Часто, но необоснованно интеллект сближают и даже отождествляют с мышлением, с когнитивными способностями.

Интеллект и разум

Возвращаясь к человеку, отметим, что современный человек пользуется словесно-концептуальным мышлением.

Оно включает в себя такие формы как интеллект и разум, но ещё более совершенной формой, присущей немногим, является мудрость.

И. Кант выделяет такие формы мышления как рассудок и разум [11].

Если выражаться современным языком, то рассудок (или интеллект) – это способность к решению задач, опираясь на логику и оперирование конечными множествами (что соответствует потенциальной бесконечности). Даже компьютер может работать как искусственный интеллект (ИИ), решая достаточно простые задачи, доступные естественному интеллекту (ЕИ).

Разум – это форма мышления, дающая способность решать задачи, проблемы, опираясь как на конечные, так и бесконечные множества (актуальную бесконечность), а также высшие духовные ценности (добро, совесть, красота, гармония, любовь ...) [5].

Интуиция

К разуму близка и такая форма мышления как интуитивное² или «инсайтное» мышление, характеризующееся мгновенной обработкой информации и получением результата вне сознательной цепочки рассуждений, вне логики.

Отсылки к интуитивному мышлению можно найти в некоторых восточных духовных традициях, практикующих упражнения, повышающие познавательное напряжение до такой степени, что происходит срыв логического мышления, которое заменяется на интуитивное. К таким упражнениям можно отнести различные способы изменения сознания, а также коаны в системе дзен-буддизма, представляющие собой специфические вопросы-задачи, не имеющие логического решения [10]. Недостатком выделения позиции инсайтного мышления в отдельную форму является то, что инсайт или озарение описан английским психологом Грэмом Уоллесом как один из четырех этапов процесса творческого мышления и рассматривается

² Интуитивное мышление характеризуется быстротой, отсутствием четко выраженных этапов, минимальной осознанностью [13].

рядом исследователей как необходимый элемент любого мыслительного процесса [21].

О природе интуиции известно несколько гипотез. Упомянем наиболее известные: комбинационную и ноосферную.

Комбинационная гипотеза. Её описывали такие философы и математики как Г. Лейбниц, Э. Галуа, А. Пуанкаре, Ж. Адамар. Например, Пуанкаре пишет: учёный, долго решающий задачу, находясь в «полусонном», «полусознательном» состоянии, когда мозг сильно устал, начинает произвольно, нелогично комбинировать друг с другом понятия, формулы, образы, картинки, относящиеся к задаче, пока не получит какую-то «красивую» комбинацию. Она и может быть искомым решением [1]. Здесь без всякого «вычисления» происходит «отбор» единственной мыслеформы из множества бессмысленных комбинаций с помощью эстетического критерия [20].

Ноосферная гипотеза. Геохимик В.И. Вернадский предположил, что Земля развивается, восходя по ступеням литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы и достигает уровня разумной биосферы, или ноосферы. Это совокупность мыслеформ, чувств, переживаний всех людей, живших на планете. Они не исчезают, а сохраняются в невидимой «сфере разума» [4]. Позже ноосферу стали интерпретировать как часть «информационного поля» (ИП) – самой общей совокупности всех возможных мыслеформ универсума. Это как бы «библиотека» бытия.

Учёный, художник, философ, пророк, пытаясь решить проблему, каким-то образом, иногда способен «подключиться» к ИП и сразу получить из него готовое решение. Характерным примером является творчество Сринивасы Рамануджана – гениального индийского математика. В начале XX в. он изучал теорию чисел в университете. Преподаватель увидел, что в тетради записаны не только текст лекции, но взятые неизвестно откуда новые формулы. Всего Сриниваса открыл около 120 новых формул. По мнению известных специалистов того времени Г.Х. Харди и Д.И. Литлвуда, все они правильны, хотя и недоказаны. К настоящему моменту доказательства получены только для половины из них. Откуда Рамануджан взял их? При решении задач, он получал их обычно во сне. «Мне их продиктовала богиня», – писал он [19].

Подобный процесс озарения при решении творческих проблем описывали художники, поэты, музыканты, пророки, святые. В сознании внезапно появлялась идея картины или образ стихотворения целиком, или события будущего и т. п. [12]. Часто интуитивные озарения связывают с мудростью как высшим способом познания.

Таким образом, интуитивно-целостное мышление аналогично: 1) мышлению гениев, сделавших великие открытия в философии (Пифагор, Платон, Декарт, Гегель), науке (Ньютон, Лобачевский, Риман, Пуанкаре, Планк, Гёдель), искусстве (Леонардо Да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Модильяни, Бах, Моцарт, Чайковский), религии (Будда, Христос, Магомет), 2) мудрости как высшему уровню сознания, доступному человеку.

Мудрость

Следующей, максимально совершенной способностью отдельных людей (и соответствующей формой сознания) является мудрость. Основные смыслы этого термина:

- 1) Высшая степень познания, доступная человеку, близкому к Творцу. Пифагору приписывают следующую мысль: «Мудр только Бог. Человеку же следует стремиться к мудрости. Тот, кто любит её, называется “философ”».
- 2) Свойство высшего существа (Бога) – способность «пронизать», чувствовать, понимать «Всё», давать ответы человеку на какие угодно вопросы смысла жизни и бытия.

Известны и другие смыслы термина «мудрость», например, «житейская мудрость» означает способность пожилого человека находить ответы на любые вопросы, разрешать трудные ситуации на основе большого жизненного опыта.

В любом случае мудростью обладают немногие люди, разрешающие «неразрешимые» проблемы. Ряд исследователей отмечают такую характерную особенность мудрых людей как одиночество и молчание (в отличие от обычных людей, склонных к непрерывной словесной коммуникации).

Понятие мудрости использовалось философами, начиная со времен Античности. Сократ считал, что мудрость – это «знание истины, которое помогает человеку жить счастливой и полноценной жизнью» [9].

У Аристотеля мудрость – это «наука, исследующая первые начала и причины», такой ум, который понимает свои собственные границы; это искусство так мыслить, чтобы «добродетельно жить» [2]. По Аристотелю, мудрый человек – тот, который знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности; кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека; кто более точен и более способен научить выявлению причин.

Для И. Канта мудрость – это способность постигать высшее благо. «...мудрость, рассматриваемая теоретически, означает познание высшего блага, а рассматриваемая практически – соответствие воли с высшим благом...» [11].

Таким образом, исторически понятие мудрости понимается и как учение о первоначалах, способность постигать «высшее», превосходить своими когнитивными способностями обычного человека.

Мы считаем, что мудрость можно рассматривать как следующую за концептуальной стадией развития мышления на пути к мышлению совершенного человека. Эволюция мышления личности прямо связана с развитием общества. Особенно ясно это видно при сопоставлении этапов развития цивилизации и этапов усложнения мышления.

Цивилизация. Как утверждают ряд мыслителей, современная цивилизация вступила в переходную эпоху – эпоху расставания со старой индустриально-технологической цивилизацией и вступления в иную, более

духовную эпоху – эпоху объединения стран и народов, формирования в ближайшие столетия целостного человечества

В 1917 г. Н.А. Бердяев написал работу «Новое средневековье», в которой выдвинул предположение о том, что революция, сотрясающая Россию, является не только отрицанием буржуазной цивилизации, но и предвестником следующей, более духовной цивилизации, в чём-то повторяющей религиозную эпоху средних веков [3]. Сходные предположения появились и у западных футурологов в конце XX в. [17].

Сегодня человечество расколото на отдельные «блоки», борющиеся друг с другом – Запад, Китай, Россия, Исламский мир. Конкуренция между блоками и быстрый научно-технический прогресс привели к противоречиям и трансформациям общественного сознания, экономики, политики, даже духовных ценностей. Господствующие формы мышления отстали от вызовов эпохи. Возникла опасность самоуничтожения нашего биовида.

В качестве возможного решения данной проблемы, проблемы неадекватности устаревшего мышления можно предложить следующую гипотезу: **господствующий в обществе тип мышления эволюционирует совместно с развитием цивилизации.**

Структура цивилизации в XX – XXI вв. проходит этапы:

«индустриально-технологическое общество → информационное общество → более духовное, «бердяевское» общество».

Аналогичным образом происходит эволюция господствующего мышления, проходящего этапы

«словесно-вербальное мышление → человеко-машинное (современное) → интуитивно-целостное мышление».

Чтобы обосновать гипотезу, рассмотрим основные тенденции трансформации мышления и познания в XX-XXI вв., этапы его развития, ожидаемые новые формы мышления.

Этапы эволюции мышления

Как трансформировалось мышление лидеров человечества за последние 5–6 тысяч лет?

Восток.

Китай, Индия, Персия, Шумер, Вавилон, Египет. Происходит переход от мифологического и религиозного мышления к философскому и рациональному в различных национальных вариантах. Например, в Китае на почве мифологии Инь-Ян и 5 стихий возникает даосизм, а от него отделяется множество приложений (дао еды, здоровья, любви, борьбы, воинского искусства, строительства, управления и т. д.). Все эти приложения развиваются в рамках иероглифического языкового мышления и «логики» подобию, или «логики» образцов. Последняя состоит в представлении всей жизни в виде «матрицы» задач и готовых образцов для их решения. Данная философско-алгебраическая логика мышления достаточно консервативна и препятствует поиску

новых решений, т.к. ограничена «мышлением подобия». Поэтому другие цивилизации перешли к линейным языкам и стали развиваться быстрее.

Америка.

Майя, ацтеки, ольмеки создали своеобразные цивилизации, в которых соединены мифология, наука, техника с собственными частными вариантами рационального мышления, но в отличие от Евразии зачатки философии проявлены слабо.

Запад.

Античность (Греция, Рим), Средневековье, Новое время, XX – XXI вв. Философское и научное мышление развивается на базе образцов натурфилософии, созданных в Древней Греции, т. е. понятий, образов логоса и движения (Гераклит), числа и гармонии (Пифагор), Единого (Парменид), мира идей как источника мира вещей (Платон), теории категорий, логики, а также понятий формы и материи (Аристотель), аксиоматики (Евклид). Они задали не только перечисленные образцы мышления и познания, но и социально-культурные ценности: поиск истины, добра, красоты, стремление к новым знаниям, восхождение к Высшему.

Величайшее открытие греков – понимание, что реальность, «всё существующее» двойственно, т. е. разделено на наглядный мир (физический) и ненаглядный мир (идеальный, мир идей, существующих сами по себе, независимо от физического мира). Благодаря этому открытию возникли философия, математика.

На этой почве Аристотель создал античный вариант рационализма. Он продолжает развиваться в теологическую эпоху средних веков и достигает высших стадий в эпоху пострелигиозной, индустриально-технологической цивилизации XVII–XXI вв., когда возникает классический (Р. Декарт), неклассический (А. Пуанкаре, А. Эйнштейн, М. Планк) и постнеклассический рационализм (Г. Хакен, И. Пригожин, В.С. Стёпин). Таким образом, общая картина эволюции мышления Запада определяется такими трендами как 1) усиление *абстрактности* мышления, т. е. общее движение мысли от конкретного к абстрактному, 2) *дифференциацией* мышления, и познания, появлением десятков тысяч направлений в науке, тысяч направлений в искусстве, сотен направлений в религии, десятков в философии. Попытки интеграции множества этих направлений пока безуспешны, 3) *циклическими колебаниями* развития (нацеленностью эпохи то на внешнее, то на внутреннее познание – Античность, Средневековье, капитализм...).

Эволюция западного мышления

Остановимся на его эволюции (у философов и учёных). За 2,5 тысячи лет он прошёл следующие основные этапы – 1) античное мышление, базирующееся на разделении реальности на видимую и невидимую (мир физических предметов и мир богов, идей, чисел), рационализм на основе геометрии и логики, 2) рационализм теологического мышления, соединяющего веру в сверхприродное начало бытия (Бога) и логику, Библию и геоцентрическую

систему вселенной Птолемея, поиск неподвижного Единого, 3) рационализм индустриально-технологической цивилизации XVII–XXI вв.

Последний прошёл этапы:

а) классического рационализма, т. е. поиске объективной, бессубъектной истины – философии Декарта, классической механике Ньютона, дифференциальном и интегральном исчислениях,

б) неклассического рационализма, цель которого – открытие субъект-объектной истины так, как это сделано в квантовой теории и теории относительности,

в) постнеклассического рационализма, продолжающий неклассический поиск субъект-объектного знания и основанный на фрактальной картине мира, неклассических логиках, на сближении философии и частных наук [16].

В XX в., в период неклассической и постнеклассической науки проявились новые тенденции в развитии мышления: *его динамизация, технизация, информатизация, трансформация обыденного языка, сближение рационального мышления с художественным, фундаментализация мышления*. Рассмотрим эти тенденции.

Динамизация

В XX–XXI вв. в период последнего, постнеклассического рационализма проявилось противоречие между парадигмой Парменида (поиск неподвижного Единого) и парадигмой Гераклита (поиск движения), или, выражаясь языком Аристотеля, категорий покоя и движения.

Конкретно это проявилось в дискуссиях XX столетия о «подлинной» логике – либо формальной, идущей от Аристотеля, продолжавшего линию Парменида, либо диалектической, идущей от Гегеля, развившего парадигму Гераклита. В естественных науках это проявилось в столкновении классической, механистической парадигмы и постнеклассической, синергетической, т. е. тезисов «всё неподвижно в сущности» и «всё движется в сущности». Теория самоорганизации (синергетика) плохо вписывается в картину мира, принятую научным сообществом XVII–XIX вв., согласно которой «универсум есть неподвижное мироздание». Синергетике соответствует понимание универсума как «реки» (памятуя гераклитово «всё течёт»).

В науке с Античности, со времён Парменида и Аристотеля закрепилась парадигма Парменида и соответствующая ей логика Аристотеля с главным законом – законом тождества. Поэтому лозунгом учёных стало «Ищи неподвижное», а целью познания – поиск неизменных законов мироздания.

Одновременно все образцы мышления в математике, логике, в основаниях физики, биологии, лингвистики и т. д. – это образцы мышления покоя (согласно закону тождества), но не движением. Например, базисной схемой математиков является порядковая структура (арифметика натуральных чисел), в которой подразумеваются неподвижными как «субстрат» (числа 0, 1, 2 ... n, n+1 ...), так и операции с его элементами (аксиоматика Пеано).

В физике как науке о природе также предполагаются неизменными и субстрат природы (материя как частицы и поля), и законы, которым субстрат подчиняется. Аналогично и в других областях – в религии, политике, управлении, даже военной деятельности. Исключением из «любви к покою» являются две области мышления – 1) философия, где есть диалектика (учение о всеобщем движении) и 2) искусство (художественная деятельность, требующая постоянного обновления образов, эмоций и переживаний).

Между тем при здравом размышлении, интуитивно ясно, что покой – частный случай движения, т. к. неподвижность иллюзорна, это очень медленное движение, которое внешний наблюдатель фиксирует как отсутствие изменений параметров объекта.

Отсюда ясно, что наиболее быструю эволюцию прошло западное мышление, прошедшее этапы античного и средневекового рационализма, а в последние 4 столетия развившееся от механистического до синергетического рационализма. Он базируется на словесно-концептуальном мышлении, на парадигме Парменида. Даже современное машинно-компьютерное мышление продолжает оперировать неподвижными формами. Однако в XX в. возникло радикальное нововведение – возрождение парадигмы Гераклита [15] и следующее из него мышление «движущимися» мыслеобразами [6].

Помимо динамизации огромное влияние на мышление оказывает тенденция технизации.

Технизация

В XX в. очевидным стало наступление техники на все сферы культуры и даже на природу человека, что одним из первых отметил М. Хайдеггер. Он пишет, что с эпохи Возрождения, когда в Западной Европе появились мастерские, фабрики, заводы, когда прошли промышленные революции в Англии, Франции, Германии, России, не только учёный, но и средний человек (предприниматель, рабочий, крестьянин) стал мыслить «машинным» способом, механистически, уподобляя любой предмет машине. Именно отсюда происходит классический рационализм, открытый Р. Декартом. Как отмечает Хайдеггер, незаметно, исподволь искажается природа самого человека. Этот процесс он назвал «поставом» [18]. Человек как бы уходит из естественного мира в искусственную природу, погружается в техническую среду, а его органически-целостное мышление подменяется более простым – машинным.

Появились представления о том, что «Бог – великий механик» (XVII–XVIII вв.), «Вселенная – машина», «Человек – машина», «Любовь – химический процесс», «Человек – винтик социальной машины» и т. п.

Наиболее наглядно это видно на эволюции живописи. Органическое, гармонически-прекрасное мышление художников эпохи Возрождения (Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля) в XX в. подменяется всё более

рациональными, техническими образами, дойдя до абстрактно-мёртвых, геометрических картин Пикассо, а в пределе – до «Чёрного квадрата» Малевича. Метафорически выражаясь, мышление погружается в «Великое НИЧТО», умирая и сливаясь с «НИЧЕМ» (впрочем, по мнению ряда мыслителей «НИЧТО» – источник «ВСЕГО»).

Технизация, продолжающаяся половину тысячелетия, породила тренд информатизации.

Информатизация

Стремительно развивающиеся информационные технологии призваны облегчить человеку работу с потоком информации и уже активно внедряются в сферу жизни человека. Например, в качестве секретаря мобильной связи, голосового помощника в поисковых сетях, мобильной навигации, мобильного переводчика, выполняя, таким образом, не только заместительную функцию, но и функцию усиления рациональных возможностей человека.

Однако техническая оболочка личности слабо развивает человека «самого по себе», а ведь главное в движении к совершенному человеку – совершенствование когнитивных способностей.

На наш взгляд игнорирование пути совершенствования самостоятельного мышления человека из-за делегирования когнитивной деятельности искусственному интеллекту (ИИ) опасно риском деградации, формированием зависимости человека от технологий, отрыве от природы, которые могут привести к ослаблению и «отуплению» нашего биовида. Психологи и педагоги в последние десятилетия обеспокоены возрастающей зависимостью подрастающего поколения от гаджетов в ущерб самостоятельной мыслительной деятельности. Поддерживая научно-технический прогресс, мы хотим подчеркнуть необходимость исследований возможности освоения навыков опоры на внутренние ресурсы «человека разумного», к которым в первую очередь мы относим способность человека к мышлению. Мы полагаем, что современный человек обладает потенциалом более совершенных навыков когнитивной деятельности.

Понятие совершенства нам близко в трактовке Аристотеля, который под этим понимал полную реализацию заложенного потенциала: «совершенство сущего есть полная достигнутость внутренней цели, заложенной в его природе, в свою очередь, эта природная цель заключается в осуществлении, актуализации всех потенций, которыми наделено сущее; так что «совершенное» понимается как полностью и всецело актуализованное» [2].

Помимо динамизации, технизации и информатизации сходные сдвиги мышления видны в быденном языке, искусстве, философии XX–XXI вв.

Трансформации быденного языка

Тысячи лет назад у абсолютного большинства народов господствовали иероглифические языки, сводившиеся к знакам, похожим на

изображаемый предмет. В наиболее богатом иероглифическом языке (китайском) насчитывают более 40 тысяч иероглифов. Затем появляются более сложные языки (линейные), сводящиеся к словам, составленным из отдельных знаков (букв), выражающих звуки. В наиболее богатом линейном языке (английском) насчитывают более миллиона слов.

В XX–XXI вв. линейные письменные языки начинают трансформироваться и вытесняться. Молодёжь всё меньше читает книги, но всё больше обращается к гаджетам, в которых читает краткие текстовые сообщения и ещё внимательнее смотрит видео (движущиеся картинки), или глифы. Они теснят линейные языки. Глифы – это современные мобильные иероглифы. Обыденные языки, восходя по диалектической спирали, как бы вернулись к древним иероглифам, но на более высоком уровне. Это уже не неподвижные картинки, а движущиеся.

Типичный пример глифа на 10–20 секунд: на экран выскакивает полуголая певица, машет конечностями, играет прелестями, визжит, выкрикивая что-то иностранное и исчезает. Её сменяет следующий глиф.

Сравнивая жизнь наших далёких предков с современной городской жизнью, видно, что сегодня жизнь среднего человека стала гораздо мобильнее: транспорт, производство товаров, передача информации ускорились в тысячи и миллионы раз. Уже созданы гаджеты, переводящие с помощью ИИ твой язык на любой другой – как устный, так и письменный.

Путешествуя по разным странам, не нужно учить языки. Можно говорить на своём национальном языке, гаджет переведёт на местный язык.

Общий вывод: в ближайшие столетия обыденный язык любого народа как бы раздвоится: на локальном уровне он останется национальным, на глобальном станет новым – языком глифов, т. е. математическим. Сложится единый планетарный язык – язык движущихся мыслеформ [6].

Сближение рационального мышления и художественного мышления-переживания

В чём проявляется трансформация искусства в XX–XXI вв.?

Во-первых, мышление эмоционально-художественными образами, переживаниями всегда оперировало движущимися формами. Например, если в начале спектакля главное действующее лицо выставляется подлецом, то в конце он может оказаться героем (или даже и тем, и другим одновременно). Подобная художественная диалектика превращения противоположностей друг в друга, своеобразная парадоксальность жизни проявляется в глубоких произведениях литературы, цирка, живописи, музыки и т. п.

Во-вторых, ведущая тенденция современного искусства состоит в максимальном «своеволии», якобы «свободе» творчества, т. е. попытках соединения, интеграции «всего и вся» – самых различных видов художественного творчества как друг с другом, так и с наукой, религией, мистикой, политикой и даже с аморальными и преступными действиями людей – ложью,

сатанизмом, сексуальными извращениями, убийством, наркоманией, помешательством и т. п.

Отсюда ясно, что современное искусство через якобы свободу³ погружается в максимальный хаос и отказ от идеалов красоты и гармонии, которые вели когда-то художников к созданию величайших, бессмертных произведений искусства. Вероятно, слияние в искусстве движения, хаоса и своеволия – лишь отражение апокалиптических настроений в эпоху катастроф.

Тенденции развития философии в XX–XXI вв.

«Философия – дочь своей эпохи», – писал Гегель. Современная эпоха начала III тысячелетия носит характер полумрака перед рассветом, как бы «между-действия» в мировом театре (памятуя Шекспира), когда предыдущий акт закончился, а следующий ещё не начался.

Философы разделились на пессимистов и оптимистов. Пессимисты – представители западной, слабеющей цивилизации выдвинули постмодернизм – нигилистическую философию хаоса, всеобщего релятивизма и умирания. Оптимисты – представители зарождающейся, растущей духовно-экологической цивилизации – идею «экофилософии», синтезирующей науку, старую философию, религию, искусство и новые учения о гармонии человека и природы, объединяющей 2 культуры – научно-техническую и гуманитарную (внешнее познание и внутреннее). Именно в такие переходные эпохи возникают наиболее оригинальные, принципиально новые идеи, программы, утопии. В соответствии с законами эволюции большинство из них умрёт в дальнейшем, но малая часть победит и станет «мейнстримом» следующей цивилизации. По нашему мнению, победит «синтетическое» мышление, интегрирующее старые парадигмы и создающее на их базе радикально новое мышление «интуитивно-целостного» типа. Это предсказано Г. Гегелем, Ф. Шеллингом, В.С. Соловьёвым, Н.А. Бердяевым и другими.

Как видим, вместе с трансформацией цивилизации изменяется и характер мышления, что выражается в обыденном языке, науке, рациональном познании, искусстве, философии и других сферах. Произошло сближение и интеграция отдельных областей науки и искусства, идентификация обыденного языка, использование ИИ в управлении и быту. Язык, искусство, философия, а вслед за ними и наука переходят к оперированию «движущимися» формами. Деятельность человека (особенно в мыслительной сфере) стала чрезвычайно разнообразной, вследствие чего усилился хаос и энтропийность во всех областях социальной жизни.

³ Известно по крайней мере 3 понимания свободы: 1) популярно-вульгарное: свобода – максимальное, неконтролируемое своеволие индивида (что ведёт не только к положительным, но и отрицательным общественным явлениям – преступности, безнравственности, сатанизму и т.п.), 2) кантовское – «познанная необходимость», 3) гегелевское – актуализация потенций, или возможность реализации способностей. Только последнее соответствует сущности человека.

Происходит сдвиг от словесно-рационального и машинно-информационного к интуитивно-целостному мышлению. Вероятно, механистический рационализм как относительно простое мышление со временем будет передан ИИ.

ВЫВОД. Господствующее мышление совместно с цивилизацией эволюционирует от интеллекта и разума к мудрости, от рационально-словесного комбинирования неподвижными формами к мышлению движущимися понятиями-образами, от жесткого, однозначного оперирования понятиями к оперированию переменными, мобильными мыслеформами, которые часто называют интуитивным мышлением. Интуиция – не наглядно-чувственное познание, а прямое умозрение высшего интегрального уровня, более сложного, чем рациональное (в старом, декартовом смысле). Интуиция – схватывание целостных, «живых», движущихся «сверхсловесных» форм. Мышление человека, эволюционируя совместно с развитием общества и цивилизации, восходит от интеллекта и разума к мудрости.

Список литературы

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио, 1970. 152 с.
2. Аристотель. Метафизика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 68–69.
3. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин: Обелиск, 1924. 143 с.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
5. Войцехович В.Э. Способен ли ИИ проэволюционировать до разума и сознания? (7 спорных тезисов об ИИ). Курск: Курск. гос. ун-т, 2022. С. 6–10.
6. Войцехович В.Э., Малинецкий Г.Г. Логика. Математика. Рационализм: от Парменида к Гераклиту. Препринт № 15 за 2023 г. ИПМ РАН. М.: 2023. 18 с.
7. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 325 с.
8. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966. С. 259–276.
9. Гомперц Т. Греческие мыслители. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 2. С. 61–64.
10. Забегалина С.В. Специфика обработки информации в процессе интуитивного мышления и прогнозирования // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 1 (33). С. 123–128.
11. Кант И. Критика практического разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. 464 с.
12. Кармин А.С. Интуиция. Философские концепции и научное исследование. СПб.: Наука, 2011. 901 с.
13. Майерс Д. Интуиция. СПб.: Питер, 2021. 448 с.
14. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004. 160 с.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
16. Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
17. Тоффлер Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. М.: АСТ, 2010. 784 с.

18. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
19. Харди Г. Двенадцать лекций о Рамануджане. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 336 с.
20. Marton F., Fensham F., and Chailkin S. A Nobel Eye View of Scientific Intuition // International Journal of Science Education. 1994. № 16. P. 457–473.
21. Wallas G. The Art of Thought. London: Jonathan Cape, 1926. P. 79–96.

THE ASCENT OF THINKING: FROM INTELLIGENCE AND REASON TO WISDOM

V.E. Voitsekhovich, S.G Vybornova

Tver State University, Tver

A person's thinking corresponds to the type of society in which he lives. The prevailing type of thinking in society also correlates with the type of civilization. This correspondence is evident in the history of countries in the East, in the West, and in Russia. Over the past 4 centuries, Western civilization, having passed the stage of mechanistic, classical thinking and cognition, entered the period of «turbulence» at the end of the 20th century, the transition from an industrial and technological society to a new society with a different value system and non-technical type of thinking. These transitional tendencies are manifested in the evolution of science, language, art, and philosophy. The new civilization was predicted by N.A. Berdyaev, who called it the «New Middle Ages». The hypothesis of the Russian thinker was supported by a number of Western futurists. The technicism of thinking that prevails in modern civilization continues to develop in the form of information-computer thinking, which creates a danger of weakening and degradation of human cognitive abilities «by itself». Various theories of cognitive development and forms of thinking are analyzed. Hypotheses explaining the essence of the process of intuitive insight are described. The concept of «wisdom» in the works of philosophers of antiquity and modern authors is considered. It is proposed to consider the phenomenon of wisdom as a cognitive ability and a form of thinking following the conceptual one.

Keywords: *thinking, cognitive abilities, civilization, rationalism, wisdom.*

Об авторах:

ВОЙЦЕХОВИЧ Вячеслав Эмерикович – доктор философских наук, профессор каф. философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: synerman@gmail.com

ВЫБОРНОВА Светлана Геннадьевна – аспирант кафедры философии и теории культуры, кандидат психологических наук, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: svetlana_Vyb@mail.ru

Authors information:

VOYTSEKHOVITCH Vyacheslav Emerikovich – PhD (Philosophy), Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: synerman@gmail.com

VYBORNOVA Svetlana Gennadievna – PhD student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, PhD (Psychology), Tver State University, Tver. E-mail: svetlana_Vyb@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 15.04.2024.

УДК 141.155+130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.050

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Чернавин

ФГБОУ ВО «Государственный университет транспорта (МИИТ)», г. Москва

В статье осуществляется попытка разработки понятия «социальный драйвер» как методологического инструмента для исследования современного цифрового общества. Драйвер обладает противоречивыми функциями: с одной стороны, поддерживает системную целостность общества, исключаящую разноуровневое и разнокачественное развитие сфер и структур социума, с другой – обеспечивает его эффективную эволюцию. Главное предназначение драйвера – согласование социальных потоков, как правило, обладающих разнообразными векторами. Основой анализа выступает диалектика двух социальных институтов – культуры и управления, пронизанных в современном обществе соответствующими технологиями. Возникающие процессы формируют «цифровую культуру управления» в качестве драйвера постиндустриального развития. Выявляются принципы возникновения данного феномена и его основные характеристики.

Ключевые слова: драйвер социального развития, согласование, постиндустриализм, общество, человек, цифровая культура, цифровое управление, цифровая технология.

Введение

В общем и целом под драйвером понимается некая универсальная программа, связывающая другие программы и сервисы с чем-то более общим и высокоорганизованным. Выполняя функцию согласования, драйвер, с одной стороны, блокирует попытки какого-либо компонента «уйти в сторону», с другой стороны – обеспечивает эффективное функционирование системы и ее ускоренное развитие.

Подобное понимание драйвера характерно для информатики, однако его содержание открывает известные перспективы для социально-философских исследований. Применение драйвера в качестве методологического инструмента позволит выявить те аспекты социальной динамики, которые остаются непрозрачными при анализе причинно-следственных связей, использовании исследовательских возможностей таких категорий, как, например, «источник развития», его «условия», «факторы» и т. п. Познавательные затруднения подобного рода характерны для современного общества с его особенностями: постоянным структурным усложнением; состоянием неопределенности, свойственным рискогенному социуму; стремительным развитием цифровых технологий, функционирование которых трудно

© Чернавин Ю.А., 2024

предсказуемо (либо вовсе не предсказуемо), но воздействие на социальные процессы неизбежно и масштабно.

В рамках темы самым общим и высокоорганизованным феноменом выступает общество. На меньших уровнях общности по отношению к социуму оказываются составляющие его сферы и структуры – экономика, политика, социальная жизнь, культура, информация, управление и др. В странах, идущих по пути постиндустриализма, благодаря цифровым технологиям они развиваются с невиданной доселе интенсивностью. Скорость трансформаций настолько велика, что грозит движением вразнос. Возникает необходимость драйвера, передающего импульсы развития от общества к его элементам и наоборот, поддерживающего целостность и в то же время обеспечивающего эффективное функционирование социума.

Проблема драйвера в научной литературе прямо не ставится, но ее аспекты отчетливо видны при исследовании постиндустриальной цивилизации. В этом случае один подход к основным характеристикам феномена связан с утверждением гуманизма (М. Хайдеггер, Г. Блэкхем, Я. ван Праг). Другой – с доминированием принципов технократизма (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс).

С позиций технократизма, несомненным драйвером выступают цифровые технологии. Их воплощение в конкретных процессах и структурах разнообразно. Это искусственный интеллект, децентрализованные сети блокчейна, интернет вещей, системы распределенного регистра, обработка больших данных, действие социальных сетей, облачных структур, мобильных приложений и т. д. Функционирование цифровых программ дает поразительные результаты. По сути, возникает «электронный субъект», способный к самообучению и выработке нестандартных решений. Более того, в работах, например, Ю.Н. Харари, К. Шваба сквозит мысль об умалении роли человека техногенной цивилизации, уступившего лидерство в деле выработки алгоритмов познания и деятельности «цифре».

При таком подходе задачей работы с драйвером оказывается его «приручение», включение в социальные процессы в интересах получения позитивных результатов. Однако, во-первых, пока никто до конца не понимает, как функционирует киберпространство. Во-вторых, цифровые технологии смотрятся как полу-драйвер, поскольку способны выполнять функцию ускорения развития каких-либо структур, но не функцию согласования разнокачественных социальных факторов. Эта функция, в-третьих, характерна для тех или иных социальных институтов, вырабатывающих и закрепляющих нормы и способы деятельности индивидов и групп. Так сказать, второй полу-драйвер, выделение которого характерно в большей степени для гуманизма.

Стало быть, социальным драйвером постиндустриального мира на его цифровом этапе развития выступает конструкт, имеющий техно-социальную природу и возникающий в результате «срастания» современной

техники и технологий с определенными социальными институтами. В этом отношении наиболее предпочтительны феномены культуры и управления.

В доцифровую эпоху именно эти институты выполняли функции, сходные с ролью драйвера. Со времен революции менеджеров мировая теория и практика рассматривают систему управления в качестве инструмента, способного обеспечить эффективное движение сфер и институтов по единой траектории. В то же время управленческие связи и алгоритмы, пронизывая структуры социума, поддерживают его целостность, демонстрируя в конечном итоге параметры драйвера. Культура выступает своеобразным ограничителем запредельных устремлений субъектов управления. Наполняя общество ценностями, нормами, способами мышления и деятельности, сохраняя национальные традиции, элементы культуры поддерживают системность общества, задавая тренд его развития.

Таким образом, перед нами два драйвера социальных изменений послевоенного мира. Однако, во-первых, в современных условиях их функциональная самостоятельность относительна. В ипостаси социального института объемы и первого, и второго пересекаются в части способов деятельности. Во-вторых, управление и культура на информационном этапе развития общества трансформируются, становясь цифровыми, приобретают структурную, содержательную и функциональную специфику. Но при этом их универсальная роль в социальной динамике не меняется. Более того, взаимодействие первого и второго с цифровыми технологиями создает конструкт, позволяющий рассматривать его в качестве эффективного драйвера постиндустриального развития.

Вследствие этого концептуальную основу статьи составляют положения о закономерном взаимопроникновении цифровых технологий, цифровой культуры и цифрового управления, их совместном функционировании в информационном мире при опоре на принцип дополнительности. Цель: обоснование механизмов взаимодействия указанных феноменов и их роли как драйвера социальной динамики. Исследовательские задачи решаются с учетом позиций как технологического детерминизма, так и положений социального и культурного детерминизма.

Теоретические основы анализа социального драйвера

Стремление выделить при анализе социального драйвера две цепочки причинно-следственных связей – технологических и социальных – обусловлено не только гибридной природой самого феномена, но и более общими позициями, составляющими методологическую и мировоззренческую основу последующих рассуждений. Речь идет о трактовке современной глобальной цивилизации, в содержании которой одновременно существуют тенденции технократизма и гуманизма, поддерживающие ее в неравновесном, возбужденном состоянии. В таком состоянии система обладает возможностью отбора структурообразующих факторов, производя его в координатах собственной эволюции [9, с. 53]. Результатом подобного

отбора и является социальный драйвер, возникающий как результат взаимодействия, с одной стороны, цифровых технологий, с другой – культуры и управления. Таким образом, отправной точкой анализа заявленной проблемы становится конструкт «цифровые технологии – культура – управление». Понимание фактора развития общества, определяемого как социальный драйвер, складывается в результате выявления его сути, условий, механизмов, областей возникновения, принципов функционирования.

Необходимыми условиями возникновения социального драйвера являются постоянно усложняющаяся структура современного общества и его рискогенный характер. Теория «сложного» социума в XXI в. относит к его признакам самоорганизацию и рефлексивность социальных акторов; возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений; плюрализацию рациональности; наличие виртуальной реальности; образование гибридов социального и физического и др. В целом сложность измеряется по шкале «детерминированность – недетерминированность поведения». Функционирование сложного общества оказывается трудно управляемым, хаотичным, неопределенным [4, с. 165–166]. В этом отношении сложный социум коррелирует с обществом риска. Соответствующие концепции У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана представляют риск как событие с вероятностными последствиями. Риски социальных и цифровых трансформаций вносят неопределенность в каждую сферу и ситуацию, теряется однозначность причинно-следственных связей, увеличивается количество точек бифуркации, складываются условия для появления «нестандартных» векторов и факторов развития.

Механизмом возникновения социального драйвера в условиях неопределенности предстает переплетение случайности и закономерности. Беспощадность случайного и закономерно неопределенного события – «черного лебедя» – ярко представлена Н. Талебом. «Черные лебеди» обладают крайне низкой предсказуемостью, поскольку методики доминирующего рационального познания оказываются неспособными предсказать появляющиеся аномалии. На фоне постоянного роста рационального знания современный человек перестает воспринимать случайность, хаотичность, учитывать их роль в социальной динамике. Однако в контексте происходящего в современном мире то, что остается непознанным, демонстрирует большую социальную значимость, нежели то, что было известно. В конечном итоге, пишет Н. Талеб, «человеческая природа заставляет нас придумывать объяснение случившемуся *после* того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [6, с. 10].

Стремление определить потенциальные сферы возникновения «значимого случайного» до его проявления способствует выявлению *области зарождения социального драйвера*. В цифровом обществе это киберпространство. Одним из бесчисленных аспектов его функционирования касается Ю.Н. Харари. Говоря о возможностях самообучения и саморазвития

«цифры», он рассматривает неопределенность соответствующих алгоритмов на примере прототипа – компьютерного вируса. Случайная ошибка, самопроизвольная виртуальная мутация такого вируса, укрывающегося от антивирусных программ и конкурирующего с другими вирусами, порождает вирус модифицированный, обладающий необходимыми ему, но уже усиленными качествами. Продолжающийся процесс постепенно заполнит цифровое пространство новыми вирусами-программами, порожденными случайными взаимодействиями [7, с. 272].

Спонтанные алгоритмы подобного рода, отличаясь неопределенностью функционирования, в то же время напитывают будущий драйвер энергией. Однако окончательно его оформление завершается при взаимодействии с социальными институтами. В принципе, не отвергая неопределенности рискогенного общества (более того, сами этой характеристикой обладая), институты тем не менее помещают силу драйвера в некоторые рамки, согласовывая разнокачественные влияния многих факторов.

На данный момент в рассуждениях следует обратить особое внимание вследствие значимости процесса «социализации» того контента, которым обладает и который создает «цифра». Ее информационно-аналитические возможности пока трудно оценить, однако, как пишет Ю.Н. Харари, искусственный интеллект способен превосходить людей в тех умениях и навыках, которые до сих пор считались исключительно человеческими [8, с. 39], а распознавание им закономерностей уже не выглядит невероятным [8, с. 38]. По сути, возникает «электронный субъект», способный не только к анализу ситуации и принятию решений, но и к самообучению.

В то же время его самостоятельность и неподконтрольность человеку относительно. Так, К. Шваб и Н. Дэвис подчеркивают, что технологии олицетворяют определенные социальные установки и цели [10, с. 17], а В. Розин выделяет в качестве реальности нового типа антропо-деятельностно-техническую реальность [5, с. 103]. Ее глубокое осмысление еще впереди, но уже сейчас подход позволяет представить некий континуум, возникающий как результат взаимодействия и «срастания» человека и общества, техники и технологий. Отдельные возможности и одной, и другой составляющей видоизменяются, раздвигаются их пределы, однако о доминировании технологий речи не идет.

По большому счету всё, чем богата «цифра», – это интеллектуальный опыт, полученный первоначально человеком, отданный машине, а затем ею переработанный и переоформленный. Своеобразный «аутсорсинг». В таком виде опыт востребуется и используется в качестве инструмента при решении тех или иных конкретных задач – производственных, управленческих, образовательных и др. Но его «социализация» как приобретение статуса социального драйвера происходит при взаимодействии со структурами социального института. В этом случае находит свое условное завершение игра случайности и закономерности, а принципиальная неопределенность сводится к неким координатам определенности. В результате включается

механизм согласования различающихся социальных вызовов, исходящих от цифровых технологий и от социальных институтов, а затем происходит их преобразование в фактор эффективного развития.

Обратимся к рассмотрению необходимых для дальнейшего рассуждения аспектов культуры и управления. Современную культуру фундирует связка «знание – технологии», вследствие чего она выступает как цифровая культура. К анализу цифровой культуры в числе первых обратился английский ученый Ч. Гир. Он рассматривает данный феномен в качестве одного из признаков постиндустриализма, включая в его содержание соответствующие артефакты, означивания и коммуникации, в совокупности отличающие образ жизни в информационном мире от других способов социального бытия [11]. Главный артефакт – компьютер.

В соответствии с деятельностным подходом к цифровой культуре следует отнести способы организации и развития деятельности человека, ее содержательное наполнение, а также возникающие в процессе деятельности или предвосхищающие ее ценности, идеи, социальные нормы и структуры. Появление в содержании культуры информационных технологий, представляющих собой единство соответствующих способов и средств деятельности, и делает ее цифровой. Приобретая устойчивость, совокупность компонентов выступает как социальный институт.

Источником эволюции культуры выступают многообразные противоречия, представляющие две тенденции – поддержание традиции и появление инновации. В ходе становления цифровой культуры данные тренды реализуются при столкновении гипериндивидуализма «человека информационного» и нового коллективизма виртуальной общины; информационной прозрачности и тотального цифрового контроля; избыточности «мусорных» данных и необходимости управления знаниями [2, с. 12–13]; симулятивного виртуального мира и мира реального; растущего статуса искусственного интеллекта и «клипового» сознания цифровой личности; алгоритмов работы роботов и этики человека и др.

В содержание противоречий входят компоненты как «сложного» общества, так и цифровых технологий, а также личностные и социальные особенности субъектов. Разрешение противоречий позволяет культуре не только утвердиться в рамках нового – цифрового – этапа и соответствующих формах функционирования, но и реализовать функцию собственной самоорганизации и самоуправления.

В этом отношении смыслы культуры и социального управления совпадают. Социальное управление, направленное, с одной стороны, на стабилизацию, сохранение качественной определенности той или иной системы, с другой – на обеспечение ее совершенствования и достижение запланированного полезного эффекта, выступает функцией культуры. И наоборот, культура предстает как результат управления. Люди, включенные в пространство как первого, так и второго феномена, оказываются и субъектами, и объектами либо совпадающих, либо пересекающихся процессов.

В то же время отождествление культуры и управления невозможно: они принадлежат к разным сферам общества, отличаются структурой, закономерностями и целями функционирования. Социальное управление действует в единстве его видов – сознательного и стихийного [1, с. 29–30]. Сознательное управление связывается с целенаправленной деятельностью по достижению поставленной цели посредством принятия соответствующего решения. Под стихийным управлением понимается результирующая множества разнонаправленных усилий, которые применительно к данной системе выступают как случайные. По сути, речь идет о варианте единства закономерного и случайного.

Максимально эффективное влияние на общество в качестве драйвера цифровая культура и цифровое управление осуществляют при своем взаимодействии.

«Цифровая культура управления» как драйвер развития: механизмы становления и характеристики

Глубинным источником становления социального драйвера является взаимодействие человека – автора идей и создателя постиндустриального мира с порождаемым им информационным пространством. В цифровом обществе взаимодействие подобного рода имеет противоречивый характер. С одной стороны, оно характеризуется широкими возможностями для развития личности в качестве самодостаточного субъекта. С другой – условиями, предопределяющими потерю личностной самостоятельности, превращения человека не только в объект управления, но и манипулирования.

Применительно к процессу социального управления указанные тенденции, в большей мере присущие культуре, проявляются в возросшей динамике соответствующих субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, которые приобретают многозначный и меняющийся характер. Управляющие и управляемые подсистемы, субъекты и объекты управленческих воздействий в ряде случаев способны меняться местами, зачастую выступая в двух ипостасях одновременно. В качестве «шлейфа» этих изменений выступают иные алгоритмы взаимодействий и средства передачи управленческой информации, ее обновленное содержание. Налицо переплетение процессов и сознательного, и стихийного управления. Их взаимосвязь, рассматриваемая сквозь призму цифровой культуры, приобретает особые механизмы и характерные черты.

1. Для цифрового мира характерен ощутимый рост количества управленческих контуров за счет расширения возможностей киберпространства. «Человек информационный» оказывается связанным коммуникациями со многими людьми, виртуальными сообществами, дискуссионными площадками, различными органами и организациями. Применительно к возникновению и функционированию драйвера эти явления можно обозначить как «подключение». В результате мозаики «подключений» у современного «цифрового поколения», подчеркивает М. Кастельс, во-первых,

исчезает четкое разграничение между работой и досугом, семьей и бизнесом [3, с. 341]; во-вторых, «слияние разных областей опыта в одном и том же средстве несколько затушевывает институциональное разграничение этих областей и смешивает коды поведения» [3, с. 341]. Разнообразная активность, характеризующая индивида в качестве независимого субъекта, имеющая признаки и сознательности, и стихийности, в конечном итоге согласовывает потоки информации и интеракций, предстает в качестве управления либо самоуправления, становясь основным драйвером не только личностного развития, но и трансформации тех социальных образований, с которыми индивид взаимодействует.

2. В информационном обществе изменяется традиционная иерархическая управленческая структура, повторяющая организацию цифрового пространства и дрейфующая в сторону сетевого построения отношений и влияний. При этом важно понимать, что узлы коммуникаций, образующих сеть, не обязательно однозначно и неизменно совпадают с субъектом/объектом управления. Сеть, как подчеркивает М. Кастельс, появляется путем пересечения сегментов автономных систем целей [3, с. 174].

При таком понимании сути сети структура современной организации любого социального уровня предстает как система модулей с меняющимся статусом, что приводит к трансформации характера управленческой нагрузки, приходящейся на ее участников, и к переходу тех или иных задач от одного участника к другому. Вследствие этого управленческие функции системы обеспечиваются своеобразной игрой сети в целом, в которой центр выполняет задачи согласования целей и действий элементов организации, а не выработки решений для их безусловного выполнения. Такие процессы, характерные для драйвера, соответствуют требованиям *принципа взаимодействия*.

Меняющийся в подобном ключе статус управленческого центра и периферии касается всех сфер жизнедеятельности и всех ее уровней, от производственно-организационного до управления в рамках политической системы государства. Повышение управленческой нагрузки на элементы социальной системы, включая индивида, утверждает соответствующие культурные нормы цифрового общества. Возникает конструкт «цифровая культура управления» с его характеристиками социального драйвера.

3. Существенное влияние на трансформацию современного социального управления оказывает виртуальный характер цифровой культуры. Данная характеристика, отвечающая *принципу виртуализации*, глубоко разработана М. Кастельсом, использующим термины «культура виртуальности» [3, с. 314], «культура реальной виртуальности» [3, с. 351]. Виртуализация не только удваивает действительность, но зачастую ее конструирует посредством симулякров (термин Ж. Бодрийяра). Оторвавшиеся от реальности виртуальные конструкции развиваются по своим алгоритмам, удерживая их создателя в мире беспочвенных имитаций. В то же время присутствует и противоположный эффект: пребывание в виртуальной вселенной

позволяет приобрести определенные управленческие навыки. Наполняя цифровой Я-образ собственными ценностями и установками, человек решает в «зазеркалье» киберпространства проблемы, позволяющие избежать схожих ситуаций в действительности. Такой своего рода «тренажер» не только не исключает из реального мира, а напротив, подвигает к безошибочной деятельности, удерживает в рамках общей социальной траектории.

Один из механизмов, важнейших для становления драйвера, описан Ю.Н. Харари как «воображаемые сообщества». Они «существуют только в нашем коллективном воображении, но мощь их чрезвычайно велика» [7, с. 438]. Подобными стихийно возникающими сообществами и наполнено цифровое пространство. Они концентрируют энергию многих акторов, создавая фактор развития.

4. Необходимым фактором цифровой трансформации управления оказывается *принцип отбора* информации. Коммуникационные сетевые узлы постоянно решают проблему «просеивания» и ранжирования необходимых сведений. В условиях глобального информационного вала, разворачивающегося на фоне столь же глобального и постоянного информационного шума, субъекты и объекты управления вынуждены постоянно обращаться к вопросу передачи и получения «своих», нужных данных. В противном случае возникающие информационные векторы случайного характера способны существенным образом деформировать управленческий процесс, уводя его наполнение за пределы профессиональной деятельности и блокируя функции драйвера. В то же время особенности современной цифровой культуры таковы, что даже если в ходе управления осуществляется отбор данных, а в организации создан отдельный управленческий контур (сеть), информация неизбежно будет сопрягаться с общими потоками знаний, существующих в интернете. В информационном мире объем сведений становится запредельным и подталкивает сознательно формируемую их конфигурацию к аморфному состоянию. В этом случае выбор курса в океане данных будет зависеть от доминант культуры.

5. На стороне стихийного управления оказывается фактор информационного воздействия на человека, включенного в цифровые коммуникации. Наряду с сетевыми СМИ, PR-агентами, рекламными компаниями, авторами, экспертами, другими персонифицированными субъектами, в интернете представлено множество источников влияния, остающихся анонимными. Функционируют боты, сервисы, программы. Помимо этого, управленческим потенциалом обладают интерактивные взаимодействия, осуществляемые на различных сетевых площадках в интересах обмена идеями и знаниями, выработки солидарности и разделяемых идентичностей. Спонтанный процесс непрерывного возникновения меняющейся информации, примененный к драйверу, характеризует *принцип обновления* в его функционировании.

Рассмотренные взаимосвязи и взаимовлияния управленческих и культурных структур, реализуемые посредством современных

информационных технологий, формируют «цифровую культуру управления» в качестве драйвера постиндустриального развития. Ее характеристиками являются: а) растущая субъектность человека информационного мира, интерактивность в деятельности и коммуникациях, обеспечивающая эффективность самоуправления и влияющая на управленческие алгоритмы; б) интенсификация коммуникаций в рамках культурного пространства, характеризующаяся резким ростом объема информации, цифровыми способами ее подачи, связывающая сферы и сегменты социума, способствующая выработке и принятию эффективных управленческих решений; в) сетевой характер культуры, меняющий организацию предприятий и организаций, также трансформирующихся в своей структуре по принципу сетей и постепенно отказывающихся от жесткой иерархии в управлении; г) виртуализация всей жизни, отличающая цифровую культуру, способствующая переносу управленческих взаимодействий в киберпространство, возникновению общего самонастраивающегося управленческого поля.

В конечном итоге умение подчеркнуть частичное совпадение рассматриваемых социальных институтов и одновременно принять во внимание их относительную самостоятельность представляют собой залог эффективного управления в условиях меняющихся культурных параметров, динамичного развития цифрового общества.

Заключение

Трансформации цифрового общества оказываются, помимо прочего, результатом нетривиальных процессов, описываемых при опоре на явление социального драйвера. Драйвером выступают процессы и структуры, способные реализовать две формально противоположные функции: удержать социум в системной целостности, не допуская разнокачественных изменений сегментов, и одновременно обеспечить его эффективное развитие. Содержанием драйвера становится опыт, преобразованный и переформатированный «цифрой». Общий смысл феномена – в *согласовании* в его разнообразных проявлениях: изменений частей и целого; элементов, структур и системы; более высокого уровня организации и менее высокого; субъективных целеполаганий и объективных пределов желаемого и др. Это условный фокус, собирающий импульсы, и одновременно фильтр, отбирающий в их массе необходимые. Механизм согласования опирается на принципы, объясняющие работу драйвера: подключение, взаимодействие, виртуализация, отбор, обновление.

Усложненная архитектура современного общества, множество рисков, большие зоны неопределенности обуславливают появление социального драйвера в качестве необходимого и закономерного. Он возникает как результат взаимодействия трех факторов, создающих своеобразный конструкт «цифровые технологии – культура – управление». Его содержание конкретизируется в «цифровой культуре управления», выступающей собственным драйвером. Функции драйвера воплощаются в практиках,

демонстрирующих единство объективных характеристик культурных норм, социальных и информационных технологий, управленческих алгоритмов и субъективных устремлений человека. При этом механизмы, поддерживающие социальную динамику, в каждом случае свои. Если у цифровой культуры они связаны с диалектикой традиции и инновации, то у цифрового управления – с возможностью принятия эффективных решений, учитывающих сплетение сознательного и стихийного управления.

Проблема социального драйвера обладает определенным исследовательским потенциалом. Соответствующие процессы и структуры функционируют не только в обществе в целом, но и на уровне его сфер и отраслей, на национальном и региональном уровне. Остается открытым вопрос о функционировании драйвера личностного развития.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 432 с.
2. Галкин Д.В. Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследования культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-culture-metodologicheskie-voprosy-issledovaniya-kulturnoy-dinamiki-ot-tsifrovyyh-avtomatov-do-tehno-bio-tvarey/viewer> (дата обращения 03.04.2024).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Носкова А.В. Сложное общество глазами Сергея Кравченко // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 164–167.
5. Розин В.М. Взаимодействие и границы социального, биологического и космического типов реальности // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 94–105.
6. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009. 736 с.
7. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
8. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 410 с.
9. Чернавин Ю.А. Современные судьбы гуманизма // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 16. С. 49–53.
10. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
11. Gere Ch. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=VLrQ6bcwIwUC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 03.04.2024).

DIGITAL MANAGEMENT CULTURE AS A DRIVER DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Y.A. Chernavin

Russian University of Transport, Moscow, Russia

The article attempts to develop the concept of «social driver» as a methodological tool for the study of modern digital society. The driver has contradictory functions, on the one hand, it supports the systemic integrity of society, which excludes the multilevel and high-quality development of spheres and structures of society, on the other hand, it ensures its effective evolution. The main purpose of the driver is to coordinate social flows, which usually have a variety of vectors. The analysis is based on the dialectic of two social institutions – culture and management, permeated in modern society by appropriate technologies. Emerging processes form a «digital management culture» as a driver of post-industrial development. The principles of the occurrence of this phenomenon and its main characteristics are revealed.

Keywords: *driver of social development, coordination, postindustrialism, society, person, digital culture, digital management, digital technology.*

Об авторе:

Чернавин Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» ФГБОУ ВО «Государственный университет транспорта» (МИИТ), г. Москва. E-mail: uchernavin@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7848-8646.

Author information:

CHERNAVIN Yuriy Aleksandrovich – PhD, Prof., Dept. of Philosophy, Sociology and History of Russian University of Transport, Moscow. E-mail: uchernavin@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7848-8646.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.05.2024.

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.062

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Н.Н. Равочкин^{*,**}, Е.М. Олексенко^{***}, Д.О. Филимонова^{*}

^{*} ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

^{**} ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени
В.Н. Полецкого», г. Кемерово

^{***} ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет», г. Томск

В современном мире тема функционирования общества и его структурных элементов под воздействием множества факторов приобретает особую значимость, поскольку более точное и четкое понимание ключевых детерминант позволяет предложить адекватные сценарии реагирования на трудно предсказуемые вызовы. Богатый интерпретативный потенциал, который предлагают различные социальные структуры, как и влияние культурного фона на жизнедеятельность национальных стран, обуславливает значимость комплексного рассмотрения взаимовлияния, которое происходит в конкретных контекстах. В связи с прагматикой современного социально-философского поиска и усложнением процессов требуется формулирование фундаментальных оснований, которые в последующем позволят проводить конкретные предметные исследования самочувствия и кризисов национальных государств. Настоящая статья посвящена анализу концептуальных воззрений на социокультурную динамику. Авторы рассматривают заявленную проблему с различных исследовательских позиций, делая акцент на формировании макроподходов и взаимодополняющем характере имеющихся концепций. Делаются теоретико-методологические уточнения при изучении социокультурной динамики. Приведены примеры непосредственного воздействия факторов на ускорение темпов общественного развития. Отмечена высокая значимость контекстуального рассмотрения воздействующих факторов. В заключение подведены исследования.

Ключевые слова: *социокультурная динамика, институт, трансформации, история, норма, ценности, вызовы, практики.*

Социокультурная динамика абсолютно любого общества выступает таким объектом, всестороннее осмысление которого позволяет получить ответы по поводу диагностического состояния, а также выявить перспективы развития страны и ее основных структурных элементов, институтов и целых сфер. Как известно, успешным и эффективно функционирующим социальным институтом будет являться такой, который индивиды и группы активно поддерживают, поскольку он служит их регулярно усложняющимся потребностям. Конечно же, если мы будем говорить об универсальности

© Равочкин Н.Н., Олексенко Е.М.,
Филимонова Д.О., 2024

аргументов, касающихся институтов сферы политики, экономики или даже духовной сферы и связанных с ними возможных проблем, то они будут выглядеть бесполезными, поскольку субъекты, как правило, исходят из принципиально разных точек зрения, а контексты функционирования институциональных сред даже двух генетических близких на первый взгляд государств могут отличаться касаясь взглядов на приоритетность одних институтов перед другими [3; 14].

По сути, аналитика социокультурной динамики способна дать четкое понимание и объяснения, какие кризисы и функциональные аномалии требуется решить для достижения консенсуса, консолидации общества и его последующего нормального состояния. К примеру, сегодня зачастую говорят о возрастающей роли ценностей, способных стать надежным базисом для социального управления и решения наличных проблем. Будучи одновременно сверхъестественным явлением, продуктом человеческой активности и общественной жизнедеятельности, отличным от природных циклов, она сама постоянно влияет на поведенческие формы в культуре. Социальное время, как и время природное, оказывает на человека ощутимое влияние. Таким образом, те, кто не предпринимает постоянных попыток его контролировать, находятся под давлением хода естественного времени и одновременно ускорения социального времени [2].

Вслед за Т. Парсонсом мы убеждены, что возможные проблемы следует соотносить со всей целостностью социальных систем, что, разумеется, сопровождается такими гносеологическими затруднениями, как наличие адекватной методологии, а также ускорение социокультурной динамики и сопутствующих изменений [10]. Можно сказать, что сама интенсивность потока грядущих перемен уже являет собой проблему для ряда обществ. Действительно, небывалая скорость перемен, регулярное увеличение которой можно наблюдать с постиндустриального транзита, искажает восприятие действительности и не дает возможности вовремя предложить пути повышения адаптивных возможностей стран [2; 8; 18].

Эволюционистские тенденции наблюдаемых перемен практически не оставляют шансов генетическим чертам национальных стран, оформившихся до постиндустриальной эпохи, сохраниться без преобразований. Получается, что по своей сути социокультурная динамика является парадоксальной. Без преувеличения, стремительное наступление технологического прогресса создает агрессивную гонку, в которой вынуждены принять участие все жители мира. Важно увидеть, какое влияние оказывает это явление на взаимоотношения между субъектами культуры и на духовный облик личности при конституировании обществ. Ускорение социальной динамики можно полагать в качестве центральной характеристики существования современной культуры. Еще Г. Зиммель провёл дальновидный анализ неоднозначных последствий ускоряющегося темпа жизни в условиях крупных урбанизированных территорий, указав на увеличение социального напряжения, маркерами которой являются, к примеру, изоляция или же борьба за

индивидуальность при стремлении индивидов к обладанию теми или иными благами. При этом Зиммель отмечал взаимосвязи между спонтанными ускорениями с их последствиями, главное из которых для философии проявляется в невротизации людей, отягощенных страхами не успеть, извечной спешкой и багажом нереализованных задумок и разноточных планов – все это связывается им с превышением степени присутствия техники в социокультурных [4]. Многослойный социокультурный контекст последних лет свидетельствует об увеличении скорости, когда человечеству лишь за последние десятилетия удалось добиться невиданных возможностей касемо передвижения объектов и контактирования между людьми и их мобильности, умножения социальных связей, оптимизации движения информации и данных – на этом фоне многие временные затраты сократились, а ценность социального успеха возросла многократно.

Итак, на сегодняшний день в интеллектуальной мысли имеется целый ряд концепций, позволяющих описать социокультурную динамику. Эволюционно-линейная модель предполагает постоянный прогресс и движение обществ «вверх». Европоцентризм и прогрессивные тенденции, многократно подтвержденные успехом в сфере продуцирования новых научных знаний и передовых технологий. К данному блоку теоретиков можно отнести Л.Г. Моргана, когда происходит усложнение примитивных практик и форм культуры по трем этапам «дикость – варварство – цивилизация». В логике Г. Спенсера общество также усложняется от природной эволюции к человеческому общежитию, выступая в качестве надорганической системы [9; 12].

Цивилизационный подход, сложившийся в контексте культурологии, фокусируется на истории нескольких национально-этнических общностей с присущими им социальными и культурными характерными чертами, не признавая при этом линейный сценарий анализируемой динамики. Обращает на себя внимание позиция О. Шпенглера, который подчеркивает бессмысленность при стремлении руководствоваться общепринятой периодизацией истории. Другой видный представитель этого направления А. Тойнби показывает вариативность и нелинейность исторического развития цивилизаций, определяя их существенно шире, нежели отдельные страны. Здесь исследователи будут иметь дело с совокупностью факторов, которые оказывают воздействие и определяют специфику социокультурной динамики на протяжении истории и при руководстве преимущественно историческим инструментарием [15; 17].

Универсальность и уникальность – вот два концепта, фундирующих макроподходы к изучению факторов социокультурной динамики, использование которых в чистом виде вряд ли даст необходимые и неперегруженные излишним редукционизмом результаты, но целесообразно их сочетание при осмыслении заявленного нами объекта исследования. Прагматический поворот, произошедший в социально-гуманитарных науках, ориентирует ученых на получение куда более валидных данных, которые могут быть

получены благодаря включению в аналитическую оптику эмпирического материала. Для снятия противоречий также может быть использована синергетическая концепция. Так, М.С. Каган указывает на потенциал применения приведенных теоретико-методологических оснований, в соответствии с чем социокультурное пространство также будет находиться в ситуации многовариантного выбора альтернативных сценариев своего развития. К слову, современные исследователи указывают на ярко выраженный интегративный характер кагановского подхода [8].

Реалиям современного мира созвучна концепция «социокультурных противоречий» А.С. Ахиезера. Взгляды этого автора отвечают логике планирования и осуществления социальных преобразований. Ведь несоответствия между культурой и общественными взаимоотношениями влекут за собой изменения, для которых невозможно, да и вряд ли удастся, найти какие-либо универсальные объяснения. Достаточно любопытны замечания Ахиезера по поводу статичности социальной структуры, де-факто «зацементированной» многочисленными регуляторами общественных отношений. В свою очередь, культура предстает во всей полноте вариантов и некоторой непредсказуемости в части возможных альтернатив, что обеспечивается таким свойством, как «самокритичность». Преодоление вызовов и наличных противоречий обеспечивает воспроизводство социальных структур, отображающих гносеологические замыслы по практическому воплощению нравственных идеалов. Такие перемены отображают диалектику исторического развития, к примеру, через пару «либеральное – консервативное». Во многом созвучными являются воззрения Н.И. Лапина, который так же, как и А.С. Ахиезер, сконцентрирован на кризисных точках. При этом его противопоставления традиционалистского и либерального обществ позволяют усмотреть присутствие в жизнедеятельности индивидов альтернатив либо их отсутствие, а также функционирование приведенных моделей социума по принципу «открытые – закрытые». Концепция Лапина тяготеет к социологическим данным, что делает его подход в большей степени ориентированным на конкретику, дополняющей историографические и культурологические исследовательские инструменты [1; 5; 6].

Целостность, которая обеспечивается благодаря сочетанию многочисленных подходов, открывает возможности для установления новых противопоставлений не только между различными моделями обществ, но и вообще позволяет увидеть несоответствия между структурными элементами, более наглядно представить процессы развития культуры и ее форм, а также конкретизировать применение различных категорий для описания социокультурной динамики в тех или иных эмпирических контекстах. Коллизии между смыслами, ценностями, нормами, практиками, потребностями, интересами и ожиданиями – вот лишь неполный перечень исследования взаимосвязей и взаимовлияний, возникающих абсолютно во всех социокультурных координатах, но позволяющих гораздо лучше понять самочувствие и состояние каждого конкретного общества. Интересующая нас динамика,

как известно, предполагает не только «изменения сами-по-себе», но включает в себя также предпосылки и следствия, что позволяет исчерпывающим образом репрезентировать социум и выявить, какие же трансформации играют ключевую роль в процессах развития каждой конкретной страны, а также предложить оценку значения соответствующего набора процессов на том или ином этапе исторического развития.

Критическая теория Франкфуртской школы делает акцент на смене классических способов воспроизводства культуры средствами индустрии. М. Хоркхаймер и Т. Адорно объясняют социокультурную динамику через удовлетворение потребностей вместо создания ценностей и их регулярного обновления. Здесь также важна роль медиа, нацеленных не просто усреднить консюмеристов, но и снизить значимость творчества в новой системе усложняющихся коммуникаций. Игроки рынка fashion-индустрии создают множество предметов для людей различного статуса, однако настоящая ценность этих объектов всегда остается дискуссионным моментом не только для исследователей, но и для самих потребителей и даже адептов тех или иных брендов [16].

Наконец, интересны компаративистские подходы к осмыслению социокультурной динамики. Сравнение одних и тех же ценностей, играющих неодинаковую роль в нескольких обществах, позволяет создавать иерархии и конфигурации аксиологических конструктов, а также адаптировать их к различным социокультурным реалиям, изучая их влияние на объект исследования. В частности, понимание взаимосвязей между процессами демократизации и социокультурной динамикой позволяет установить различное социальное время, в котором национальные государства находятся на одном и том же историческом отрезке. Здесь показателен пример XX столетия, когда одни страны являлись последователями либерально-демократических идей и их траектория развития в целом была понятна и отчасти предсказуема. Вторые государства, наоборот, с разной степенью осознанности заимствовали данные конструкты, являющиеся вершиной интеллектуальной мысли, но разная готовность и преследование акторами своих интересов дали неповторимые эффекты. В свою очередь, третья группа стран, которая де-факто только включилась в систему международных отношений в качестве полноправных участников, предпочитала блокировать или же затруднять диффузию данных идей мощными культурными фильтрами, сложившимися в этих национальных обществах за несколько столетий [7; 19].

Взаимосвязи и взаимозависимости между сферами общественной жизни обеспечивают изменения от запуска различных процессов. Например, новый экономический уклад способен оказать влияние не только на динамику политики и права, но и модифицировать нормы морали. Таким образом, капиталистические отношения могут быть рассмотрены в качестве источника, нивелирующего априорные цивилизационные различия, существенно заменив привычные мыслительные клише и осуществить

позитивизацию когда-то не свойственных определенной культуре практик, символов и ценностей.

Коллективные действия имеют важное социальное значение, поскольку такие «практики в современном мире предполагают консолидацию ресурсов со стороны зарубежных стран в целях формирования определенного типа мироустройства, организация которого определяется не столько внешними факторами и взаимодействием между участниками мирового процесса, сколько скрытыми ресурсами, а именно способами организации политической интеракции. Полагается, что именно использование таких ресурсов позволяет преодолеть кризис влияния на региональные политические и экономические объединения, воздействуя на государства или политические блоки» [11, с. 144].

В целом, мы можем говорить о наличии плюрализма подходов, оформившихся и складывающихся к осмыслению социокультурной динамики. Немаловажно учитывать, что для построения фундаментальных обобщений концептуальные воззрения целесообразнее не исключать из арсенала исследователя, но использовать возможности и дополнять имеющиеся средства, отойдя от взаимоисключающих отношений между ними. Плюрализм источников социокультурной динамики показывает неоднозначность изменений в обществе, которые в ходе человеческой истории актуализировали адаптацию под качественно иные вызовы и новые контекстуальные реалии. Следует задуматься, что коренные трансформации социокультурных параметров, изменения фасада действительности, что чаще всего проявляется в неготовности к таковым, что обуславливает дезориентации, повышение конфликтности и целого ряда иных препятствий, негативным образом влияющих на средне- и долгосрочные прогнозы будущего развития национальных государств. Самоочевидно, что преодоление кризисных тенденций позволит выработать эффективные идеи социальных преобразований, для чего исследователю необходимо погрузиться в контекст и максимально точно диагностировать состояние социума. Наконец, следует отметить, что злободневность социокультурных последствий сопряжена с транзитивными периодами, когда общество, по сути, получает беспрецедентный набор возможностей, рисков и угроз, опыт реагирования на которые может отсутствовать не только у него, но и вообще у любых государств.

В этом ключе методологически верным представляется учитывать два принципа, а именно (1) трансформационности и (2) проблемности [13; 14]. Говоря более развернуто, в первую очередь мы должны признать и понимать динамический характер общественной жизни и, что сложнее, попытаться учесть связанные с изменчивым характером социального бытия потенциальные перемены, одни из которых самоочевидны, другие же могут появляться куда более медленными темпами, тогда как эффект третьих до последнего может быть непредсказуем по аналогии с распространением новой коронавирусной инфекции, чье воздействие произошло в общепланетарном масштабе.

Новый виток социального времени, переполненного возможностями, предоставляемыми отдельным индивидам и целым группам, мог бы способствовать и растяжению времени, однако опыт чаще всего показывает обратный нежелательный эффект, свидетельствуя о его сжатии. В то же время, сегодня социальные субъекты буквально со всех сторон получают явные сигналы о том, что необходимо действовать незамедлительно, а целый ряд затрат следует оптимизировать в силу отсутствия продуктивности от совершения целого ряда действий. При этом нельзя оценить в позитивной модальности сложившиеся у большинства индивидов предпочтения осуществлять действия по инерции или же пытаться решать новые проблемы старыми способами. Ментальная неготовность еще раз доказывает интеллектуальную незрелость целого ряда обществ, отражая их догоняющие позиции и откровенно позднюю включенность в практики коллективного принятия решений, что, безусловно, не может не сказаться и на позициях, которые различные государства занимают в зависимости от типологии.

Любопытно, что ключевые участники в межнациональных отношениях, как правило, остаются теми же, поскольку скорость их реакции на возникающие проблемы есть отличительное конкурентное преимущество, что обусловлено высококвалифицированными участниками сетей интеллектуалов и политикой, артикулируемой и проводимой властными акторами: «Однако положительные оценки ускорения жизни базируются лишь на подразумеваемом фоне застроенного прошлого. С одной стороны, массовый стереотип о том, что “раньше время шло медленнее”, содержит коннотации сожаления об утраченной регулярности существования и критики современной расы. С другой стороны, социальный миф “скорость — высокая ценность современной культуры и необходимое условие успеха личности” отменяет ностальгию. По нашим наблюдениям, отношение к акселерации как к источнику опасности и разрушения более устойчиво, поэтому необходимо отдельно отметить разнообразие способов сопротивления социальной акселерации: от “медленного движения” до информационной экологии. Люди, отказывающиеся участвовать в гонках, сегодня все больше формируют настроение масс» [19]. Ускорение социокультурной динамики имманентно связано с развитием технологий, трансляцией и дистрибуцией аксиологических модусов успешности и привлекательности различных практик и условий. При этом обозначенным связям присущ далеко не самый однозначный, но зачастую противоречивый характер.

Проведенный в данной работе анализ имеющихся взглядов и концепций социокультурной динамики показал, что для имеющиеся теоретизации имеют взаимодополняющий характер, что позволит вывести предельные основания без упущения эффектов, отраженных в тех или иных сферах общественной жизни. В свою очередь под ключевым понятием понимаем сложный процесс взаимосвязанных параметров и структурных элементов того или иного социокультурного пространства на определенных этапах исторического развития. Противоречия в паре «социальное – культурное», во

многим детерминирующие искажения привычного миропонимания, неискоренимы, а с течением времени становятся более проблемными для прогнозирования и адекватного реагирования по причине комплексного воздействия все новых и новых факторов. Во многом управляемость скоростью и последствиями социокультурной динамики является той значимой и без всякого преувеличения новой извечной проблемой, которая может предложить лишь варианты (но не универсальный ответ) своего решения. Тем не менее, в праксиологическом ключе актуализированы запросы на определение путей и формулирование тех практик, которые бы позволили ключевым акторам реализовать усилия по поводу успешной адаптации национальных государств к интенсивным и перманентным изменениям.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 2: Теория и Методология. Словарь. 594 с.
2. Горобцова А.В. Социокультурное регулирование как вызов для власти // Управление мегаполисом. 2014. № 3 (39). С. 38–45.
3. Горобцова А.В., Квачев В.Г. Эволюция теории социокультурного-регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 44. С. 6–22.
4. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 1: Философия культуры. 670 с.
5. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17–29.
6. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 32–39.
7. Лапин Н.И. Ценности «Сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 37–51.
8. Маховых И.А. Динамика социокультурных процессов: теоретическое осмысление доминантных факторов влияния // Ценности и смыслы. 2016. № 6. С. 84–91.
9. Морган Л.Г. Древнее общество: исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 362 с.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проспект, 2002. 880 с.
11. Равочкин Н.Н. Философские основания коллективных практик современности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 140–147.
12. Спенсер Г. Основания социологии: данные социологии. Индукция социологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 432 с.

13. Тарасова Л.П. Методологические основания комплексного социологического исследования социокультурного транзита // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 80–83.
14. Тарасова Л.П. Ускорение социокультурной динамики в системе вызовов современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 1 (214). С. 164–170.
15. Тойнби А.Д. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1990. 730 с.
16. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения, Философские фрагменты. М.; СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 314 с.
17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М.: Академический проект, 2022.
18. Ravochkin N.N., Porhachev V.N., Shchennikov V.P., Petrov M.A., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V. Intellectual diversity in Postmodern reality // Revista Inclusiones. 2020. Т. 7, № S4-5. С. 338–348.
19. Saenko N.R., Volkova P.S., Liuginina A.G., Shcheglova L.V., Kortunov V.V. Virtualization and digitalization of society as factors of sociocultural acceleration // International Scientific Conference «PERISHABLE AND ETERNAL: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization-2021» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2021.12.03.17> (дата обращения 12.04.2024).

CONCEPTUAL VIEWS ON THE PROBLEM OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS

N.N. Ravochkin*, E.M. Oleksenko***, D.O. Filimonova***

* Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo

**Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo

*** National Research Tomsk State University, Tomsk

In the modern world, the topic of the functioning of society and its structural elements under the influence of many factors is of particular importance, since a more accurate and clear understanding of the key determinants makes it possible to propose adequate scenarios for responding to difficult-to-predict challenges. The rich interpretative potential offered by various social structures, as well as the influence of the cultural background on the life of national countries, determines the importance of a comprehensive consideration of the mutual influence that occurs in specific contexts. In connection with the pragmatics of modern socio-philosophical search and the complication of processes, it is necessary to formulate fundamental foundations that will subsequently make it possible to conduct specific substantive studies of the well-being and crises of national states. This article is devoted to the analysis of conceptual views on sociocultural dynamics. The authors consider the stated problem from various research positions, focusing on the formation of macro-approaches and the complementary nature of existing concepts. Theoretical and methodological clarifications are made in the study of sociocultural dynamics. Examples of the direct impact of factors on accelerating the pace of social development are

given. The high importance of contextual consideration of influencing factors is noted. In conclusion, the research is summarized.

Key words: *sociocultural dynamics, institution, transformations, history, norm, values, challenges, practices.*

Об авторах:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово; профессор кафедры педагогических технологий, ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

ОЛЕКСЕНКО Елизавета Михайловна – магистрант философского факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск. E-mail: oelizaveta@mail.ru

ФИЛИМОНОВА Дарья Олеговна – соискатель, ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово. E-mail: d.o.filimonova@yandex.ru

Authors information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD, associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru

OLEKSENKO Elizaveta Mikhaylovna – postgraduate student of philosophical faculty, National research Tomsk State University, Tomsk. E-mail: oelizaveta@mail.ru

FILIMONOVA Darya Olegovna – the applicant, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo. E-mail: d.o.filimonova@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.05.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2024.

УДК 167.7+123.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.072

ОТЧУЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА – СПОСОБ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Г.А. Жаворонкова

ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва

Статья посвящена анализу феномена отчуждения творчества. Выявлена структурообразующая роль отчуждения и механизмы воздействия современных информационных технологий на процесс творческой деятельности. Отчуждение творчества проявляется в кризисе идентификации, трансформации коммуникации и в изменениях способа бытия человека в мире. Креативность представлена как новая форма творчества информационной эпохи и выявлена её сущность.

Ключевые слова: *отчуждение, творчество, креативность, самоидентификация, трансцендирование, информационная эпоха, вариативность результатов творчества.*

Отчуждение всегда присутствовало в бытии человека. Ещё Платон и Аристотель говорили о социальной изоляции человека, что представляет собой форму отчуждения. В эпоху эллинизма появляется интуитивное стремление акцентировать внимание на внутреннем состоянии человека как форме отчуждения его от общества.

Эпоха Возрождения, выдвигая гуманизм и акцентируя внимание на творческих возможностях человека и человеку как личности, способной в своём творчестве преодолеть свою физическую ограниченность, выйдя за её пределы, сравниться с божеством в результатах своей деятельности. Эпоха Возрождения открывает возможность человека преодолеть отчуждение путём реализации себя в творчестве, приравнивая себя к всевышнему началу в творческом акте. Гуманизм формирует понятия «преобразовательная деятельность» и «творческая активность человека».

Но особое обращение к феномену отчуждения формируется в Новое время и в эпоху Просвещения. Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо рассматривают отчуждение в связи с передачей человеком своих прав и свобод государству на основе концепции «общественного договора». Отчуждение рассматривается как продукт совместного взаимодействия людей, приведшее к возникновению государства. Иначе, продукт деятельности людей начинает господствовать над человеком, т. е. отчуждение человеком своих прав приводит к отчуждению от человека социальных институтов. Таким образом, отчуждение выявляет свою двойственную природу: с одной стороны – оно является собой акт добровольной передачи своих естественных природных данных, а с другой – как результат этого процесса передачи (отчуждения). Эту

© Жаворонкова Г.А., 2024

особенность процесса отчуждения глубоко анализирует К. Маркс в своей теории отчуждения труда в производственной деятельности [5].

Особым предметом философского анализа отчуждение становится в XX в. в трудах представителей франкфуртской школы, которые исследуют место человека в мире. Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и др. выявляют социальную природу отчуждения. А экзистенциалисты делают акцент на отчуждении как личностном состоянии, на его субъективном начале, которое возникает благодаря противостоянию человека и общества [1; 6; 8]. Так социальное отчуждение порождает личностное отчуждение, на чём акцентируют внимание Ж.-П. Сартр, А. Камю и М. Хайдеггер [4; 7; 9].

Кроме понятия «отчуждение труда», детально разработанном в марксизме, в отечественной философии XX в. проводился анализ таких понятий как «отчуждение человека от человека». Марксистский анализ отчуждения дополнялся детальным осмыслением отчуждения в соотнесении с социальной коммуникацией. Исследование отчуждения в таком аспекте позволило доказать, что отчуждение представляет собой структурирующий элемент социальной реальности, сигнализируя о необходимости трансформировать формы коммуникации индивидов, участвующий в творческом процессе.

В отечественной философии, помимо длительно господствующей марксистской концепции отчуждения разрабатывалась диалогическая трактовка творческой деятельности и диалога как способа преодоления отчуждения.

Отчуждение представляет собой социальный феномен, который участвует в структурировании социальной реальности. Оно проявляется в процессе коммуникации, изменяя социальные отношения. Отчуждение – социокультурный феномен, проявляющийся на двух уровнях – экзистенциальном и социальном.

На социальном уровне отчуждение выявляет свои отрицательные характеристики, а на экзистенциальном – как позитивное явление. Негативное понимание отчуждения лежит в основе марксистской теории трудовой деятельности при капитализме. Такое рассмотрение отчуждения приводит к одиночеству человека, его изоляции и беспомощности. Но экзистенциалистский подход рассматривает отчуждение как позитивный процесс, формирующий защитные механизмы человека, таких как адаптация и реальности или обособления от социальной среды, так как форму самоидентификации человека и способ проявить свою индивидуальность.

Наиболее глубоко социальный подход к анализу отчуждения был разработан представителями франкфуртской школы, в основе которого лежит трактовка особенностей существования человека в мире, т. к. самоотчуждение в условиях господства и подчинения, когда происходит замещение индивидуального стереотипным подавлением личностного. При социальном подходе к трактовке отчуждения индивид утрачивает своё подлинное «Я». В таком обществе реальные связи между людьми разрываются,

осуществляется процесс атомизации, ведущий к формированию отчуждаемых и овеществлённых отношений, которые препятствуют истинному общению. Отчуждение влияет на психическое состояние человека: возникает состояние бессилия, бессмысленности своего существования и потеря реальных отношений и связей с другими людьми, вызывая представление о своей непереносимости, одиночестве и изолированности.

Таким образом, отчуждение – это феномен социальной реальности и процесса, результат которого – утрата человеком своей сущности, противоположной творческой деятельности как сущностному способу бытия человека в социуме.

Сущность отчуждения наиболее глубоко проявляется в сопоставлении его с творческой деятельностью. Рассматривая творчество как сущностную характеристику бытия человека, а отчуждение – как феномен социальной реальности, как процесс, который приводит к утрате индивидом своих сущностных характеристик, следует обратить внимание на том, как эти явления (творчество и отчуждение) ведут себя в условиях информационного общества.

Творческая деятельность – это всегда процесс, в основе которого всегда лежит диалог как форма взаимосвязи человека с человеком и человека с обществом. Отсюда – диалог – это имманентная основа творческой деятельности. В процессе диалога индивид выходит за границы своей субъективности.

В условиях информационного общества творческая деятельность претерпевает существенные изменения – человек в процессе общения с техникой не просто теряет возможность завладеть производственным, или реальным продуктом, сколько получить возможность осуществить современную форму отчуждения творчества. Такой современной формой отчуждённого творчества является креативность, поэтому появляется необходимость в новой методологии творческого мышления, которое должна быть основана на выявлении сущности креативности в сопоставлении с творческой деятельностью, что позволит преодолеть эту форму отчуждённости и внести её в структуру творческого процесса. Иначе, современная эпоха требует по-новому осмыслить механизмы общения человека с информационными технологиями и их продуктом – постоянно поступающей информации, рассматривая творческую деятельность как процессуальную деятельность.

Особое значение приобретает отчуждение в условиях виртуальной реальности, то есть как деятельность субъекта трансформируется в виртуальном пространстве, которое представляет собой разветвлённую, постоянно самовоспроизводящуюся структуру. В такой среде индивид приобретает новые возможности в процессе коммуникации. Ж. Делёз утверждает, что у человека в виртуальном пространстве проявляются даже изменения тела, то есть реальное тело с истинной поверхностью появляется человеческое тело без органов [3]. Внутриличностное отчуждение обретает возможность скольжения по поверхности без погружения в глубины [2]. Так,

самоидентификация индивида в виртуальной реальности превращается в симулирование самого себя, обретая ризоморфное движение. Отчуждение в виртуальном измерении обретает форму симулятивности как на уровне самопрезентации, так и на уровне коммуникаций и всей деятельности. Причём деятельность проявляется в трёх формах – интериоризации, экстериоризации и трансценденции. При этом интериоризация основана на рефлексии и самоидентификации, которые упорядочивают внутренний мир человека, экстериоризация способствует отношениям человека с внешним миром и представляет собой процесс самоутверждения, и трансцендирование связано с выходом за рамки собственного существования к высшей надреальности, когда индивид становится личностью, преодолевая себя и устремляясь ко Вселенной.

Отчуждение в условиях виртуального пространства приобретает структурообразующую функцию, то есть способность ограничивать человека. Отчуждение как структурообразующий элемент современной социальности может быть направлено как на изоляцию человека (атомизацию), так и на его растворении в социуме (массовизация). Снять такое отчуждение можно только в диалоге как особой форме коммуникации, способной устранить результат атомизации и укрепить реальные социальные связи.

Творческая самореализация в условиях трансформации информационного общества обретает форму креативности, то есть креативность – это современная форма отчуждённого творчества.

В информационную эпоху формируется понятие креативности, под которым понимается способность к применению ряда творческих навыков. Поэтому часто термины «творчество» и «креативность» рассматриваются как синонимы, через их отождествление. Но эти феномены абсолютно не одно и то же. Креативность – это современный особый ракурс творческой деятельности, являясь феноменом информационного общества, так как в предшествующие эпохи применялось только понятие творчества. Но главное, эти два понятия отличаются своим содержанием. Креативность также нельзя рассматривать как технологию творчества.

Креативность – это новая форма творческой деятельности, новая особая форма творческой деятельности информационной эпохи. Если творчество – это всегда создание чего-то нового, ранее не существующего, в процессе которого творец выходит за рамки своего реального существования, обретая состояние парения над реальностью, то креативность – это способность человека к комбинированию уже существующими элементами. Креативность основана на прагматике, которая присутствует как особенность современной культуры, ориентированной не на процесс, а на результат. Если творческая деятельность направлена на преобразование существующего путём наделения его новым, ещё не существующим, то креативность нацелена на получение продукта творчества путём варьирования (подчас необъятного) уже имеющегося. Иначе говоря, результат творческой деятельности в креативности становится самоцелью как для создателя, так и для

социального окружения. Поэтому креативность представляет собой возрождение марксистского понимания отчуждения как отчуждения человека от самого себя и отчуждения труда от продукта самой трудовой деятельности.

Информационная эпоха, внешне предоставляя индивиду безграничную свободу для самореализации, казалось бы, должна снять проблему отчуждения, так как он в виде информации получает возможность присваивать всё чужое как своё, но на самом деле индивид только обретает доступ к различным вариантам творческих результатов, а значит, получая доступ к различным комбинациям фрагментами или результатами подлинного творчества. Поэтому креативность можно определить, как внешние технические формы применения результатов реального творчества, то есть как современную форму отчуждения творчества.

Список литературы

1. Адорно Т. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. – 390 с.
2. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф.Гваттари. - Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. - 895 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. М.: Академический проект, 2011. - 472 с.
4. Камю А. Падение. Изгнание и царство. М.: АСТ, 2015. – 315 с.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: АСТ, 2023. 224 с.
6. Маркузе Г. Молодежный бунт. Источник свободы или новое варварство? М.: Родина, 2023. – 206 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. М.: АСТ, 2020. - 510 с.
8. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды. Избавление от иллюзий. М.: АСТ, 2023. - 352 с.
9. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы: введение в философию. СПб.: Владимир Даль, 2018. – 414 с.

ALIENATION OF CREATIVITY – A WAY OF HUMAN BEING IN THE INFORMATION SOCIETY

G.A. Zhavoronkova

Federal State University of Education, Moscow

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of alienation of creativity. The structure-forming role of alienation and the mechanisms of influence of modern information technologies on the process of creative activity are revealed. Alienation of creativity manifests itself in a crisis of identification, transformation of communication and changes in the way of human being in the world. Creativity is presented as a new form of creativity in the information age and its essence is revealed.

Keywords: *alienation, creativity, creativity, self-identification, transcendence, information age, variability of creative results.*

Об авторе:

ЖАВОРОНКОВА Галина Анатольевна – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения, г. Москва. E-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

Author information:

ZHAVORONKOVA Galina Anatolyevna – PhD Student, Department of Philosophy, Federal State University of Education, Moscow. E-mail: zhavoronkova.1974@inbox.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.05.2024

УДК 130.2+304.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.078

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АЛИЕНАРНОГО МИФА

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

* ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

** ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

В статье анализируется специфика включения в дискурс информационного скандала религиоведческого и этнографического материала. Наиболее данные процессы бывают обусловлены мифологией, связанной с бытованием алиенарных сообществ, групп и культур. Типичные, наиболее частые черты алиенарных мифов связаны с незнанием образа жизни замкнутых социальных групп, недоверием к их представителям и страхом перед ними. В статье проанализированы семиотические способы создания стандартного образа алиенария, в том числе мифологическое домысливание, формирующее нарративы обвинения в человеческих жертвоприношениях. В статье приведены иллюстрации, заимствованные из оригинальных публикаций в сети Интернет. Исследование выполнено в рамках семио-герменевтического подхода.

Ключевые слова: мифологический образ, герменевтика мифа, культурный уклад, священное пространство.

Представленная в сети Интернет так называемая «ритуальная» версия гибели на Северном Урале в 1959 г. группы туристов под руководством Игоря Дятлова представляет собой интересный пример включения в дискурс информационного скандала религиоведческого и этнографического материала. При этом задействованные нарративы «кровавого навета» способны самим фактом своего существования еще более скандализовать коммуникативное пространство. Суть «ритуальной версии» в самых общих чертах может быть представлена следующим образом. Группа туристов – студентов и выпускников Уральского политехнического института (УПИ)¹, совершая туристический поход третьей категории трудности в предгорье Северного Урала, случайно или целенаправленно осквернили мансийское святилище и были принесены мансийскими шаманами в жертву разгневанному божеству. При этом иногда утверждается, что тайное совершение мансийскими шаманами человеческих жертвоприношений является частью хорошо скрываемой от непосвященных сакральной мансийской религиозной традиции, непрерывно существующей со времен глубокой древности. Для обоснования версии обычно используются следующие аргументы:

¹ Единственный участник трагически закончившегося туристического похода, не имевший отношения к УПИ, – инструктор Коуровской турбазы С.А. Золотарев.

1. Приверженность манси языческим религиозным практикам (шаманизм с элементами фетишизма и анимизма), что в восприятии массового зрителя формирует образ «иног» – потенциально враждебного и опасного.
2. Этнографический факт совершения манси животных жертвоприношений, что должно подтверждать «кровожадный характер» мансийской религии.
3. Проработка «мансийской версии» в 1959 г. органами следствия, «дыма без огня не бывает».
4. Устные нарративы о якобы совершении манси аналогичных либо похожих ритуальных убийств в 30-х гг. XX в., не имеющие какого-либо документального подтверждения, но воспринимаемые как безусловно достоверные.
5. Еще более фантастические нарративы, что якобы некий местный житель иногда, будучи пьяным, кому-то рассказывал, что туристы были убиты шаманами за разграбление некоего святилища.

Отсутствие сколько-нибудь серьезных подтверждений данной версии легко объясняется конспирологически: работники прокуратуры якобы фальсифицировали уголовное дело, уничтожили улики для того, чтобы скрыть истинные мотивы преступления. В качестве мотивов обычно приводится нежелание областных партийных властей раскрыть истинные обстоятельства дела из-за соображений тогдашней политической конъюнктуры.

Обвинения и подозрения указанного рода связаны с таким древним и частотным культурным фактом, как бытование алиенарных сообществ, групп и культур. Известно достаточно много вариантов соотношения превосходящих и алиенарных групп: в зависимости от длительности совместного существования, количественного соотношения (алиенариев чаще всего заметно меньше в численном отношении), от особенности контактов (возможен вариант с дистантным относительно друг друга существованием, в этом случае сообщество алиенариев не обязательно проигрывает в численности), от степени сходства или несходства культурного уклада. Алиенарное сообщество может отличаться по одному базовому признаку (напр., религиозная принадлежность), при этом остальные отличия вторичны и малозаметны. Алиенарность часто, хотя и не всегда, проявляется в недоверии, сочетающемся с плохим знанием всех черт образа жизни соседей-алиенариев. Нередким сценарием оказывается замкнутость, вялое стремление к контактам, при определенных обстоятельствах – те или иные формы агрессивного поведения, при этом «агрессивная инициатива» выражается одной из сторон (инициатива может выглядеть как «допустимая защита»), но втянуты туда в итоге могут быть обе стороны.

Вполне объяснима генерация специфической алиенарной мифологии. Типичные, наиболее частые черты алиенарных мифов связаны с неведением, недоверием и страхом. Например, в советскую культурную эпоху существовали алиенарные мифы о «сектантах». Иногда это были просто

некие «сектанты», иногда – баптисты или евангелисты. Им приписывались, помимо преувеличенной сплоченности и взаимопомощи, кровавые жертвоприношения, для чего именно члены этих официально разрешенных сообществ якобы похищают детей (зафиксирована и такая деталь: в момент похищения проверяется пол ребенка, так как нужен именно мальчик). Порой мифотворчество приобретало черты бездарной фантастики, подобно той, что имела место в пестрой группе школьного фольклора, для которого была характерна очевидная недостоверность. Так, имел место рассказ о том, как «сектанты», выйдя из леса, с помощью огнестрельного оружия остановили поезд и забрали часть пассажиров для всё того же жертвоприношения. Позднее, когда знания о «сектантах» стали более серьезными, хождение страшилок стало менее интенсивным, а сектам стало приписываться стремление к противостоянию с господствующей церковью – вещь уже явно не мифологическая.

Семиотика, с помощью которой создается стандартный образ алиенария, предполагает наличие следующих конструктивных черт (разумеется, возможны небольшие пропуски с сохранением большей части черт):

1. Иная этническая принадлежность.
2. Обитание далеко «за географической чертой», непосредственно за границей культурных ареалов, в виде локальных расселений внутри указанных ареалов, причем с возможностью предельного отдаления, если пространство достаточно большое.
3. Религиозно-конфессиональная инаковость (при этом чем непонятнее религиозные взгляды и практика, тем сильнее им может придаваться разрушительный и вредительский характер, начиная с заявлений, что данная религия создает элитарную ментальность).
4. Иной бытовой и повседневный уклад.
5. Обладание богатствами, часто скрываемыми и/или полученными за счет ограбления «доверчивых».
6. Пассивная агрессия в виде самых разных форм вредительства, включая фантастические и неverifiedируемые.
7. Аморальность или использование двойной морали с разными критериями оценки поступков в зависимости от их направленности, иная прагматика поступков.
8. Склонность к социальной саморегуляции.
9. Неблагодарность.

Из перечисленного можно видеть, что некоторые черты гиперсемиотизируются, т. е. в их основе лежат реальные факты (напр., особенности обитания, занятие тех или иных географических локусов), а некоторые тяготеют к фантастическим домыслам или крайним преувеличениям – соответственно диапазону знаковости [7, с. 127–132].

Образ алиенария отчетливо несет черты образа недружелюбного и даже агрессивного чужака с чужой культурой, религией и ментальностью. Соответственно, для конструирования алиенарного мифа используется

весьма архаичный сюжетный ход: причинение телесного вреда, агрессия с попыткой убийства, включая и разные варианты убийства ритуального, малопонятного для тех, кто к алиенариям не принадлежит (однако вполне отчетливо относящегося к семантическому конструкту «убийство в своих специфических целях»), но естественного для них самих, как связанного с религией. Впрочем, вариативность ритуального убийства невелика, если не рассматривать мелкие детали, это чаще всего кровавое жертвоприношение. Миф о жертве – едва ли не центральный в алиенарной мифологии. В 1960 г. появляется антирелигиозный фильм «Тучи над Борском», где, помимо отрицательного изображения лжи и двоедушия очередных сектантов (геттоизированных алиенариев), нашлось место и настоящему человеческому жертвоприношению. Этот сюжетный ход первоначально усилил воздействие фильма, но в итоге ослабил его потенциал: жертвоприношение выглядело неправдоподобным и искусственным. Эта неудача была сразу же отмечена критиками [8], некорректное домысливание признавалось как минимум бесполезным. Интересно, что попутно фильм изображал радения пятидесятнического типа, что должно было произвести на зрителей особенно отталкивающее впечатление; картина обычной проповеди и гимнопения, напр., баптистов, или православного богослужения была бы не столь эффективна в контексте борьбы с предрассудками и антирелигиозного воспитания. Для сравнения: в фильме «Заговор обреченных» (1950) почти обязательная структурная позиция «священник-мракобес» была замещена персонажем «кардинал». Игравший эту роль А.Н. Вертинский вспоминал, что ради эстетического правдоподобия из музея были позаимствованы дорогие облачения, для аутентичности ритуальной гестики была взята консультация местных католических священников. В результате негативный компонент образа сосредоточился в сцене проповеди, а также в иных разговорах персонажа.

Манси оказались типичными алиенариями – «чужими», ведущими странный образ жизни, говорящими на непонятном языке, имеющими странные и малоизвестные верования. Момент агрессивности уже не столь важен как объективно выявленная черта – он возникнет сам в ситуации генерирования непосредственно алиенарного мифа. Мифы о манси и ситуация их генерации вполне укладываются в алиенарную модель. Среднестатистические представления об их образе жизни были весьма расплывчаты и хорошо известны только специалистам. Места обитания воспринимались как неопределенно далекие, опять же малоизведанные и пугающие, – черта образа классического алиенария. Сюда добавлялась и способность быстро передвигаться по заснеженной тайге. Характер религиозных верований также был малоизвестен, но в любом случае был семантически отмечен как примитивный. Примитивность же легче сопрягается с потенциальной агрессией. Прибытие студентов выглядит как культурный и ментальный контраст, столь важный для формирования большей части мифов. В «страну манси» прибыли комсомольцы, носители передовых взглядов, люди

социально активные, а к тому же и образованные, причастные к самым новым знаниям о мире, присущим человеку новейшей эпохи и наследникам наиболее прогрессивных традиций Нового времени. В этом случае конфликт алиенарного типа выглядит вполне объяснимым. В русле доминировавшего в ту культурную эпоху активного атеизма попытка вторжения в священное пространство (по ошибке или намеренно) выглядит естественно, также вполне вписывается в структуру указанного мифа.

В ситуациях сверхсильного социального напряжения и аномии возможно перенесение социальных разрушительных потенций именно на алиенариев, причем не всегда требуется даже вполне нелепая версия об их вине и причастности к чему-то дурному, агрессия изливается по принципу «кто попался под руку». Однако структурированная алиенарная мифология может в этих случаях служить и триггером, и целевой мотивацией, и оправданием деструктивно-агрессивных поступков.

Вопрос об осквернении святого места, послужившем якобы триггером конфликта, был задан даже одному из блогеров, постоянно освещающему тему «группы Дятлова». На фоне не очень глубоких знаний из области религиоведения обсуждается вопрос, были ли у манси вообще священные места или же их религия была близка какому-то варианту анимизма без выделения священных мест и предметов.

Появилась даже версия, напоминающая приключенческую и хоррор-фантастику, очень распространенную в современной интернет-среде, а именно – похищение некоего священного предмета, что и вызвало всплеск агрессии. Была попытка даже объяснить сходжение с маршрута Ю. Юдина именно тем, что он отправился за этим предметом в некое святилище, тогда как основная группа, видимо, отвлекала внимание.

Отметим, что и столкновение с арктическими карликами и снежным человеком – еще одни версии – структурно ничем не отличаются от алиенарного мифа, порождающего множество конкретных текстов.

При этом вероятность того, что студенты осквернили некое мансийское святилище, похитив какие-то находящиеся в нем артефакты, с этнографической и религиоведческой точки зрения представляется ничтожной, а сама эта версия содержит множество противоречий и маловероятных допущений.

Мансийские святилища должны располагаться на ритуально-чистой, «нетоптаной» земле, на которой не ведется хозяйственная деятельность, включая охоту и сбор кедровых шишек, по ней не должны ходить люди, за исключением пришедших для участия в религиозных обрядах. В силу этого святилища располагаются в глубине леса на удаленности от дорог, участникам этнографических экспедиций для посещения и осмотра святилищ требуется помощь местных жителей-проводников. Вероятность случайного обнаружения святилища туристами вблизи мансийской тропы – исключительно низкая. Скорее здесь сказались культурные особенности эпохи воинствующего атеизма, когда и сами верующие, и те, кто выступал как

«служитель культа», несший знамя отсталости и мракобесия, воспринимались резко негативно, причем порой для этого было достаточно самого факта религиозности. Такой тип отношения к алиенариям, повторим, был особенно характерен именно для описываемого культурного периода, но в видоизмененном, «анонимизированном» виде вполне мог быть транслированным и в культурную ситуацию сегодняшнего дня.

Утверждение о том, что студенты похитили «золото, бриллианты и меха», принесенные манси в жертву богам, равным образом представляется невероятным. Данные этнографии однозначно свидетельствуют о том, что всё перечисленное, за исключением лоскутов меха, в мансийских святилищах отсутствует. В районе трагедии нет алмазных месторождений, кроме того, трудно представить, что манси смогли организовать подпольную огранку алмазов. Столь же неправдоподобным представляется покупка манси дорогостоящих изделий с бриллиантами в ювелирных магазинах для их последующего принесения в жертву божествам локальных культов. Из материалов, собранных этнографическими экспедициями, следует, что и изделия из золота отсутствуют в типичных мансийских святилищах. Легендарная старинная золотая табакерка, ассоциирующаяся с культом Мир-Сусне-Хум'а, в реальности оказалась медной. «Не следует удивляться и превращению медной табакерки в золотую. В силу существовавших традиций "общаться" с обитателем культового амбарчика, "передавать" ему новые дары мог лишь один человек – хранитель культового места. Для остальных содержимое сумьяха было недоступно и нередко обрастало легендами. Так за многие годы (табакерке порядка двухсот лет) медь "превратилась" в золото» [2, с. 73].

Что касается легендарного идола, известного под названием «Золотая баба» (или «Золотая женщина»), то о нем можно сказать только то, что данный сюжет не представляется достоверным, самого идола так и не нашли. Возможно, в основе данного нарратива лежит мифологема о несметных богатствах «чужих» народов (алиенарии обогащаются разными способами за счет других). При этом изделия из серебра в мансийских святилищах действительно присутствуют, но они в материальном отношении не являются ценными. Это прежде всего билонное серебро конца XIX – начала XX в., обладающее низкой стоимостью и небольшой коллекционной ценностью. Серебряные блюда, периодически встречающиеся в мансийских святилищах, тоже не обладают сколько-нибудь значительной материальной ценностью, а оценить их коллекционную ценность студенты политехнического института вряд ли могли. Тем более необходимо учитывать, что в конце 1950-х гг. коллекционеров, интересующихся подобными предметами, было явно немного. Вообще инвентарь мансийских святилищ достаточно беден, он может представлять интерес преимущественно для этнографов, религиоведов, историков, то есть этот интерес должен быть обусловлен профессионально. Это же относится к деревянным изображениям божеств, которые отличаются грубым схематизмом и вообще выглядят достаточно

отталкивающе для человека, привыкшего ассоциировать языческих идолов с античными мраморными статуями олимпийских богов. Небольшие лоскуты меха, используемые религиозными манси для изготовления «одежды» идолов или принесенные в святилища в качестве votiua или для иных целей, не обладают материальной ценностью.

Представляет интерес в свете разбираемой нами проблемы популярный мансийский фольклорный нарратив: некий человек похитил нечто, принадлежащее мансийскому святилищу, после чего не мог продолжать свой путь: куда бы он ни шел, он возвращался к святилищу. Поняв, в чем дело, воришка вернул украденную вещь, после чего смог беспрепятственно уйти: никакой мести разгневанных богов не последовало.

Утверждение о том, что манси сохранили до новейшего времени практику тайных человеческих жертвоприношений, тоже не выдерживает никакой критики. Действительно, данные археологии свидетельствуют, что такая практика существовала, ее расцвет приходится у обских угров на период энеолита, далее частотность человеческих жертвоприношений сокращается и к началу XVIII в. достигает нулевых показателей. Из этих же материалов следует, что ритуал человеческих жертвоприношений часто включал ритуалогемы особого воздействия на головы жертв: черепа или разбивались, или отделялись от тела и погребались отдельно [6]. В этом отношении обстоятельства мултанского дела странным образом коррелируют с археологическими данными. Но материалы судебно-медицинского исследования трупов дятловцев и все известные фотографии позволяют однозначно говорить о том, что с черепами погибших туристов не совершались ритуальные действия, а породившее конспирологические предположения состояние тела Л. Дубининой может быть объяснено естественными причинами, а именно гнилостными изменениями трупа. Повреждение черепа Н. Тибобриньоля явно не носило ритуального характера. Стоит заметить, что сюжеты, связанные с черепом, популярны в сфере хоррор- и фэнтези-литературы (напр.: [5]). Восстановление забытого за четверть тысячелетия ритуала в условиях, когда «количество людей, продуцирующих традиционное мировоззрение, – «держателей» культуры – неумолимо сокращается» [1, с. 106] представляется невероятным.

Равным образом не выдерживает критики предположение о том, что расправе над туристами предшествует применение шаманами психотропного дыма. Согласно этой версии, шаманы разрезали скат палатки и «напустили дурман» [4]. Не беря в расчет техническую сложность данной операции, для выполнения которой, скорее всего, потребовалось бы приспособление по типу пчеловодческого дыма, отметим только то, что в ритуальной практике манси действительно используется окушивание, но не веществами, выделяющими психотропный дым, а березовым грибом чагой, шерстью животных и перьями птиц. Данные субстанции при горении выделяют дым, который воздействует на психику человека так же, как обычный дым, образующийся при сжигании дров. В целом же, по мнению ряда

исследователей, «интоксикация путем употребления наркотических средств для достижения шаманского экстаза не характерна для шаманизма», а применение народами Урала психотропных веществ, прежде всего мухоморов, имеющее некоторое этнографическое подтверждение, не является необходимым элементом шаманской практики [10]. Поэтому представление о шаманах как об обладающих исключительным могуществом знатоках ядовитых и галлюциногенных растений представляется явно завышенным, что в целом соответствует логике алиенарного мифа, в котором колдуны алиенарных социумов наделяются исключительным вредоносным могуществом: «ввиду того что чужак... не вполне человек, возможности его могут превосходить человеческие» [3, с. 305]. Более того, необходимо учитывать синкретичный характер мансийской религии, сильное влияние на содержание ее концептов христианских представлений, в результате чего шаманский статус перестает быть гарантией чисто языческих убеждений его носителя, включая отношение к кровавым жертвоприношениям [9, с. 140].

Список литературы

1. Абрамов И.В. Молебный Камень: сакральный ландшафт манси // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 96–107.
2. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места (XIX – начало XX в.) Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1986. 192 с.
3. Долгов. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
4. И снова Стёпочкин. Перевал Дятлова: новые подробности старого рассказа // [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3RK7HNqB8_A&t=1634s (дата обращения 15.12.2023).
5. Нейтральная сила. <https://www.youtube.com/watch?v=244eVSEKS9g> [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=244eVSEKS9g> (дата обращения 15.12.2023).
6. Сериков Ю.Б. Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2010. № 4. С. 83–102.
7. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
8. Федоров А. Анализ советских антирелигиозных фильмов // [Электронный ресурс]. URL: <https://psyfactor.org/kinoprop/antireligion.htm>. (дата обращения 15.12.2023).
9. Чепкасов Е.В. Христианизация вогулов: история и последствия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 3. С. 131–143.
10. Шаповалов А.В. К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С.139–148.

RELIGIOUS STUDIES SPECIFICS OF NONNATIVE MYTH

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

* Tver State University, Tver

** Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

The article analyzes the specifics of including ethnographic material in the discourse of an information scandal. Most of these processes are determined by mythology associated with the existence of nonnative communities, groups and cultures. The typical, most common features of nonnative myths are associated with ignorance of the way of life of closed social groups, and distrust of their representatives and fear of them. The article analyzes the semiotic ways of creating a standard image of the nonnative person, including mythological speculation that forms the narratives of accusations of human sacrifice. The article contains illustrations borrowed from original publications on the Internet. The study was carried out within the framework of the semio-hermeneutic approach.

Keywords: *mythological image, hermeneutics of myth, cultural structure, sacred space.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теологии Института педагогического образования, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и религиоведения. ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, docent, Professor, Professor Department of theology, Institute of pedagogical education and social technologies, Tver State University, Tver. E-mail: semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKII Alexander Mikhailovich – PhD, Professor, Professor Department of sociology and religious studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.04.2024

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.087

АНТРОПОЛОГИЯ НОМО URBANUS

В.В. Ильин*, А.В. Шимко**

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Калуга

**ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Мытищи

Город как грандиозный артефакт всецело, полномасштабно редактируя самопроявления сапиента, создает специфическую внутривидовую модификацию номо. Последняя атрибутируется признаковой определенностью:

– абиотическая среда обитания – планомерная переработка естественного рельефа – девственных территорий, акваторий (сокращение, ликвидация площадей парков, прудов, природных ландшафтов, рекреационных, заповедных зон);

– социокультурный (неинстинктивные атрибуты общения) сбалансированный, адаптированный к массовой коммуникации этос (ритуал, право, мораль, традиция), купирующий многочисленные врожденные реакции (проявления агрессии в борьбе за лидерство, собственное благополучие и т. д.);

– насыщенность, спрессованность, вариативность экзистенциальных точек-событий, темпа самореализации на грани физических возможностей.

Антропологическая проекция указанных особенностей существования в городе – антиномичность жизнеподдерживающих программ в створе уравновешения онтогенетически задаваемых крайностей «эгоизм-альтруизм».

Ключевые слова: человек городской, антропная топология, экзистенциальная самореализация номо urbanus.

Как существо, интенсивно взаимодействующее с себе подобными в созидании специфической территориально-поселенческой формации номо urbanus, с одной стороны, производит, а с другой стороны – потребляет свой творческий продукт, volens-polens вырабатывает рефлексивное отношение к собственной деятельности.

Социальные моменты данного отношения абсорбируются социологией, экзистенциальные его моменты – антропологией города, развертывающей панораму персонального представления реализуемого вовлечения и участия в емком диапазоне «приятие – неприятие» публичной – приватной среды обитания.

© Ильин В.В., Шимко А.В., 2024

Поскольку множество охватываемых заданных на контрастной основе указанным диапазоном возможностей исчерпывающе, оценка крайних его составляющих подводит к полному и адекватному понятию происходящего. Итак, предельные точки подлежащего осмыслению интервала, вмещающего богатство витальных городских заявлений самости, суть «самообретение» – «самоутрата». Присмотримся к ним по возможности тщательнее.

Самообретение. Полнота персональной креативной самореализации личности, ищущей и находящей в городских условиях наиболее емкие, инспирирующие предпосылки собственного экзистенциального роста. Последние обеспечиваются стандартными инновационными функциями урбанизма (в отличие от рурализма), в кругу которых экспоненциально наращающееся множество социальных (управление – исполнение); культурных (замысел – воплощение); образовательных (обучение – применение); профессиональных (вера – исповедание); идеологических (апология – технология); интерактивных (общение – приобщение); информационных (программирование – пользование); ценностных (исходные инспирации – ответные экспектации) и т. д. ролей.

Генеральная функция города – создание возможностей максимального обслуживания, удовлетворения потребностей, запросов всех и каждого, встроенного в городской контур витальности.

Свою генеральную функцию город выполняет через основополагающий автономный проект «человек в городе, город в человеке». Так как диспозиции такого рода модифицируются в зависимости от исторических случайностей (как говорил Маркс, – лиц и условий), дифференцирующих конкретное призвание тех или иных единиц урбанистики (столичные – периферийные; большие – малые; поли-, монопрофилированные и т. д.), для положительного движения в теме примем некую абстрактную модель средневзвешенного города, в онтологическом и антропологическом отношении отвечающего всем ожиданиям (в более строгом языке – оказывающуюся средним значением распределения некоторой случайной величины, резюмируемым законом больших чисел).

Идеально – город обслуживает социализацию, разумея вписание личности (в отличие от человека и индивида) в круг социальных связей с приданием ей общественных статусов – конкретных местоположений в «роевом» целом. Указанное обслуживание разбивается на периоды (возрастные фазисы) – от ювенильной до пенсионной стадии, где городская среда осуществляет налаживание жизненных процессов, обобщаемых аккумуляцией (абсолютность включения в вовлечение и участие) и индивидуацией (относительность исключения из вовлечения и участия) [11, с. 139–145].

Конкретизируя роль города, динамизирующего стандартные, но минимизируемые сельским образом жизни явления подобного рода, укажем по части

– аккумуляции (воспитание, обучение, приобщение к культуре) – на а) разветвленную сеть учреждений дошкольной, школьной, вузовской,

поствузовской, профессиональной подготовки и переподготовки, институциональных и неинституциональных форм приобретения знаний – умений – навыков; б) количественно и качественно несопоставимое с предоставляемым селом многообразием ролевых позиций, полиморфизм занятости, диверсифицированность услуг;

– индивидуации (неравнообразность «Я»-образов социально равноправных лиц) – на мощность потенциала города (его материально-технической, духовной базы) удовлетворять самые изысканные требования людей, потребности самосовершенствования, заявления самости.

Солидарно одно и другое легализует капитальную ценность современного глобального мира – беспрецедентную мобильность, вписывающую личность в сетку горизонтальных (перемещение по векторам равноправного соположения) и вертикальных (перемещение по иерархически восходящим векторам) движений. Последнее, очевидно, контрастирует с «инертным» проживанием в фиксированном месте, характерным для деревенского образа жизни [20, с. 108].

Самоутрата. Не классическая форма отчуждения, описываемая противостоянием деятельности (ее результатов) непосредственному источнику, исполнителю, носителю, но сковывание самодеятельности, недостижимость самоотдачи. Генерал-бас такой интерпретации – возможности человека в зависимости от реальных обстоятельств и изменение обстоятельств, расширяющих человеческие возможности.

Поскольку согласование одного с другим не отвечает канону *harmonia pre stabilita*, неизбежен люфт между проектом и его воплощением, создающий питательную почву неудовлетворенности достигнутым. Человек как «никогда не завершаемый имперфект» (Сартр), перекрывая наличное и не достигая чаемого, попадает в непростую ситуацию раздосадования, усугубляемую деструктивными экзистенциальными эффектами апатичности, анемичности, равнодушиности, отчаянности, растерянности и др.

Рурализм в таких случаях экипирует человека реабилитирующей программой самососредоточения: переоценкой «громадь планов» в одиночестве, припаданием к истокам – тесным общением с «первой» природой, самоуглублением, венчающимся упоительным достижением самоуспокоения.

Не такова реабилитирующая реакция города. Под идентифицируемый персональный кризис, судьбический провал город подводит наращивание социально удостоверяемого витального потенциала. Он пролифицирует объективные факторы снятия, предотвращения разрушительных эффектов стагнации, депрессии на онтологическом уровне; деградации, дисфункции на антропологическом уровне. Разбаланс жизненного процесса выправляется серией санирующих инициатив в ареалах

– «объектность»: при кризисе производства (моногорода, индустриальные кластеры – Детройт); демилитаризации (военные городки, базы); концентраты мигрантов, нелегалов, маргиналов – перепрофилирование

занятости, диверсификация функций, отселение, компенсации, ужесточение правил предоставления убежища, гражданства;

– «субъектность»: при смене жизненного амплуа (пенсионеры, студенты) – компактное расселение с беспрепятственной активизацией полезных контактов (возрастные коммуны в городах ГДР, учебные кампусы при центральных университетах); при смене места жительства – рациональное районирование, доступность благ, обеспечения, обслуживания, оптимальность снабжения, логистики и др.

Сверхзадача данных мероприятий – ликвидировать препятствия персонального прогресса, предотвращать причины деградации личности, оказывать ей адресную поддержку при возникновении жизненных неурядиц.

Компактный образ внутренне связной, в себе организованной среды обитания, разрешающей витальные заботы homo urbanus, оправдывает введение, разработку полезного концепта «антропная топология городского пространства». Уточняя нужное нам в базовой фигуре, отметим следующее.

Топология комбинирует качественным представлением непрерывного многообразия, не допускающего разрывов, разломов, дискретизации (квантования); топологическое замкнутое множество включает все релевантные (находящиеся в соприкосновении, близости, входящие в окрестность выделенных) точки.

Антропология комбинирует представлением экзистенциального ценностного многообразия, точки которого манифестируют его человеческое «внутреннее богатство» [13, с. 8].

Антропная топология выстраивается вокруг центростремительной истории выразить реальность сущностью «собственной жизни» [8, с. 26], индивидуальной ее проекции. Предметообразующей силой такого мировидения оказывается синергичное очеловечение сущего – ценность мира удостоверяется его человеческой ценностью, фиксируемой специфическим познавательным арсеналом, приноровленным к репрезентации, реконструкции антропоемких локусов – хронотопов.

Радикализируемая «гуманитарная напитанность», «экзистенциальная напряженность» пространственных интервалов модифицирует их бытийственный статус: с топологической точки зрения антропное пространство неоднородно, неизотропно: точки его сущностно выделены, направления перемещения в нем неравноправны. Отсюда – эпистемологические особенности антропоемких сценографий реальности, выступающих порождениями «участливого сознания» [13, с. 41–42].

Антропная топология как базисная схема освоения, фиксации событий городской жизни вводит символические приемы олицетворения, одухотворения, гипостазирования: наделяемый субъектностью город предстает носителем особой морфологии с ярко выраженными антропоморфными качествами, какие воспеваются, проклинаяются, обесцениваются. Аналитический аппарат урбанистики, не снижая планки научности (как в казусе откровенно аниматистских шпенглеровских моделей культуры), обретает

чувствительность к заявлениям человеческого начала: от родительского дома, где рос, до погоста, куда сопровождал близких, – все становится памятным, – «своим», вовлеченным в границы актуального опыта, в круг самодетальности «Я».

Взять классические одухотворения городской среды Маяковского («Адище города»), Мандельштама («Ленинград»), – в них используются топологические средства задания

– антропной онтологии:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.

...

А там, под вывеской, где ...
сбитый старикашка ...

...

В дырах небоскребов, где ...

(Маяковский)

По соответственной топологической привязке разворачивается экзистенциальная сценография;

– антропной морфологии:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
до прожилков, до детских припухлых желез.

...

Петербург! У меня еще есть адреса,
по которым найду мертвецов голоса.

...

(Мандельштам)

По сходной же схеме осуществляется символическая квалификация точек-событий.

Образчик художественного освоения экзистенциально емкого городского антропомногообразия дает Гоголь, образно осмысливая реакцию героя на призывный взгляд очаровательной кокетки в интерьере случайной уличной встречи: «... дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства ... горели ... все перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар неся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу ... алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице глаз. И все это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки» [5, с. 17–18].

Один поворот смазливой головки в пейзаже мимолетной мелодрамы и ... как говорил Бродский, полная «Свобода от целого: апофеоз частиц» [1, с. 495].

Социальная коннотация антропопространства городской среды – зонирование, дифференцировка местожительства по учету «первичных»

человеческих качеств. Сказанное позволяет не согласиться со странным тезисом Рамоне о стандартизирующем единообразии городского существования [19]. Напротив, изначально город обслуживает богатство экзистенциальных воплощений. Достаточно принять во внимание диверсифицированность внутреннего плана, архитектоники градооформления в разных хронотопах.

Центральная – периферийная полосы: четкие границы публичных – частных объективаций (работа – досуг). В одной – институты, учреждения, официальные резиденции, площадки массовых мероприятий с утритированием символических статусов общественных мест: в античности – агора, Пантеон; в средневековье – храм, собор, замок; в Новое время – ратуша, театр; в Новейшее время – биржа, банк. С учетом специализации городов – набережная, порт, кампус, ремесленный квартал, завод, комбинат, университет. В другой – бытовые, досуговые, контактные, рекреационные заведения с утритированием функционального статуса социальных локусов: во все времена – вокзалы, базары, пассажи, мегаполлы, торговые центры, супер- и гипермаркеты, мелкий – крупный опт.

Исходно город являет средовое разнообразие, признаковую многоликость, чувствительность к массовому потреблению «пространственных мест», обнаруживаемому в характерных архетипах

- композиции: радиально-кольцевая (Москва); параллельно-меридиальная (Нью-Йорк); квадратно-гнездовая (Набережные Челны) структура;

- локализации: точечная – типовая застройка (Chelsy, Рублевка) – фешенебельные кварталы с новым огораживанием особняков – элитное жилье с подчеркнутым поддержанием уровня комфорта, порядка, безопасности; спальные районы; трущобы – сосредоточения субъектов маятниковой рабочей миграции, мигрантов, маргиналов;

- логистика: транспортные артерии, городские перевозки с новаций Паскаля, предложившего отдельные каретные маршруты, до развитой сети внутри- и межгородских автомобильных, железнодорожных, авиационных сообщений;

- безопасности: места массового скопления людей – места повышенной опасности – потенциальные мишени террористических атак (трагедия 22.03.24 «Крокус Сити Холла»);

- занятости: от подвоза резидентов к местам службы до поддержания их профессиональных и витальных кондиций; от завоза до обустройства и утилизации трудового и бытового потенциала нерезидентов.

Город – колоссальный артефакт, спрессовывающий не только пространство, но и время. В отличие от деревни, в городе всегда – дефицит времени. Объяснение в том, что город (переименовая Кастельса) [22, с. 386] – не только место, но и процесс, и более того – быстрый, энергичный темп жизнеток. Город – специфическая хронометрическая реальность со своим

строем существования, основанным на разнообразии способов самозаявления, средств удовлетворения самых причудливых потребностей.

Диверсификация экзистенциальных программ, обилие возможностей городской жизни, рожающие потребность успеть «во всем, везде», – именно они порождают индивидуальную насыщенность, уплотненность городской темпоральности. Такова причина убыстрения временного тока в субъективном отношении. В отношении объективном причина его (времени) убыстрения – цивилизационная многоосновность города, концентрирующего завоевания мировой культуры в достоянии музеев, библиотек, театров, университетов, собственной архитектуры.

Город – концентрат плодов человеческого прогресса, подключающий к ним жителей. «За культурой – в город» – императив стремящихся к полноте самореализации сапиентов, включающихся в аккультурацию и по способу потребления культурных потоков, и по способу жизни. Город – живое предание, пакующее напластования исторических слоев, вместилище, толща свидетельств значимого прошлого, которое воспевается, о котором складываются легенды. Таковы Афины, Иерусалим, Рим, Мекка – любой древний и современный вызывающий своей предысторией высокие чувства город.

По поводу «современного» подчеркнем «предысторию». Ряд городов, воздвигавшихся на пустом месте в качестве *tabula rasa* (Новокузнецк, Комсомольск-на-Амуре, Тында, Бразилиа) и не имевших укоренения в прошлое, не то чтобы не оправдали возлагавшихся на них проектировщиками надежд, но точно – не стали центрами экзистенциального притяжения городами-садами (как мечтал со всеми романтиками-большевиками Маяковский). Это потому, что справедливый, расчисленный, рационально спланированный, как виделось футурологам того времени (и всех времен), мир не создается как будущая формация-резервация без прошлого. В городах будущего (лишенных корней в предыстории) жить неуютно (из новой столицы Бразилии горожане в массе отъехали). Последнее показали опыты провидцев грядущего

– Нового времени: Мора, Бэкона, Кампанеллы, конструировавших искусственный мироейник образцового вневременного порядка с казарменным деиндивидуализирующим упрощенчеством и уравнительством [2; 17; 18];

– наших соотечественников: сатирика-реалиста Салтыкова-Щедрина (История города Глупова), лиро-эпического сатирика Платонова (История города Градова), продемонстрировавших плачевные итоги преодоления «наличных (непотребных) реалий», производимых в мечте, вызывавшей не только «бумажную трескотню, канцелярский зуд «радостных посулов», но и вполне осязаемые, грубые, зримые мертворождающие инициативы: жестокость, животность, зло, беззаконие, инстинкт разрушения, налаживание утробного существования» [9, с. 63]. Иными словами – противожизненность.

Жизнь не выстраивается в пустыне в беспредпосылочном беспрошлом; прошлое – запасник и заказник здравомысленности – основательно-сти устроительных починов. Пренебрежение сказанным фатально: «В городе Глупове замыслили (или могли замыслить) повороты рек [Что уже не в имитационной, а в практической модальности выполняли в НИИ Водных проблем АН СССР под занавес опыта социализма. – авт.] ... В городе Градове замыслили (или могли замыслить) рытье котлована» [9, с. 64]. Финал разоблачителен: как у Ильфа и Петрова: строили клуб, да забыли малость – отхожее место; что же такое храм культуры без сортира?.. Вопрос, как может показаться, не столь риторический. Довольно вспомнить возведение новых городов без явной, ясной программы утилизации отходов (Набережные Челны), очистных сооружений (правобережье Калуги).

Комсомольск-на-Амуре именуют платоновским Чевентгуром: городом-котлованом, ярко сияющим переливами ускользнувшего времени [3].

Эффект остановившегося («ставшего», по удачному выражению В.Г. Бенедиктова) времени отличает существование малых провинциальных городов (вспомнить Твардовского: в космос мы уже проникли, а вот проникнем ли когда-нибудь в Калугу?.. и это – каких-нибудь 200 верст от первопрестольной!). Периферию как сущностный нестоличный уклад жизни характеризует бытовая, культурная, информационная, социальная, политическая несамодостаточность (не хочется говорить «отсталость», «ограниченность», «недоразвитость»), проистекающая от подчиненности неким иным центрам принятия решений. Откуда – осмотрительность, повадливость, безынициативность жителей, исповедующих кредо «как бы чего не вышло», «почины наказуемы» и самореализующихся в режиме «исполнения».

Эссенциальная подкладка всех приступов к какому-нибудь серьезному делу покрывается плоскостью «местечковость» – практика «малых дел», «мышья беготня» (Пушкин) – вроде: разбить сквер, отремонтировать здание, провести соревнование, обновить транспортный парк ... и все это – с благословения, при моральной и материальной поддержке сердобольных вышестоящих или шефских инстанций.

Внешнее центральное управление – внутреннее местное самоуправление: судьба, благоденствие периферийных населенных пунктов во многом (едва не во всем) зависит от снятия данной альтернативы. Наши симпатии – на стороне более чувствительного регионализма, создающего объективные предпосылки развязывания демократической активности снизу без обременительного попечительства, покровительства центра.

В настоящий момент компенсация несамодостаточности малых провинциальных городских поселений производится генерацией мифологем, легендарных символических иллюзий их притягательности (проекты типологичной схемы «Нью-Васюки», объявляющие те или иные местожительства «центрами мира», «пупами земли», систематизированы Г.В. Горновой, к работам которой мы и отсылаем [7]).

Избегая местечковых самовозвеличений, уместно сказать: во все, всякие времена российская провинция играла роль стержня нации. Именно она обеспечивала рост национального «тела» (демография), возвращала таланты (Ломоносов, Кулибин, Ползунов), поставляла жен русских царей, спасала отечество (народная эпопея периода Смуты), ковала победу русского оружия (подвиг трудового фронта Великой Отечественной). В текущий момент актуализируется насущнейшая задача вдохнуть новые силы в нашу провинцию, придать живительный импульс развитию малонаселенных пунктов, центров.

Современное величие России должно прирастать не Сибирью, но периферией, где каждому живущему предоставится полноценная, комфортная, достойная линия проживания.

Определенный положительный опыт в отношении сказанного являют почины Маленкова, в конце сороковых – начале пятидесятых в бытность свою Председателем правительства столкнувшегося с ужасным явлением тотальной деградации советской провинции.

В период 1949–1953 гг. от бескормицы, непомерных налогов, притеснений родную местность покинуло около 3,3 млн соотечественников, бегавших от лихолетья в поисках лучшей доли. Развернувший реформы Маленков отменил сборы с крестьян, расширил приусадебные угодья, списал долги с колхозов. Люди вздохнули, почувствовали себя людьми, подняли голову, как вдруг одиозным решением Пленума ЦК КПСС (31 января 1955 г.) удаливший из органов центральной власти Маленкова Хрущев затеял досадную контрреформу, резко снизившую перспективы только-только начавшегося поправляться благополучия жителей.

С 2024 г. в России налаживается нужная новая программа развития малых городов – мастер-план подъема территорий предусматривает благоустройство 30 тыс. общественных пространств наряду с мерами укоренения на них специалистов. К уже действующим проектам «Земский доктор», «Земский учитель» запускается проект «Земский работник культуры», оптимизирующий культивацию запущенных мест укореняемыми представителями интеллигенции.

Сверхцель обновленческих мероприятий – упразднение необразованности, бескультурья, низких потолков притязаний – некомпенсируемой «обделенности», «ущербности» провинции включением ее в общегражданскую гражданскую жизнь стимулированием социальной инициативы, общественного вовлечения, участия, упраздняющего «бессобытийное» однообразие бытового жизненного течения.

С семантической точки зрения речь идет о переводе пространства во время, стабильности в мобильность, бытийственности в событийность с обеспечением равных человеческих возможностей. Последнее, естественно, обслуживается и информационной революцией с ее экстерриториальной удаленностью (образование, занятость, досуг), дистантным смыслотворчеством.

Поскольку тезаурус культуры формируется, концентрируется в городах, город становится центром, локомотивом культурного прогресса, вместе с которым, в пределах которого прогрессирует человек, знаменуя некую антропогенетическую ступень собственного эволюционного изменения, квалифицируемую как *homo urbanus*.

Суть в том, что город как грандиозный артефакт, всецело, полномасштабно редактируя самопроявления сапиента, создает специфическую внутривидовую модификацию *homo*. Последняя атрибутируется признаковой определенностью

- абиотическая среда обитания – планомерная переработка естественного рельефа – девственных территорий, акваторий (сокращение, ликвидация площадей парков, прудов, природных ландшафтов, рекреационных, заповедных зон);

- социокультурный (неинстинктивные атрибуты общения) сбалансированный, адаптированный к массовой коммуникации этос (ритуал, право, мораль, традиция), купирующий многочисленные врожденные реакции (проявления агрессии в борьбе за лидерство, собственное благополучие и т. д.);

- насыщенность, спрессованность, вариативность экзистенциальных точек-событий, темпа самореализации на грани физических возможностей.

Антропологическая проекция указанных особенностей существования в городе – антиномичность жизнеподдерживающих программ в створе уравновешения онтогенетически задаваемых крайностей «эгоизм-альтруизм».

Стандартная теория эволюции, утрируя роль «конкуренции», «борьбы за существование», «естественного отбора», непомерно гиперболизируя фактор индивидуального эгоизма в соблюдении перспектив индивида, неправомерно недооценивает явления взаимоподдержки, создания условий выживания слабейшего, заботы о потомстве, демонстрации группового альтруизма в соблюдении перспектив вида. На указанное работают многочисленные этологические свидетельства: матрилокальность, попечение беременной самки, защита детенышей, солидарность при нападении конкурентов, врагов.

По авторитетному удостоверению В. Эфроимсона [21], кредитуемые адаптацией альтруистические линии поведения закрепляются генетически – наследуются.

Более адекватный взгляд на эволюционный процесс, следовательно, таков: исходная ячейка эволюции – популяция – отрабатывает разнонаправленные механизмы поддержания жизнеспособности на уровне как индивида, так и вида, вводя поведенческие балансы эгоизма и альтруизма.

Прямой калькой поведенческой ситуации в «натуре» является поведенческая ситуация в «культуре». Применительно к городской среде просматриваются очевидные социобиологические зависимости: интерактивное многообразие экзистенциальных самозаявлений участников обмена

деятельностью упорядочивается мобильной достижительной схемой «оптимальность», «эффективность» с контрарными пунктами «сотрудничество-соперничество», «коллективизм-индивидуализм». Маркируемые ими (пунктами) «чистые» стратегии поведения агентов взаимодействия – сугубая экзотика, раритет (преступление – святость), представляющие нереалистичные «вырожденные» случаи. В действительности наблюдаются комбинации, в зависимости от эмпирических распределений оказывающиеся наиболее успешными линиями поведения.

Дабы не сбиваться на частности, оценим диатетически связанные крайности.

«Коллективизм». Наделяя антропологическим смыслом групповую природу человека как существа политического, в нашем контексте уместно говорить о характерных тенденциях текущего времени:

- укоренение мира не героев, но людей, живущих не подвижничеством, проповедничеством, но медленными, «малыми» трудами;
- упрочение универсализирующего отправления жизнетoka массового общества;

- произошедшие в прошлом (XX) веке три кардинальные фазовые перехода первого рода, – именно: культурная, сексуальная, популистская революции: первая – «сравнила избранных и толпу»; вторая – «упразднила различия высокого и низкого»; третья – устранила «барьеры между народом и вождем, стаяй и предводителем» [16, с. 24].

Нужный нам паушальный итог данных явлений – стандартизация производства, потребления, общения, общая шаблонизация существования на базе специфического «комплекса коммунальности: ввиду вездесущности общества избегать его навязчивого влияния невозможно» [16, с. 24]; размываются границы (и вследствие жестких карантинных, фискальных мер по борьбе с пресловутой пандемией) между *communis* – *privatus*; социальное наступает на индивидуальное.

«Индивидуализм». По обратному третьему закону классической механики «противодействие равно действию» просматривается острейшая ответная реакция: индивид «выходит» из общественного порядка, замыкаясь в самоосуществлении.

Формализации обязательных гражданских, профессиональных контактов противопоставляется «капсулизация» в приватной сфере. Как подмечает Гольдман, современный социум обретает плоть ассоциации монадообразных субстанций [6]. Закон их бытия – становящаяся (и не только протестной) автономия, – в решительном смысле слова «жизнь соло» – персональное затворничество, свидетельствующее о разобщении целей, разочаровании в общественном служении, олицетворяющее переход на антисоциальную платформу радикального нарциссизма с *child free*, заменой живых связей виртуальными в дополненной реальности [15].

Отмеченное и коррелятивное ему позволяет говорить о сущностной антиномичности города [7], в соответственном духе редактирующей

природу городского человека. Высказываясь односложно и определенно, городская среда, продукт цивилизации, переносит на человека свои достоинства в виде формирования подвида *homo urbanus*.

Напомним: цивилизация (от «цивильность») в современной доктринальной трактовке означает жизневоспроизводственный уклад, технику обмена деятельностью, способ вершения исторического бытия на базе оттачиваемых прогрессом науки, опытом целесообразного созидания жизни эффективных технологий; цивилизация поставляет рукотворно-производительную основу кооперативного антропного существования, страхующего сапиента от стихийных природных влияний [14].

Остов цивилизации – устроительные инициативы, покоряющие природу и возвышающие культуру, к каким относятся индустриальность, письменность, политичность, интересующая нас урбанизированность [14]. Как сверхприродный ресурс (в лице институционально закрепляемых технологий) цивилизация, несомненно, трансформирует облик, внутреннюю статью человека городского. Разумеются прежде всего особенности его месторазвития и самоощущения, производные от характера городской антропосферы.

Рассмотренная как единое синкретичное целое последняя суть единство многообразия порождаемой *homo urbanus* реальности. Отличительными особенностями ее выступают:

– рукотворность: созидая потребные ему формы объективного процесса, перекрывая пределы природы, на основе утилизации плодов цивилизации (знание, технология) человек конструирует удовлетворяющее его витальные запросы ноосферное сущее; натура преобразуется в культуру, география в антропную историю. Применительно к городу указывают на инфраструктуру: «снаружи – улицы, тротуары, крышки люков, мосты, движение машин, особенности улиц, – отмечает Витакер. – А под асфальтом, внутри, система канализации ... нагроможденные друг под другом сооружения: системы циркуляции нечистот, ветви электрических кабелей ... газопровод ... система водоснабжения и пожарные краны, сеть труб отопления»; влияние инфраструктуры огромно, хотя человек ее не замечает [4, с. 91];

– природозатратность: цивильный индустриальный технологический прогресс питается нещадной утилизацией вещества природы: к моменту текущего времени настала самая опасная фаза человеческой истории: мы придумали технологии, уничтожающие планету [23]. Лишь одно показательное свидетельство: за полстолетия минувшего века потреблено 200 млрд тонн кислорода, – масса, равнозначная потреблению его за весь антропогенный период планетарной истории [10, с. 72];

– рационализация: городская цивилизация покоится на двух столпах: индустриальном технологизме (технологии природопереработки) и социальном институционализме (технологии человекообработки), иначе говоря, на «расчетной продуктивности через целепрограммирование результатов по

калькуляции средств» [12, с. 34]. Поскольку введение целей, равно как и обусловливание средств, осуществляется контекстуально, утрачивается гуманитарная оправданность человеческой деятельности, приобретающей вид достаточно конъюнктурной активности (строительство жилых кварталов (в том же Саратове) без объектов социальной инфраструктуры).

Формально расчетная продуктивность, очевидно, оборачивается вариантом насилия, предобусловленного исходно ограниченным сектором обзора: «рациональность устанавливается отнесением к логике достижения утилитарного блага без вписания его в контур общеродовых ценностей» [12, с. 35]. Откуда – по большому счету – кричащие диссонансы: выигрыш в малом (застройка) – проигрыш в большом (некомфортность проживания); оттуда же – и «эпохальные кризисы ценностно ... не ориентированного (не санируемого – авт.) рационализирующего разума» [12, с. 35];

– фабрикация: методологически и макросоциологически уместно фиксировать сдвиг с глобального эволюционизма к универсальному конструктивизму [10, с. 155]: как «малый архитектор» (Лейбниц) homo creatus становится породителем «порядка вещей», создаваемой вещиности. Совокупный техно-технологический потенциал в виде авангардного прорывного NBYCS-комплекса – олицетворения современной технонауки – «открывает новую эру вселенского существования ... по проектируемому, калькулируемому, программируемому канону» [10, с. 22].

В соответствии с духом философии Спинозы новый тип «технопоэзисного» получения материи, выступая фактором *prima*, замещая естественный ресурс *natura naturans*, оказывается искусственным инструментом производства денатурализованного сущего, осмысливаемого в языке фактартов (от «факт+артефакт») [10, с. 24].

Как отмечалось выше, образчик материализации инновационной фактартной онтологии – городская среда как вместилище антропосоциальной деятельной субстанции, включаемой в рациотехническую организацию.

Список литературы

1. Бродский И. Малое собр. соч. СПб.: Азбука, 2017. 877 с.
2. Бэкон Ф. Новая Атлантида. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 246 с.
3. Вайль П. Карта родины. М.: КоЛибри, 2007. 445 с.
4. Витакер К. Полуночные размышления семейного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 202 с.
5. Гоголь Н.В. Петербургские повести. СПб.: Азбука, 2014. 508 с.
6. Гольдман Л. Сокровенный бог. М.: Логос, 2001. 479 с.
7. Горнова Г.В. Философия города. М.: Инфра-М, 2014. 342 с.
8. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Пг.: Начатки знаний, 1923. 40 с.

9. Ильин В.В. Новый миллениум для России: путь в будущее. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 223 с.
10. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spesiosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, 2021. 157 с.
11. Ильин В.В. Философия. М.: Проспект, 2019. 479 с.
12. Ильин В.В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
13. Ильин В.В. Философская антропология. М.: КДУ, 2008. 231 с.
14. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 304 с.
15. Ильин В.В., Каклюгина И.А., Родин П.Н. Разлад Европы // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 1. С. 3–14.
16. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995. 254 с.
17. Кампанелла Т. Город Солнца. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 180 с.
18. Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. 416 с.
19. Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. 128 с.
20. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004. 795 с.
21. Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб.: Аста-пресс, 1995. 279 с.
22. Castells M. *The Information Age: Society and culture*. V. 1. Oxford, 1996. 608 p.
23. Hawking S. This is the most Dangerous time for our Planet // *The Guardian*. 2016. December 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/stephen-hawking-dangerous-time-planet-inequality> (дата обращения – 12.04.2024).

ANTHROPOLOGY OF HOMO URBANUS

V.V. Ilyin*, A.V. Shimko**

* Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch),
Kaluga

** State University of Education, Mytishchi

The city as a grandiose artifact entirely, by fully editing the sapient's self-manifestations, creates a specific intraspecific modification of homo. The latter is attributed by characteristic certainty:

– abiotic habitat – systematic processing of natural relief – virgin territories, water areas (reduction, elimination of areas of parks, ponds, natural landscapes, recreational, protected areas);

– socio-cultural (non–instinctive attributes of communication) balanced ethos adapted to mass communication (ritual, law, morality, tradition), suppressing numerous innate reactions (manifestations of aggression in the struggle for leadership, one's own well-being, etc.);

- saturation, compression, variability of existential points of events, the pace of self-realization on the verge of physical capabilities.

Anthropological projection of the specified features of existence in the city – the antinomy of life-supporting programs in the alignment of the ontogenetically set extremes of «egoism-altruism».

Keywords: *urban man, anthropic topology, existential self-realization of homo urbanus.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Калужский филиал, г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ШИМКО Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, г. Мытищи. E-mail: ashimko83@gmail.com

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

SHIMKO Alexey Vladimirovich – Assistant of the Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education, Mytishchi. E-mail: ashimko83@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2024.

УДК 111.62:316.423.6

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.102

СОЦИОТЕХНОПРИРОДНЫЙ ЭРГОЦЕНТРИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ЭРГОДИЗАЙНА ОБЪЕКТНО- ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Кузьменко

ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск

Организация среды жизнедеятельности в условиях постиндустриально-техногенного периода общественного развития (по классификации Е.А. Дергачевой) напрямую связана с осознанием взаимовлияния общества, техносферы и биосферы. В рамках данной статьи проводится социально-философский анализ социотехноприродного эргоцентризма как синергии социотехноприродного подхода (предложен Е.А. Дергачевой) и эргоцентризма (предложен С.М. Михайлов). Основные исходные научные знания автор почерпнул из исследований Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира используя междисциплинарный, системный, социотехноприродный, исторический и эргоцентрический подходы, а также общенаучные методы. Аргументировано, что для эргодизайнерского проектирования безопасной, комфортной и гармоничной среды жизнедеятельности общества необходимо расширение концепции эргоцентризма методологией социотехноприродного подхода. Уточненный социотехноприродный эргоцентризм позволит проектировать среду жизнедеятельности учитывая особенности гармонизации и взаимовлияния общества, техносферы и биосферы. Для дальнейшего формирования социотехноприродного эргоцентризма важно исследовать формы и способы социотехноприродного взаимодействия в условиях жизнедеятельности общества. Применение социотехноприродного эргоцентризма в процессе проектирования среды жизнедеятельности будет способствовать достижению глобальной гармонизации во взаимодействии общества, техносферы и биосферы.

Ключевые слова: *социотехноприродный эргоцентризм, социотехноприродный подход, эргоцентризм, социально-техногенное развитие мира, эргодизайн.*

Введение

В современной постиндустриально-техногенном обществе (понятие введено Е.А. Дергачевой) приоритетом общественного развития становится улучшение качества жизнедеятельности, что требует переосмысления ценностей и выявлению новых подходов к проектированию предметно-пространственной среды жизнедеятельности. Именно осознание важности трансформации подходов проектирования способствовало в 2010 г. появлению новой парадигмы, получившей название «Эргоцентризм» (понятие

© Кузьменко А.А., 2024

введено С.М. Михайлов) и выделению социотехноприродного подхода (понятие введено Е.А. Дергачевой) в 2009 г.

Опираясь на методологию эргономики и дизайна «Эргоцентризм» направлен на «проектирование уровней, обеспечивающих комфортные условия для функциональных процессов жизнедеятельности» [17, с. 49]. С.М. Михайлов отмечает, что «выстроенные в иерархической последовательности эти уровни представляют собой “эргоцентрическую модель (принцип) предметно-пространственного формообразования” в центре которой находится система “2человек-предмет”» [17, с. 49]. Возможность выделения новой парадигмы в проектировании в виде эргоцентризма стало возможным в результате качественных изменений в области эргономики, произошедших в конце XX века. С.М. Михайлов обращает внимание на то, что расширение объектов и предметных границ эргономики, а также её новая ведущая роль в проектной культуре привели к переосмыслению её содержания. Эргономика стала не только наукой о приспособлении предметов к человеку, но и «символом» качества, образом жизни и формой мышления.

Другим важным подходом, изучающим вопросы социально-техногенного развития мира и проектирования в нем среды жизнедеятельности, выступает социотехноприродный подход, предложенный Е.А. Дергачевой [6] и поддержанный Брянской научно-философской школой [10]. Е.А. Дергачева в разработанной авторской концепции глобализации демонстрирует единство взаимодействия социальных, техносферных и биосферных процессов как основы изменения характера эволюции социоприродной жизни [7]. Одним из ключевых аспектов данной концепции является признание того, что современные социальные и экономические процессы не могут быть поняты в отрыве от техносферного и природного контекста. Технологический прогресс и его воздействие на окружающую среду неразрывно связаны с социальными изменениями и экономическим развитием [9]. Это взаимодействие создаёт новый тип эволюции — техногенную социоприродную эволюцию (социотехноприродную) в которой общественная деятельность и становятся важными факторами формирования новой среды жизнедеятельности общества – техносферы [8].

В рамках новой социотехноприродной реальности общество должно научиться интегрировать техносферные достижения в естественную природную среду сохраняя жизнеспособность биосферы и при этом совершенствуя условия жизнедеятельности. Это означает, что проектируемая предметно-пространственная среда должны быть направлена не только на улучшение качества жизни общества, но и одновременно должна поддерживать, сохранять и восстанавливать природные ресурсы. В рамках данной статьи рассматривается возможность синергии эргоцентризма и социотехноприродного подхода как основы эргодизайна среды жизнедеятельности общества.

Материалы и методы

Основными методами и одновременно предметом исследования являются социотехноприродный подход и эргоцентризм. Эти подходы определяют особенности изучения современного и будущего этапов социально-техногенного развития мира и, в частности, проектирования среды жизнедеятельности общества. Основную концептуально-теоретическую базу исследования составили научные публикации в области социально-техногенного развития Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира.

Также применяются другие методы исследования, такие как междисциплинарный, системный, исторический и эволюционный подходы. Использование междисциплинарного системного и эволюционного подходов позволяет рассматривать проблемы развития среды жизнедеятельности в широком контексте, учитывая различные особенности и уровни взаимодействия общества, техносферы и биосферы. Исторический подход помогает понять, как изменялись концепции и методы проектирования с течением времени, что способствует прогнозированию будущих тенденций развития. Прогнозирование как метод играет ключевую роль в исследовании, позволяя не только оценить текущие тенденции, но и предсказать возможные сценарии развития общества и его среды жизнедеятельности.

Среда жизнедеятельности общества в период постиндустриально-техногенного развития

Постиндустриально-техногенное общество представляет собой эволюционную стадию развития, характеризующуюся углублением техногенных процессов в социально-экономические структуры. Е.А. Дергачева, характеризуя постиндустриально-техногенное общество, отмечает, что его особенность проявляется в усилении глобальных социально-техносферных процессов, которые значительно влияют на все сферы человеческой деятельности и природную среду. Это общество характеризуется интенсивным использованием наукотехники, что приводит к насыщению окружающей среды искусственно синтезированными материалами и веществами. В результате возникает новая среда жизнедеятельности общества – техносфера.

Одним из ключевых отличий теории постиндустриально-техногенного общества от теории классического постиндустриализма является акцент на социотехноприродных трансформациях [8]. В этом контексте важную роль играет микроминиатюризация процессов управления как естественными, так и искусственными веществами с помощью передовых научно-технических достижений. Ежегодное усиление техногенного, социоприродного (социтехноприродного) вектора развития способствует глубокой интеграции технологий в природные и социальные системы. На этом этапе развития информатизация и компьютеризация становятся основными движущими силами. Они способствуют созданию новых форм взаимодействия между человеком и городской средой жизнедеятельности, где

интеллектуальные информационные технологии начинают играть центральную роль.

Сегодня города становятся основными центрами жизнедеятельности общества, представляя собой искусственно созданную, динамически развивающуюся среду, включающую в себя разнообразные социокультурные и предметно-пространственные элементы [1–3]. Так, В.П. Усова отмечает, что городская среда – это не просто совокупность зданий, дорог и зеленых насаждений. Она представляет собой предметно-пространственный организм, который обеспечивает жизнедеятельность городского сообщества [13, с. 5]. Человек, в свою очередь, активно взаимодействует с этой средой, создавая вокруг себя вторую природу. Городская среда становится платформой для социального взаимодействия, творчества и самовыражения. Ключевое понимание среды включает в себя осознание роли человека в ее формировании и воздействии на нее [4; 12; 14]. Человек не только приспосабливается к среде, но и активно вносит изменения, отражая потребности, ценности и культурные особенности [15; 21–23; 26].

Н.В. Бауэр рассматривая городскую среду через призму методологических принципов антропологизма и историзма, а также универсального эволюционизма отмечает, что в конечном итоге она представляет собой «социокультурное пространство жизнедеятельности человека» [2, с. 14]. Также городскую среду рассматривают в качестве условий жизнедеятельности общества Т.В. Дробышева и А.Л. Журавлев. Ученые отмечают важность поиска подходов к проектированию условий жизнедеятельности как основы развития современного мира [5, с. 197]. В.А. Хомич рассматривая город как абиотическую среду жизнедеятельности человека и других живых организмов [25, с. 15]

Рассматривая города как особый тип социобиотехнических систем (СБТ) О.Н. Яницкий обращает внимание на то, что они (города) являются динамичным организмом, который постоянно осуществляет обмен веществом и энергией с окружающей природной средой. Этот процесс трансформации материи и энергии приводит к образованию отходов, которые влияют на сам город и формы социальной организации его жизнедеятельности [27, с. 14].

Е.А. Дергачева подчеркивает, что города играют ключевую роль в замене естественной биосферной среды на техногенную [9], что подтверждается постоянно растущей численностью городского населения: более половины населения Земли проживает в городах, а по прогнозам к 2050 г. эта цифра увеличится до 68 % [20]. Как отмечает Т.А. Колесник «В XIX веке лишь 5 % от общей биомассы наземных животных и человека существовало в городской и пригородной техносфере. К концу XX века эта доля выросла до 10-20 %, а в настоящее время уже 40 % животных и людей живут в урбанизированной техногенной среде» [20, с. 97].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что города выступают центрами науки, образования, информации, производства, торговли,

культуры и власти, создавая тем самым благоприятные условия для жизнедеятельности человека. Однако города как новые центры жизнедеятельности имеют и свои негативные стороны. Сосредоточение людей в искусственно созданном техногенном социоприродном пространстве приводит к возникновению проблем физического, психического и культурного характера. Постиндустриально-техногенная социотехноприродная среда жизнедеятельности общества не соответствует эволюционным механизмам адаптации человека, что затрудняет приспособление к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности. Поэтому изучение города как социотехноприродной предметно-пространственной среды жизнедеятельности требует учета всех особенностей взаимодействия общества, техносферы и биосферы позволяющих проектировать более адаптированные условия. Таким образом, городская среда жизнедеятельности с ее преимуществами и недостатками, представляет собой сложную систему, в которой переплетаются различные уровни человеческого существования требуя комплексного и междисциплинарного подхода к ее анализу и управлению.

Принцип эргоцентризма в организации предметно-пространственной среды

Впервые понятие «Эргоцентризм» было введено доктором культурологии Михайлов С. М. в 2010 г. [15]. В его представлении эргоцентризм представляет собой концепцию, отражающую специфику проектирования предметно-пространственной среды жизнедеятельности человека с позиции индуктивного подхода [16]. Ученый отмечает, что этот подход выходит за рамки традиционной эргономики и дизайна, включая в себя «биоэргономику» на микроуровне и «эргономику пространства» на макроуровне, тем самым обозначая новые направления теоретических и прикладных исследований [15, с. 14].

Раскрывая понятие эргоцентризма, В. Г. Тихов, А. В. Шифман отмечают, что этот подход определяет доктрину постиндустриального дизайна и расширяет существующие границы эргономики до уровня «эргономики пространства» [24, с. 154]. Ученые отмечают, что все элементы городской среды в соответствии с принципом эргоцентризма должны быть спроектированы с учетом человеческих потребностей и возможностей.

В концепции эргоцентризма С.М. Михайлов выделяет эргоцентрический подход, который служит основой для проектирования окружающей человека предметно-пространственной среды. При этом взаимодействие человека и мира рассматривается в эргоцентрическом подходе с самых разнообразных сторон — от математических формул и экологических законов до духовных смыслов [15].

К.С. Ившин, А.А. Сташенко в своих исследованиях показывают, что эргоцентризм обязывает дизайн учитывать эргономические требования [11, с. 538] тем самым доказывают применение эргоцентризма, и как следствие, эргоцентрического подхода в эргодизайне предметно-пространственной

среды жизнедеятельности. При этом, по мнению мыслителей, одной из главных задач выступает интеграция природной среды в урбанистическую. Этот подход направлен на формирование ассоциативного образа живой природы в городском пейзаже, что способствует улучшению качества жизни и психоэмоционального состояния жителей. Несмотря на попытку учесть природную среду, авторы упускают из виду особенности городского влияния на биосферу и её процессы.

С.М. Михайлов, описывая становление эргоцентризма, обращает внимание на значимость в этом процессе социокультурных изменений конца XX в. [18]. Действительно в этот период на смену экономическому человеку индустриальной эпохи приходит многомерный творческий человек, для которого важна не только материальная составляющая жизни, но и культурные, социальные и личные особенности его жизнедеятельности. Этот переход отражает движение от технократической цивилизации к новому этапу, где ведущую роль занимает социокультурная парадигма, основанная на ценностях творчества, личного развития и гармонизации с окружающей средой.

В социально-экономическом плане эргоцентризм опирается на модель устойчивого развития, основанную на гармоничном взаимодействии между человеком, обществом и природой [19]. Эта коэволюционная модель предполагает синергетическое развитие всех компонентов системы, что ведет к глобальному эволюционизму и новому типу мышления. Ноосферно-опережающее мышление, возникшее как продолжение идей ноосферогенеза, способствует интеграции различных научных и междисциплинарных подходов, направленных на устойчивое и сбалансированное развитие общества и природы [15].

Несмотря на попытки в рамках эргоцентризма учесть значимость природной среды в контексте проектирования городской объектно-пространственной среды жизнедеятельности общества, наблюдается упущение из виду особенностей социотехноприродного развития. Это приводит к невозможности осознания важности учета особенностей влияния техносферы на социоприродное развития и, как следствие, на деградационные процессы в биосфере. Поэтому необходимо рассмотреть возможность расширения концепции эргоцентризма методологией социотехноприродного подхода, которая способна внести понимание важности сохранения естественной природной среды при помощи гармонизация взаимовлияния общества, техносферы и биосферы.

Социотехноприродный подход как основа методологии гармонизации жизнедеятельности общества

В современной философии понятие «социотехноприродный» служит важным ключом для понимания взаимосвязей между обществом, техносферой и природной средой. Это понятие объединяет три компонента: «социо» (общество), «техно» (техносфера) и «природный» (биосфера) [7].

Каждая из этих частей вносит свой вклад в комплексную картину мира, где социальные процессы, технологические новшества и природные системы неразрывно связаны и взаимно влияют друг на друга. Сегодня изучение проблематики социотехноприродных процессов отражена в работах многих отечественных и зарубежных исследователей, таких как В.И. Гнатюк, Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова, В.С. Степин, А.Ф. Шустов и др.

Техносфера представляет собой сложное и многогранное понятие, охватывающее не только технику и технологии, но и весь спектр искусственной среды, созданной и поддерживаемой человеческим обществом. Она включает в себя материальные и энергетические ресурсы, информационные и коммуникационные системы, промышленные и городские структуры, а также отходы производства [8]. Техносфера как продукт человеческой деятельности является отражением социотехнической основы, заложенной обществом. Это означает, что развитие техносферы напрямую зависит от социальных процессов, культурных норм и экономических потребностей. Например, урбанизация и индустриализация способствуют расширению техносферы, формируя новые городские и промышленные зоны. В свою очередь, эти изменения влияют на социальные структуры, изменяя образ жизни и взаимодействие людей.

Биосфера представляет собой уникальную систему, объединяющую живые организмы и их окружающую природную среду в постоянном физико-химическом взаимодействии. Понятие «био» относится к биологическому веществу, имеющему биосферное происхождение. Взаимодействие с биосферы с техносферой и социумом формирует сложные и часто непредсказуемые взаимосвязи, которые требуют глубокого анализа и понимания их сложностей. Техносфера взаимодействует с биосферой, изменяя ее структуру и процессы. Включение в техносферу искусственных химических веществ приводит к загрязнению окружающей среды [7].

Исходя из вышесказанного, понятие «социотехноприродный» отражает сложный конгломерат трех взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов: «социо» (социум), «техно» (техносферы) и «био» (биосферы). Эти компоненты формируют интегрированную систему, включающую в себя разнообразные системы, явления и процессы социума, техносферы и биосферы.

С развитием техногенных общественных систем на Земле формируется новая форма эволюции жизни – социотехноприродная [9]. Которая проявляется через социотехнобиосферные взаимодействия. Как отмечает Е.А. Дергачева, социотехноприродная реальность, сформировавшаяся благодаря активному использованию инновационных технологий, представляет собой новый этап в эволюции человеческого общества [8]

Прогнозирование социальных и экономических рисков в условиях формирования новой социотехноприродной реальности возможно только при использовании междисциплинарного социотехноприродного подхода.

Социотехноприродный подход, ориентированный на интеграцию социальных, природных и технических особенностей среды, играет ключевую роль в понимании и управлении современными процессами жизнедеятельности. Он позволяет видеть всю сложность и многообразие взаимодействий между обществом, техносферой и окружающей природной средой. Использование методологии данного подхода в проектировании среды жизнедеятельности необходимо для разработки программ гармоничного развития. Социотехноприродный подход открывает новые перспективы для исследований и практических действий, направленных на гармонизацию жизнедеятельности общества.

Социотехноприродный эргоцентризм как расширение методологии классического эргоцентризма

В условиях постиндустриально-техногенного развития качество жизни человека и его индивидуальные особенности становятся центральными ориентирами социального прогресса. Этот сдвиг требует новых подходов в организации предметно-пространственной среды жизнедеятельности с учетом нарастающих глобальных кризисов. Осознание необходимости гармонизации общества, техносферы и биосферы приводит к осознанию необходимости расширения классического эргоцентризма методологией социотехноприродного подхода. Формирующийся новый подход (социотехноприродный эргоцентризм) способен предоставить комплексную методологию, учитывающую особенности жизнедеятельности общества и его взаимодействие с техносферой и биосферой.

Классический эргоцентризм, сосредоточенный на человеке и его взаимодействии с окружающей средой, рассматривает проектирование предметно-пространственной среды как последовательность взаимосвязанных оболочек (включают архитектурное пространство и биогенные элементы) обеспечивающих комфорт и функциональность каждому отдельно взятому человеку. Однако современные вызовы, связанные с техногенным развитием и глобальными экологическими изменениями, требуют расширения этой методологии. Социотехноприродный подход демонстрирует особенности взаимодействия социальных, техногенных и природных процессов, позволяя прогнозировать особенности взаимовлияния и эволюции общества, техносферы и биосферы.

Основным элементом социотехноприродного эргоцентризма является интеграция инновационных технологий и экологически чистых решений в процесс проектирования и организации пространства. Это позволяет создавать не только комфортные и функциональные, но и устойчивые и безопасные среды жизнедеятельности общества. Использование междисциплинарных методов, таких как системный и исторический подходы, а также прогнозирование позволяют более точно оценивать риски и разрабатывать эффективные стратегии для гармонизации взаимодействий между человеком, обществом и природой.

Социотехноприродный эргоцентризм предполагает разработку и внедрение технологий, которые минимизируют негативное воздействие на биосферу и способствуют восстановлению и поддержанию экосистем в процессе проектирования среды жизнедеятельности. Таким образом, новая методология направлена на создание сбалансированных и устойчивых условий, которые учитывают как текущие, так и будущие потребности общества и биосферы. Для дальнейшей разработки методологии социотехноприродного эргоцентризма в рамках данной статьи предпринята попытка сформулировать базовые методы данного направления.

Системный подход. Анализ среды жизнедеятельности как комплексной системы, состоящей из взаимосвязанных элементов. Метод включает изучение взаимодействий между техносферой, природой и обществом для выявления системных рисков.

Междисциплинарный анализ. Использование знаний из различных научных областей для понимания проблем и поиска оптимальных решений. Позволяет учитывать многообразие особенностей, влияющих на жизнедеятельность человека, и разрабатывать комплексные сбалансированные решения не оказывающих негативного воздействия на биосферу в процессе проектирования среды жизнедеятельности.

Прогнозирование. Применение методов прогнозирования для оценки будущих изменений и рисков, связанных с развитием техносферы и её воздействием на биосферу и общество. Помогает в разработке стратегий общественного развития и предотвращении негативных последствий как для общества, так и для природной среды.

Эргономический анализ. Исследование взаимодействия человека с окружающей средой для оптимизации условий его жизнедеятельности. Включает оценку удобства, безопасности и эффективности использования объектно-пространственной среды.

Экологическое моделирование. Создание моделей для анализа взаимодействий между обществом, техносферой и природной средой. Помогает в прогнозировании экологических последствий техногенной деятельности и разработке мер по их минимизации.

Инновационное проектирование. Применение передовых технологий и инновационных подходов в проектировании для создания инновационных решений, которые соответствуют современным требованиям и способствуют улучшению качества жизни общества.

Мониторинг и обратная связь. Постоянный мониторинг состояния среды жизнедеятельности и получение обратной связи от общества для корректировки и улучшения проектных решений.

Козволюционный анализ. Изучение совместной эволюции общества, техносферы и биосферы, выявление взаимовлияний и синергетических эффектов. Помогает в понимании долгосрочных тенденций и разработке стратегий гармоничного социотехноприродного развития.

Таким образом, разрабатываемая методология социотехноприродного эргоцентризма представляет собой расширение классического эргоцентризма путем интеграции в него методов социотехноприродного подхода. Разработанная концепция социотехноприродного эргоцентризма позволит учитывать более широкий спектр факторов, влияющих на жизнедеятельность общества. Новая методология открывает возможности для гармонизации взаимодействий между человеком, техносферой и природой, способствуя улучшению качества жизни в условиях глобальных изменений.

Заключение

Предлагаемый социотехноприродный эргоцентризм в сочетании с другими общенаучными методами формируют комплексный методологический каркас для изучения современного и будущего этапов социально-техногенного развития мира. Этот каркас позволяет понять и предсказать изменения в среде жизнедеятельности общества, обеспечивая основу для разработки эффективных стратегий и решений в области проектирования и управления средой жизнедеятельности.

Социотехноприродный эргоцентризм представляет собой инновационную методологию, которая интегрирует принципы классического эргоцентризма с социотехноприродным подходом. Основные принципы этой методологии включают человекоцентричность, интеграцию техносферы и природы, устойчивое развитие, инновационность и адаптивность, междисциплинарность и эволюционность. Применение таких методов, как системный и междисциплинарный анализ, прогнозирование, эргономический и экологический анализ, инновационное проектирование, мониторинг и ко-эволюционный анализ, позволяет создавать гармоничные, устойчивые и адаптивные среды жизнедеятельности. Разрабатываемая методология направлена на гармонизацию взаимодействий между обществом, техносферой и природой, способствуя улучшению качества жизни общества в условиях глобальных изменений.

Список литературы

1. Антонова Н.Н. Формирование комфортной, благоустроенной среды для жизнедеятельности человека в городском пространстве // Энергоэффективность, ресурсосбережение и природопользование в городском хозяйстве и строительстве: экономика и управление : Материалы II Международной научно-технической конференции: в 2 ч., Волгоград, 23–26 сентября 2015 года. Волгоград: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. Ч. 2. С. 307–312.
2. Бауэр Н.В. Культура формирования устойчивой городской среды методами ландшафтного дизайна: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2015. 26 с.
3. Гладкова М.В. Модернизация жилищной сферы как необходимость создания комфортной среды жизнедеятельности человека // Международный институт экономики и права. 2012. № 3 (8). С. 73–82.

4. Гульбинас А.С., Широкова Д.Н. Светотехнический режим в биологическом и человеко-ориентированном аспекте // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/03SAVN423.pdf> (дата обращения. 14.03.2024).
5. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1, № 1(1). С. 196–213.
6. Дергачева Е.А. Современное техногенное общество // Проблемы современного антропосоциального познания. Вып. 9. Брянск: Брянский государственный технический университет, 2011. С. 34–43.
7. Дергачева Е.А. Социотехноприродная глобализация: интеграция социума, техносферы и биосферы // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания : Матер. II Всерос. науч.-практ. форума, Саратов, 06–11 октября 2011 года / [редкол. А.В. Иванов, И.А. Яшков, С.В. Шиндель, М.К. Калмыковаидр.]. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., 2011. С. 334–336.
8. Дергачева Е.А. Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 2. С. 105–107.
9. Дергачева Е.А., Колесник Т.А. Философско-стратегические направления образования в системе Цифровой Земли // Человек и общество в современном киберпространстве: матер. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22 апреля 2022 года. М.: Государственный университет управления, 2022. С. 58–60.
10. Дергачева Е.А. История и философия социально-техногенного развития жизни и мира. Брянск: Брянский государственный технический университет, 2023. 140 с.
11. Ившин К.С., Стащенко А.А. Особенности формирования кинетического ландшафта // Наука и образование в области технической эстетики, дизайна и технологии художественной обработки материалов: Матер. X междунар. науч.-практ. конф. вузов России, Санкт-Петербург, 23–28 апреля 2018 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 536–541.
12. Калинина Г.Н., Тикунова С.В., Орешкина С.Э. Рационально и эстетически организованная городская среда (аксиология «места» и навигации) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1(111). С. 70–77.
13. Комплексное формирование объектов и систем архитектурной среды: учебный практикум / сост. В.П. Усова. Ульяновск: УлГТУ, 2020. 20 с.
14. Кузьмин А.В. Среда жизнедеятельности- национальный приоритет России: формирование и реализация // Промышленное и гражданское строительство. 2015. № 7. С. 6–9.
15. Михайлов С.М. Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды: теоретико-методологическая концепция: автореферат дис. ... доктора искусствоведения. Москва, 2011. 57 с.
16. Михайлов С.М. Индуктивный подход в организации предметно-пространственной среды города // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 4(38). С. 177–184.

17. Михайлов С.М. От средового подхода к дизайну города // Дизайн-ревью. 2019. № 1-4. С. 46–51.
18. Михайлов С.М., Михайлова А.С. Принцип эргоцентризма и индуктивный подход в организации предметно-пространственной среды города // Innovative Project. 2016. Т. 1, № 4(4). С. 43–50.
19. Михайлов С.М., Михайлова А.С. Эргоцентрическая модель формообразования как доктрина постиндустриальной архитектуры и дизайна // Архитектура и строительство России. 2018. № 1(225). С. 66–69.
20. Население Земли — онлайн счетчик населения мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-zemli/#i-8> (дата обращения 13.04.2024).
21. Прохненко В.В. Исследование теоретических подходов к проблеме участия дизайна в структуре городского исторического центра // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 99. С. 296–305.
22. Сарченко В.И., Сарченко М.В., Хиревич С.А. Средовой подход как эффективный инструмент капитализации недвижимости // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2020 году: Сб. науч. Тр. РААСН: в 2 томах / Российская академия архитектуры и строительных наук. М.: Издательство АСВ, 2021. Т. 1. С. 393–399.
23. Спасенников В.В. П.Я. Шлаен в воспоминаниях и впечатлениях (к 100-летию со дня рождения) // Эргодизайн. 2023. № 3(21). С. 288–298.
24. Тихов В.Г., Шифман А.В. Дизайнерский аспект формирования микропространств в городской среде // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2(20). С. 152–159.
25. Хомич В.А. Экология городской среды: Учеб. пособие для вузов. Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. 267 с.
26. Шатилов Д.А. Проектирование отзывчивой предметной среды историко-культурного комплекса // The Progressive Researches Science & Genesis. 2014. № 1. – С. 92–97.
27. Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 3(15). С. 5–22.

SOCIOTECHNOLOGICAL ERGOCENTRISM AS A METHODOLOGY OF ERGODESIGN OF THE OBJECT-SPATIAL ENVIRONMENT OF LIFE ACTIVITY

A.A. Kuzmenko

Bryansk State Technical University, Bryansk

The organization of the living environment in the conditions of the post-industrial-technogenic period of social development (according to the classification of E.A. Dergacheva) is directly related to the awareness of the mutual influence of society, the technosphere and the biosphere. Within the framework of this

article, a socio-philosophical analysis of sociotechnological ergocentrism as a synergy of the sociotechnological approach (proposed by E.A. Dergacheova) and ergocentrism (proposed by S.M. Mikhailov) is carried out. The author drew the main initial scientific knowledge from the research of the Bryansk Scientific and Philosophical School of Socio-technological Development of the world, using interdisciplinary, systemic, sociotechnological, historical and ergocentric approaches, as well as general scientific methods. It is argued that for the ergodesigner design of a safe, comfortable and harmonious environment of society, it is necessary to expand the concept of ergocentrism by the methodology of a sociotechnological approach. The refined sociotechnological and natural ergocentrism will make it possible to design the living environment taking into account the peculiarities of harmonization and mutual influence of society, the technosphere and the biosphere. For the further formation of sociotechnological ergocentrism, it is important to explore the forms and methods of sociotechnological interaction in the conditions of society's vital activity. The application of sociotechnological ergocentrism in the process of designing the living environment will contribute to achieving global harmonization in the interaction of society, the technosphere and the biosphere.

Keywords: *sociotechnological ergocentrism, sociotechnological approach, ergocentrism, socio-technogenic development of the world, ergodesign.*

Об авторе:

КУЗЬМЕНКО Александр Анатольевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры «Компьютерные технологии системы», ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск. E-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Author information:

KUZMENKO Alexander Anatolyevich – PhD (Biological), Associate Professor of Computer Technologies and Systems Department, Bryansk State Technical University, Bryansk. E-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.04.2024

УДК 177:323.22/.28

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.115

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКИХ «ФАБРИК МЫСЛИ» В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ

Н.Н. Козлова, А.П. Русаков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель статьи – выявление философских аспектов повестки российской публичной политики, предложенной отечественными «фабриками мысли» на рубеже XX–XXI вв. Проанализированы концептуальные основы деятельности российских аналитических центров, созданных в начале первого десятилетия XXI в. Авторы приходят к выводу, что диверсификация «фабрик мысли», транслирующих либеральные общечеловеческие ценности и консервативные традиционные ценности, связано с запросом различных сегментов российской элиты. Основной тенденцией в развитии фабрик мысли являлось постепенное вытеснение либеральной повестки консервативным политическим дискурсом, концептуализация проблем национальной идентичности, политики символической и исторической памяти, разработки стратегии развития России в рамках цивилизационного подхода. Авторы акцентируют исследовательский интерес на разработках международного клуба «Валдай», полагая, что он представляет собой центр разработки консервативной политической философии, позиционирующей Россию как государство-цивилизацию. Авторы приходят к выводу, что в совокупности российское экспертное сообщество, задействованное во множестве «фабрик мысли» (в проектах и на площадках, включающих телевидение, радиовещание и Интернет-пространство), активно артикулируют консервативный дискурс, продвигая ценности государства, суверенитета, нации, патриотизма, стабильности, традиционных ценностей.

Ключевые слова: *«фабрики мысли», консерватизм, традиционные ценности, цивилизационный подход, национальная идентичность.*

Постановка проблемы и степень ее исследования

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения инструментов и практик формирования политической повестки, включающей в себя мировоззренческие, идеологические, культурно-исторические и другие аспекты. В современной политологии отмечается слабость артикулирующей функции политических партий [15], в силу чего ведущая роль в осмыслении перспектив развития общества переходит к другим институтам, в частности, «фабрикам мысли». Русскоязычный термин «фабрика мысли» – это адаптированный перевод англоязычных понятий «think tanks» и «brains trust», которые понимаются как «мозговой центр»,

© Козлова Н.Н., Русаков А.П., 2024

«аналитический центр», «мозговой трест», занимающийся экспертно-аналитической, исследовательской, прогностической, идеологической, лоббистской, издательской деятельностью. Впервые аналитические центры, которые впоследствии начали называть «фабриками мысли», появились в США и Великобритании после Второй мировой войны.

Среди зарубежных исследователей, изучающих институт «фабрик мысли», можно отметить П. Диксона [4], Д. Стоуна [19], Д. Абельсона [17], Дж. Макганна [18], Т. Троя [20]. Предметом их анализа является определение роли аналитических центров в США. Исследователи приходят к выводу, что «фабрики мысли» в США представляют собой площадку для взаимодействия политических элит и научного сообщества. В России исследованиями зарубежных «фабрик мысли» занимаются Г.Б. Кочетков [5], Н.А. Медушевский [8], С.В. Старкин, Е.С. Приписнова [10], К.Р. Вода [3]. В исследованиях А.Ю. Сунгурова [12], А.Ю. Беляева [13], А.А. Балаяна [1], Н.П. Распопова [2; 14] особое внимание уделяется различиям аналитических структур федерального и регионального уровней, особенностям публичной политики в разных регионах, перспективам дальнейшего развития данного института в нашей стране, изучают аффилированность фабрик мысли с конкретными политическими силами и группами интересов. Пересечение академического сообщества, бизнеса, общества, государства позволяет ученым сделать вывод, что «фабрики мысли» являются институтами публичной политики. Однако мировоззренческая, аксиологическая, идеологическая составляющая дискурса российских «фабрик мысли» в работах исследователей рассмотрена недостаточно, поэтому цель статьи – выявление философских аспектов повестки российской публичной политики, предложенной отечественными «фабриками мысли» на рубеже XX–XXI вв. Источниками исследования являются интернет-порталы российских «фабрик мысли».

Согласно исследованиям А.Ю. Сунгурова, отечественные «фабрики мысли» стали возникать на волне перестройки, которая была нацелена на развитие демократии, публичной политики, укрепление ценностей либерализма, верховенства права [11, с. 119]. К середине 1990-х гг. часть аналитических центров, задействованных при проведении избирательных кампаний, продемонстрировала свою эффективность. Созданный в 1995 г. и просуществовавший до 2011 г. «Фонд эффективной политики», учредителями которого являлись политтехнолог Г. Павловский, политолог М. Мейер и публицист М. Гельман, успел поработать над крупными информационными проектами и первыми Интернет-изданиями, связанными с политикой и выборами в России [9].

Анализ повестки российских «фабрик мысли»

Состоявшийся переход к рыночной экономике и либеральной риторике к концу второго срока президентства Б.Н. Ельцина востребовал разработку дальнейших планов развития России. Перед созданным в 1999 г.

Центром стратегических разработок (далее – ЦСР), организованных НИУ «Высшая школа экономики», Институтом народно-хозяйственного прогнозирования РАН, Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Рабочим центром экономических реформ при Правительстве РФ, Фондом «Институт экономического анализа» были поставлены следующие широкомасштабные задачи: «разработка долгосрочной стратегии развития страны, выполнение научно-исследовательской работы по разработке организационных механизмов реализации «дорожных карт» Национальной технологической инициативы, выполнение работы по подготовке Стратегии научно-технологического развития РФ, создание национальной платформы взаимодействия бизнеса, общества и власти в деле развития экономики и формирования стратегии социально-экономического развития России»¹. Первое время ЦСР неофициально называли «Центром Грефа», т. к. председателем совета директоров являлся занимавший в тот момент пост министра экономического развития и торговли РФ Г.О. Греф. Центр стратегических разработок был основной кремлевской «фабрикой мысли» в первый срок президентства В.В. Путина. На данный момент ЦСР возглавляет к. э. н., доц. каф. социально-экономической статистики МЭСИ, государственный советник города Москвы 3 класса П.А. Смелов; структурно ЦСР оформлен в виде 12 отраслевых центров и экспертного клуба². Приоритетом центра по-прежнему являются проблемы российской экономики, политическая повестка озвучивается в контексте институционального развития контрольной (надзорной) деятельности, направленной на поиск решений для снижения административной нагрузки на бизнес, госсектор и региональные власти³.

Во время второго президентского срока В.В. Путина был создан в 2004 г. Институт общественного проектирования (далее – ИНОП), который возглавил главный редактор журнала «Эксперт» В.А. Фадеев. На данный момент президентом института является председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигин, директором продолжает оставаться В.А. Фадеев, занимая на данный момент позицию председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека⁴. Предмет анализа института – современное социально-политическое устройство России. Данный

¹ Направления компетенций // Сайт ЦСР: <https://www.csr.ru/ru/> (дата обращения – 04.05.2020).

² Центр стратегических разработок <https://www.csr.ru/ru/about/> (дата обращения – 14.05.2024).

³ Центр институционального развития контрольной (надзорной) деятельности <https://www.csr.ru/ru/center/tsentr-institutsionalnogo-razvitiya-kontrolnoy-nadzornoy-devyatelnosti/> (дата обращения – 14.05.2024).

⁴ Институт общественного проектирования (ИНОП). [Электронный ресурс]. URL: <http://ir.russiancouncil.ru/organisations/inop/> (дата обращения – 14.05.2024).

институт явно артикулировал свою политическую повестку: создание идеологии «либерально-консервативного политического курса» и формирование «структур его поддержки»⁵. Разработка платформы либерального консерватизма, фундируемого, по утверждению членов ИНОПа, ценностями «свободы, суверенитета, собственности и справедливости, была осуществлена непосредственно в результате ряда проведенных экспертами института исследований: «Стратификация российского общества», «Экономическая доктрина России», «Политический атлас современности». Эксперты института дистанцировались от подходов «Freedom House», «Transparency International» и др. «фабрик мысли», разрабатывающих варианты линейных рейтингов, в сторону построения многомерных моделей сравнительного анализа политических систем и режимов. Международная программа «Русские чтения» ИНОПа представляет собой заявку на роль «фабрики мысли» как международной площадки, т. к. по приглашению института в Москве приняли участие в лекционно-дискуссионном формате известные зарубежные политики И. Валлерстайн, Г. Дерлугьян, Г. Киссинджер и др. Первой крупной практической разработкой института стал законопроект «Об Общественной палате РФ», который также является частью программы по созданию либерально-консервативного гражданского общества.

Одной из самых ангажированных российских «фабрик мысли», в мероприятиях которого принимают участие первые лица российской и мировой политики, является созданный в 2004 г. по инициативе Российского агентства международной информации «РИА Новости», Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), Московского государственного института международных отношений МИД России (МГИМО), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ВШЭ) и др. Международный дискуссионный клуб «Валдай»⁶. Изначально был обозначен международный характер деятельности данного клуба – привлечение международных экспертов, аналитиков, ученых, специалистов, журналистов, политиков и общественных деятелей к открытому обсуждению актуальных мировых проблем в области международных отношений⁷. Начиная с первого заседания клуба с тематикой «Россия на рубеже веков: надежды и реалии», все заседания проходят с большим размахом, в них участвуют ведущие политики, в том числе президент РФ. Отслеживая тематику ежегодных заседаний, можно констатировать изменения в идеологических, внутри- и внешнеполитических аспектах публичной повестки. Если в 2004–2006 гг. рассматривались проблемы политического ландшафта России, роль России в глобальной энергетике, то в последующие годы основное

⁵ Об институте // Сайт ИНОП URL: <http://www.inop.ru/about/> (дата обращения – 04.05.2020).

⁶ О «Валдае» // Клуб «Валдай» URL: <https://ru.valdaiclub.com/about/founders/> (дата обращения – 04.05.2020).

⁷ О «Валдае». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/about/valdai/> (дата обращения – 04.04.2024).

внимание было уделено проблемам специфики российской цивилизации, этнонациональной и конфессиональной политики, конструирования национальной идентичности на основе консервативных ценностей. В рамках тем заседаний клуба «Россия после 2008 года: модели развития», «Россия – Запад: назад в будущее», «Россия: история и перспективы развития» была сделана ставка на выявление краткосрочных и долгосрочных перспектив развития России, осмысления ее роли в будущем мирового сообщества, осуществлена разработка различных сценариев будущего страны. На десятом заседании клуба в 2013 г. кредо консервативной политической философии было выражено Президентом РФ В.В. Путиным: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в бога и веру в сатану»⁸. Таким образом, президент РФ перед валдайским пулом российских и зарубежных журналистов и экспертов провозгласил доктрину, суть которой заключена в открытой критике, неприязни и противостоянии современному Западу. Согласно этой доктрине, необходимо рассматривать русский мир как цивилизационную альтернативу Западу, который не пойдет по пути идеологического, культурного, морально-нравственного разложения, по которому идет Европа и США [16]. Если до 2014 г. интеллектуальная работа клуба была посвящена в основном рассказу миру о России, то после 2014 г. «Валдай» сосредоточился на деятельности по формированию повестки на международном уровне и оценке глобальных проблем. Начало открытого противостояния России и Запада поставило в центр внимания «фабрики мысли» вопросы, связанные с украинским кризисом, с Крымом, санкциями, войной в Сирии, перезагрузкой отношений России с Европой и США.

Одним из направлений концептуализации мировоззренческо-идеологических основ работы клуба является проработка символической политики памяти. В честь 75-летия Победы была представлена статья-тизер доклада «Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти» программного директора клуба «Валдай» О. Барабанова⁹. По его мнению, «историческая память является ценностью, которая определяет как социальное, так и политическое поведение», «историческая память и ее осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, в обеспечении связи поколений, в сопричастности

⁸ Из выступления В.В. Путина на заседании клуба «Валдай», стенограмма заседания. 2013 г. // Российская газета URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения – 04.05.2020).

⁹ 8 мая, накануне 75-летия Победы... [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/obrazy-voyny-v-istoricheskoy-pamyati/> (дата обращения – 14.05.2024).

граждан государству»¹⁰. Автор отмечает тенденции дегероизации и «играизации» войны в «постгероическом» обществе в современном мире как составной части глобального общества потребления, тогда как «для формирования устойчивого общественного мнения нужно, чтобы память о той Великой войне и Победе не превратилась в одномоментную кампанию, а оставалась залогом консолидации наших обществ»¹¹. В настоящее время клуб «Валдай» продолжает формулировать провластную повестку, проводить исследования, организовывать мероприятия, конференции, круглые столы и т. д. Его идеологическая нагруженность, как и у многих аналитических центров, связанных с правительством, является выражением официальной точки зрения.

Либеральный тренд в развитии российских «фабрик мысли» представляет собой образованный в 2008 г. «Институт современного развития» (далее – ИНСОР), председателем попечительского совета которого стал на тот момент кандидат в президенты России Д.А. Медведев, а президентом ИНСОРа – к. экон. н., проф. НИУ ВШЭ И.Ю. Юргенс. Ключевой ценностью, по заявлению Д.А. Медведева, является человек: «Нам нужна политика, которая ориентирована на человека – значит, и обсуждение всех этих тем должно происходить в рамках гражданского общества, и гражданское общество должно иметь возможность контроля за реализацией социальной политики»¹². Институт создан с целью обеспечить открытую экспертную дискуссию по стратегическим политико-экономическим вопросам развития государства¹³, разработки концепции модернизации российского общества, включающем дальнейшую разработку национальных проектов в области здравоохранения, образования, АПК, демографии, жилищного строительства, формирование информационного общества в России¹⁴.

Еще одной «фабрикой мысли», инициированной Д.А. Медведевым, является созданный в 2011 г. Российский совет по международным делам (далее – РСМД), нацеленный на сотрудничество с европейскими дипломатическими, экспертными и предпринимательскими кругами¹⁵. Среди учредителей значатся МИД России, Минобрнауки России, РАН, РСПП,

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Обращение Председателя Попечительского совета Института современного развития Дмитрия Медведева [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20100202030854/http://www.riocenter.ru/ru/leadership/chairman_statement/medvedev (дата обращения – 04.05.2020).

¹³ Ковалёва О. Медведев открыл свою фабрику реформ. 2008 г. // Утро.ру URL: <https://utro.ru/articles/2008/03/18/724444.shtml> (дата обращения – 04.05.2020).

¹⁴ Развитие информационного общества [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20100312013449/http://www.riocenter.ru/ru/node/284> (дата обращения – 14.05.2024).

¹⁵ Дмитрий Медведев подписал распоряжение «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам» 2010 г. // Президент России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6779> (дата обращения – 04.05.2020).

ИА «Интерфакс». Руководство Совета представлено экспертами в области глобальной политики, бизнеса, бывшими и действующими дипломатами. Президентом Совета является бывший министр иностранных дел России И.С. Иванов, председателем попечительского совета действующий министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров¹⁶. Помимо российского правительства, отечественных научно-образовательных структур, РСМД работает с иностранными институтами, фондами и банками. Предполагалось, что Российский совет по международным делам станет инструментом «мягкой силы» России, каналом проведения публичной дипломатии, а также структурой, которая будет заниматься интеграцией России в европейское пространство. Основная проблематика подготовленных экспертами за последние годы докладов и аналитических записок фундируются консервативным дискурсом – национальные интересы, суверенитет России, угрозы и безопасность в мире.

Консервативный разворот в российской политике после возвращения В.В. Путина в президентское кресло в 2012 г. привел к изменению требований к содержанию деятельности «фабрик мысли» – центры должны иметь практическую направленность, являться исполнителями государственного заказа, Администрации Президента РФ. Первым примером «фабрики мысли» нового типа, специальным фондом-оператором, специализирующемся не на мониторинговом, а на глубинных исследовательских подходах¹⁷, стал созданный в 2012 г. «Фонд развития гражданского общества» (далее – ФоРГО), учредителями выступили Фонд «Российский общественно-политический центр», АНО «Институт общественного проектирования», Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ», Общероссийская общественная организация работников СМИ «МедиаСоюз». Предметное поле исследований фонда – анализ российских регионов и взаимодействия власти и общества¹⁸. Руководитель ФоРГО, бывший сотрудник Администрации Президента РФ К.Н. Костин, вывел формулу антихрупкости государства: соответствие запросам граждан, баланса и адаптивности, полагая, что российское государство имеет потенциал долгосрочного и эффективного функционирования [6]. Экспертами ФорГО признается позитивной повестка развития страны на консервативных ценностях, таких как стабильность, порядок, единая национальная идентичность и т. д. [7]

¹⁶ Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru> (дата обращения – 14.05.2024).

¹⁷ Винокурова Е. Кремль сдаёт анализ на аутсорсинг. Кремль создал четыре аналитических фонда для сбора неангажированной информации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/10/31_a_4836081.shtml (дата обращения – 14.05.2024).

¹⁸ О фонде // Фонд развития гражданского общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/about/8> (дата обращения – 04.05.2020).

Аналогичным типом «фабрики мысли», созданной в 2012 г. под руководством Д. Бадовского, является «Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ)». Задачи Фонда ИСЭПИ приведены на его официальном сайте: «организация масштабной аналитической и экспертной площадки, которая должна стать одним из интеллектуальных центров принятия решений, прежде всего в области внутренней политики страны, концептуальное и содержательное сопровождение деятельности Общероссийского народного фронта (ОНФ)»¹⁹. Несмотря на либеральный дискурс «защиты прав и развития гражданского общества», аналитический центр занимается развитием российской консервативной мысли. Институт издает научный журнал-альманах «Тетради по консерватизму», авторы статей которого (влиятельные депутаты, медиаменеджеры, историки и политологи) обсуждают практические аспекты консерватизма²⁰.

Выводы

Подводя итоги, можно сказать, что создание «фабрик мысли», формирующих повестки, планы и программы стратегического развития России, продолжалось на протяжении всего первого десятилетия XXI в. и отражало запрос различных сегментов российской элиты. Помимо независимых организаций, в России активно начали создаваться аналитические центры, близкие к Администрации Президента РФ, Правительству РФ и различным группам национальной элиты. Разнообразные фонды, институты и центры занимались исследовательской деятельностью, разработкой программ по заказу как либерального, так и консервативного крыла политической элиты. Либеральные околоправительственные «фабрики мысли», близкие к Президенту РФ 2008–2012 гг. Д.А. Медведеву, разрабатывали проекты по модернизации страны на концептуально-мировоззренческой основе общечеловеческих ценностей, сближения России с Западом. Основной тенденцией в развитии «фабрик мысли» являлось постепенное вытеснение либеральной повестки консервативным политическим дискурсом. Аффилированные с Администрацией Президента РФ В.В. Путина «фабрики мысли» к концу его второго президентского срока трансформировали свои повестки в консервативное поле, проводя исследования национальной идентичности, политики символической и исторической памяти, разрабатывая стратегии развития будущего России в рамках цивилизационного подхода. Примером консервативного разворота является крупный международный клуб «Валдай» с широким спектром государственных организаций в качестве учредителей, прошедший путь от инструмента коммуникации с зарубежным экспертным,

¹⁹ Об институте // ИСЭПИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isepr.ru/about/history/> (дата обращения – 04.05.2020).

²⁰ Рубин М. Прокремлевский фонд объяснит идеологию властей в журнале о консерватизме. 2014 г. // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/06/2014/57041e4d9a794760d3d3f589> (дата обращения – 04.05.2020).

журналистским и политическим сообществом до транслятора консервативной повестки. Таким образом, наиболее ресурсная российская «фабрика мысли» представляет собой центр разработки консервативной политической философии, позиционирующей Россию как государство-цивилизацию. В совокупности российское экспертное сообщество, задействованное во множестве «фабрик мысли», проектах и площадках, включающих телевидение, радиовещание и Интернет-пространство, активно артикулируют консервативный дискурс, продвигая ценности государства, суверенитета, нации, патриотизма, стабильности, традиционных ценностей.

Список литературы

1. Балаян А.А., Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертные сообщества. СПб.: Алетейя, 2016. 240 с.
2. Беляев А.Ю. Анализ активности фабрик мысли: подходы и объясняющие модели (на примере опыта США) // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 52–58.
3. Вода К.Р. Азиатские «мозговые центры»: положение в мире и влияние на внешнюю политику // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–13.
4. Диксон П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. 512 с.
5. Кочетков Г.Б. 2010. Использование прикладных социальных исследований в общественной политике // США и Канада: экономика, политика, культура. № 9 (489). С. 85–102.
6. Круглый стол «Антихрупкость» государства Путина: идеология, институциональные основы, ценностный выбор». [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/event/158> (дата обращения – 05.05.2022).
7. Круглый стол «Послание–2024: стратегические направления развития страны». [Электронный ресурс]. URL: <http://civilfund.ru/event/157> (дата обращения – 05.05.2022).
8. Медушевский Н.А. 2015. Борьба за толерантность в идейной конфронтации европейских фабрик мысли // Полис. Политические исследования. № 5. С. 107–118.
9. Солдатов А.А., Бороган И.П. Битва за Рунет: Как власть манипулирует информацией и следит за каждым из нас // Альпина Диджитал. 2017. С.49–50.
10. Старкин С.В., Приписнова Е.С. Деятельность европейских экспертно-аналитических центров: проблемы идентификации // Политика и общество. 2016. № 10 (142). С. 1377–1386.
11. Сунгуров А.Ю. Фабрики мысли и экспертное сообщество в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе // Политическая концептология. 2017. № 2. С. 115–137.
12. Сунгуров А.Ю., Балаян А.А. Фабрики мысли: международный и российский опыт: учеб. пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2014. 236 с.
13. Сунгуров А.Ю., Беляев А.Ю. Фабрики мысли и способы их влияния на принятие политических решений // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. Кн. 2. С. 201–210.

14. Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики. // Полис. 2012. № 4. С. 99–116.
15. Татарников Д.Г. Кризис политических партий в современном обществе: к постановке проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Серия Социология. Политология. Вып. 1. С. 90–93.
16. Шевцова Л. Валдайская доктрина Путина. 2013 г. // Московский Центр Карнеги URL: <https://carnegie.ru/2013/09/23/ru-pub-53090> (дата обращения – 04.05.2020).
17. Abelson Donald E. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal and Kingston: McGill-Queens University Press, 2002. 251 p.
18. McGann James G. The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance, Washington D.C., Brookings Institution Press, 2016. 240 p.
19. Stone D. Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. London: Frank Cass, 1996. 331 p.
20. Troy T. Intellectuals and the American Presidency Philosophers, Jesters, or Technicians? Rowman& Littlefield, 2002. 280 p.

THE SOCIAL-POLITICAL PHILOSOPHY OF RUSSIAN «THOUGHT FACTORIES» AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THE EVOLUTION OF THE PROBLEM FIELD

N.N. Kozlova, A.P. Rusakov

Tver State University, Tver

The purpose of the article is to identify the philosophical aspects of the agenda of Russian public policy proposed by domestic «thought factories» at the turn of the XX–XXI centuries. The conceptual foundations of the activities of Russian analytical centers established at the beginning of the first decade of the XXI century are analyzed. The authors conclude that the diversification of "thought factories" broadcasting liberal universal values and conservative traditional values is associated with the demand of various segments of the Russian elite. The main trend in the development of thought factories was the gradual displacement of the liberal agenda by conservative political discourse, the conceptualization of problems of national identity, the policy of symbolic and historical memory, and the development of a strategy for the development of Russia within the framework of a civilizational approach. The authors focus their research interest on the developments of the Valdai International Club, believing that it represents a center for the development of a conservative political philosophy that positions Russia as a civilizational state. The authors conclude that, collectively, the Russian expert community, involved in a variety of «thought factories» (in projects and on sites including television, radio broadcasting and the Internet space), actively articulate conservative discourse, promoting the values of the state, sovereignty, nation, patriotism, stability, and traditional values.

Keywords: *«thought factories», conservatism, traditional values, civilizational approach, national identity.*

Об авторах:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. ORCID: 0000-0003-1212-6412, Scopus Author ID: 56446454300, ResearcherID D-5405-2019. E-mail: tver-rapn@mail.ru.

РУСАКОВ Александр Петрович – аспирант кафедры политологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: rusakov.95@inbox.ru

Authors information:

KOZLOVA Nataliya Nikolaevna – PhD (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of Political Studies, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver. Email: tver-rapn@mail.ru

RUSAKOV Alexander Petrovich – PhD student of the Department of Political Science, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver. Email: rusakov.95@inbox.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2024

Дата принятия рукописи в печать: 10.06.2024

УДК 177:130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.126

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА

Н.Б. Бааль, О.М. Боева

ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Москва

В статье рассматриваются актуальные проблемы профилактики экстремизма в российском обществе, особое внимание уделяется воспитанию личности на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, предлагается разработка и внедрение обучающей программы «Противодействие экстремизму и профилактика терроризма».

Ключевые слова: *экстремизм, экстремизм в молодежной среде, молодежные организации, феномен экстремизма, международная проблема, особенности экстремизма, профилактика экстремизма, духовно-нравственная культура личности, традиционные российские ценности, личная и коллективная безопасность.*

В системе образования важным инструментом общества и власти в предупреждении и противодействии распространению в сознании молодежи экстремистских идей является профилактическая информационная и идеологическая работа. Система образования должна выстраивать свою профилактическую работу, действуя на опережение и предотвращая возможность вовлечения детей и молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность. Обучая навыкам взаимодействия, личной и коллективной безопасности и воспитывая на традиционных для России ценностях взаимопонимания, гуманизма и милосердия, возможно профилировать и предотвращать экстремистские проявления в нашем обществе.

Одной из глубинных причин любой агрессии является утрата духовно-нравственной основы личности. Отсутствие ценностного фундамента в государственной и общественной жизни неизменно влечет рост преступных, противоправных деяний, среди которых экстремизм как высшее проявление ненависти и агрессии. Только своевременное «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности... позволяет народу России своевременно... реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность» [7].

Деятельность экстремистских и террористических организаций – угроза традиционным ценностям, стремление внедрить деструктивную идеологию, основанную на безнравственности, отрицании патриотизма, разрушении традиционной семьи и жизненного уклада россиян.

© Бааль Н.Б., Боева О.М., 2024

Деструктивная идеология способствует саморазрушению общества путем причинения вреда нравственному и психологическому здоровью людей, внедряя антиобщественный стереотип поведения, аморальный образ жизни, вседозволенность и насилие. Сопутствующими деструктивной идеологии являются искажение исторической правды, ценностей человеческой жизни, дискредитация идеи служения Отечеству.

Причинами преступности, как социального явления выступают как педагогические – отсутствие или неразвитость системы воспитания, образования, обучения, развития людей в обществе, так и отсутствие правовой пропаганды и идеологической работы, отсутствие положительного влияния СМИ.

Наряду с законом, правовыми нормами поведение людей регулируется социальными нормами и духовно-нравственными установками, поэтому правопорядок и предупреждение преступности неразрывно связаны с системой воспитания и обучения в обществе.

Причинами зарождения и развития у конкретного человека преступного поведения являются в первую очередь недостатки воспитания. Недооценка педагогических факторов и условий в профилактике преступности в масштабе общества всегда оборачивается ростом преступности. Профилировать преступность возможно при условии объединения усилий «всех здоровых сил общества»: правоохранителей, образования, здравоохранения, социальной защиты, религиозных конфессий и общественных организаций [4].

В настоящее время Россия инициировала и возглавила защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей в мировом масштабе, на эту задачу направлены усилия государственных органов и общественных организаций. Особое внимание уделяется организации и осуществлению воспитания на основе аксиологического подхода.

Воспитанность личности определяется «системой жизненных и поведенческих смыслов, значений, ценностей, желаний, отношений и выборов в поступках и жизни» [3].

Механизм профилактики противоправного поведения нацелен на неосознанное, полуосознанное или сознательное привыкание человека к определенному поведению, в элементах которого проявляется:

- отношение к окружающему миру, глобальным вызовам и угрозам;
- понимание собственного предназначения, своей роли в достижении общего блага;
- в стремлении постичь достижения и ценности современной цивилизации – науки, культуры, искусства, техники, образования;
- к реализации своего жизненного потенциала через принятие смыслов и ценностей человеческой жизни;
- в отношении к стране, в которой родился и вырос (гражданственность, государственность, патриотизм) и согражданам (гуманизм, эмпатия, альтруизм);

к преодолению жизненных трудностей и мотивированностью на движение вперед и достижение результатов в общественно полезной деятельности;

критичное отношение к самому себе с анализом достоинств и недостатков, стремление к самообразованию, самовоспитанию и саморазвитию [3, с. 13].

Движение России по пути сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей проявляется и в законодательных инициативах, направленных на поддержку семьи (2024 год в России объявлен «Годом семьи»), защитников Отечества, развития волонтерского движения и «Движения Первых». Мы видим государственную поддержку религиозных конфессий и ощущаем их роль в стабилизации мира и правопорядка. 28 марта 2024 г. в Москве состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с министром просвещения Российской Федерации С.С. Кравцовым. В ходе встречи Святейшим Патриархом была выражена озабоченность в связи с принятием приказа Минпросвещения России от 19.02.2024 № 110, согласно которому из федерального государственного стандарта основного общего образования исключены предметная область и учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКР). При этом содержание учебного предмета ОДНКР интегрировано в учебный курс «История нашего края». По результатам совещания была достигнута договоренность о создании рабочей группы в целях согласования позиций¹. Выражаем надежду на возвращение учебного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в педагогический процесс.

Внимание общественности обращается к ценностной сфере, прежде всего в тяжелые времена, проявляясь в солидарности, взаимовыручке, поддержке, которые сплачивают нацию, делают ее сильнее. Так было на всем протяжении существования и развития государства и традиционно проявляется в нынешнее непростое время, которое сподвигает к осознанию внутренней мобилизации в отстаиванию национального самосознания, преемственности поколений, возрождению российской традиционности.

Традиционные ценности: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, взаимопомощь [4], являясь нравственными идеалами, оказывают огромное влияние на мировоззрение россиян.

Причины и истоки экстремизма в молодежной среде в значительной степени лежат в межнациональной и этноконфессиональной плоскостях, а для России традиционно высоки риски импорта экстремистских идей.

¹ Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с министром просвещения РФ С.С. Кравцовым [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116532.html>. (дата обращения: 29.03.2024).

Кроме того, для страны в целом характерна картина неоднородного распространения явления (и даже его форм) в различных регионах. То есть целесообразно формирование стратегии контроля и профилактики экстремизма не только на национальном, но и на региональных уровнях.

Угроза экстремизма и терроризма продолжает оставаться одним из основных факторов, дестабилизирующих общественно-политическую обстановку в Российской Федерации. Формирование негативного отношения к таким опасным явлениям в обществе, как экстремизм и терроризм, является комплексной задачей, требующей скоординированных усилий органов государственной власти всех уровней с общественными организациями и объединениями, религиозными структурами, другими институтами гражданского общества и отдельными гражданами. В последнее время активизировалась деятельность асоциальных молодёжных организаций, спекулирующих на идеях национального возрождения и провоцирующих рост преступных акций, нарушения общественного порядка на этнорелигиозной, политической почве. Это приводит к социальной напряжённости и ведёт к усилению экстремистских проявлений. Молодёжь может быть вовлечена в деятельность экстремистских организаций через Интернет, соцсети, где они могут столкнуться с вредным контентом (известны случаи вовлечения в террористическую деятельность посредством Телеграмм-каналов).

Сегодня остро возникла необходимость подготовки специальной обучающей программы по основам личной безопасности и профилактике экстремистской и террористической деятельности и последующей ее реализации в системе школьного, вузовского и послевузовского образования. В основе программы должны сочетаться принципы мультикультурализма, ценности многонационального российского общества, соблюдение прав и свобод человека, поддержание межнационального мира и согласия с практическими навыками противостояния экстремистской пропаганде и вовлечения в террористическую деятельность. Реальными механизмами ее осуществления являются комплексные меры, направленные на обеспечение личной и коллективной безопасности, воспитание гражданской солидарности, патриотизма, противодействие любым проявлениям экстремизма и терроризма. Программа должна быть нацелена на последовательное внедрение методов обучения основам личной безопасности, межэтнической коммуникации; на распространение инновационных образовательных технологий, способствующих профилактике экстремизма в подростковой и молодежной среде. Приоритетное внимание необходимо уделить повышению уровня практической подготовки обучающихся в области противодействия информационно-телекоммуникационному воздействию на личность. Особое место в работе в данной сфере занимает профилактическая и пропагандистская работа, ориентированная на формирование знаний, умений и навыков в вопросах межкультурного взаимодействия путем ознакомления с многообразием культурных, религиозных, языковых традиций, тренингов, направленных на предупреждение конфликтов, возникающих на почве

этнокультурных различий, или на знание способов их разрешения ненасильственными средствами. Существующая система работы с обучающимися в настоящее время в значительной степени направлена на воспитание толерантного сознания и поведения, неприятие национализма, шовинизма и экстремизма. Вместе с тем, система образования не обеспечивает всего комплекса профилактических мер, реализация которых могла бы эффективно обеспечивать личную и общественную безопасность. Программа «Противодействие экстремизму, и профилактика терроризма» (далее – Программа) должна быть нацелена на подготовку обучающихся действиям в повседневных и особых условиях, направлена на предотвращение экстремизма и терроризма в молодежной среде.

Цель программы – организация антитеррористической деятельности, противодействие возможным фактам проявления терроризма и экстремизма, создание обучающей среды на основе ценностей многонационального российского общества, общероссийской гражданской идентичности и культурного самосознания, принципов соблюдения прав и свобод человека, отработка практических навыков личной безопасности.

Задачи программы:

- воспитание духовно-нравственной культуры личности;
- достижение необходимого уровня правовой культуры детей, подростков и молодежи;
- формирование в молодежной среде духовно-нравственного мировоззрения и атмосферы этнокультурного взаимоуважения, основанной на принципах уважения прав и свобод человека, стремлении к межнациональному миру и согласию, готовности к диалогу;
- общественное осуждение и пресечение на основе действующего законодательства любых проявлений дискриминации, насилия, расизма и экстремизма на национальной и конфессиональной почве;
- повышение уровня межведомственного взаимодействия по профилактике терроризма и экстремизма;
- проведение воспитательной, пропагандистской работы с обучающимися и педагогическими работниками, направленной на предотвращение экстремистской и террористической деятельности;
- обучение основам личной и коллективной безопасности;
- организация молодежного информационного портала и повышение занятости молодёжи в досуговое время.

Программа может быть реализована совместными усилиями исполнительных органов государственной власти с привлечением в установленном порядке органов местного самоуправления, научных, образовательных, культурных, общественных организаций и объединений, некоммерческих организаций [7].

Реальными механизмами ее осуществления являются комплексные меры, направленные на развитие гражданского общества, воспитание гражданской солидарности, патриотизма и интернационализма, поддержание

мира и согласия, противодействие любым проявлениям экстремизма и ксенофобии.

Достижение поставленных задач возможно в условиях упрочения российской общегражданской общности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Масштабность и сложность решения поставленных задач требуют применения программно-целевых методов при разработке и реализации Программы по следующим стратегическим направлениям профилактики и противодействия экстремизму:

- совершенствование правовой базы и правоприменительной практики в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений;

- выработка и реализация мер раннего предупреждения межэтнической напряженности, проявлений национального высокомерия, нетерпимости и насилия, профилактики экстремизма;

- повышение эффективности механизмов реализации миграционной политики;

- разработка и реализация социальных проектов, содействующих интеграции мигрантов в сообщество и обеспечивающих удовлетворение этнокультурных и религиозных потребностей граждан;

- совершенствование системы регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов;

- формирование единого информационного пространства для пропаганды и распространения идей гражданской солидарности, противостояния угрозам национальной безопасности России.

- разработка и реализация в учреждениях дошкольного, начального, среднего, среднего специального и высшего образования программ, направленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, воспитание патриотизма, профилактику экстремизма и терроризма;

- развитие межэтнической интеграции в области культуры.

Комплекс мер, направленных на реализацию Программы, включает самые разнообразные виды деятельности, в том числе:

- выделение наиболее значимых социальных, экономических, политических и культурных факторов, влияющих на формирование законопослушного поведения;

- разработка и осуществление системы действенных мер, проводимых органами государственной власти, местного самоуправления, а также научных, образовательных, культурных и общественных организаций и объединений, некоммерческих организаций по пропаганде и утверждению ценностей, норм и мировоззренческих установок, принятых в Российской Федерации;

- создание эффективной системы государственной поддержки гражданских, общественных и национально-культурных инициатив,

способствующих поддержанию межнационального мира и согласия, общественного противостояния любым проявлениям экстремизма и терроризма;

разработка системы информационного и экспертно-аналитического сопровождения регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов;

проведение политики в области культуры, в полной мере, учитывающей этноконфессиональное разнообразие и одновременно общее культурное пространство;

создание и внедрение в практическую деятельность новых образовательных программ, направленных на воспитание подрастающего поколения в духе традиционной духовности России, гражданской солидарности, модернизацию учебных материалов и технологий, внедрение их в систему образования всех уровней;

проведение просветительской работы среди граждан в целях профилактики экстремистской деятельности, организация обучения основам личной и коллективной безопасности;

обоснование индикаторов и критериев эффективности системы мер и действий по преодолению межэтнической напряженности;

проведение научных исследований, научно-практических конференций, семинаров по проблемам межэтнических и межкультурных контактов и взаимодействий, предотвращающих экстремизм и терроризм.

Реализация программы, направленной на контроль и профилактику экстремизма предусматривает этапы:

укрепления межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии и экстремизма, воспитание культуры мира, формирование толерантного сознания и поведения широкое информирование общества о целях, задачах и содержании проводимой работы.

реализации системы мероприятий по формированию среды в сферах, связанных с межэтническими, межкультурными и межконфессиональными взаимодействиями; создание и совершенствование системы контроля за исполнением принятых решений и выполнением мероприятий Программы; реализация накопленного опыта профилактики ксенофобии, воспитания культуры мира; внедрение разработанных эффективных технологий формирования законопослушного поведения во всех сферах жизни и деятельности общества; мониторинг действующих механизмов профилактики этнического экстремизма и ксенофобии; обобщение достигнутого опыта и оценка результатов [7].

Стратегические, узловые моменты Программы предупреждения и противодействия молодежному экстремизму в современной России (при условии организационного и научно-методического обеспечения, а также мониторинга реализации):

1. Воспитание духовно-нравственной культуры через систему образования.

2. Правовое просвещение и профилактика экстремизма в молодежной среде.

3. Информационно-пропагандистская деятельность средств массовой информации, направленная на формирование общественного мнения по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, противостоянию экстремизму и терроризму.

4. Содействие национально-культурному взаимодействию в молодежной среде.

5. Поддержание межконфессионального мира и согласия.

6. Совершенствование механизмов обеспечения законности и правопорядка в сфере межнациональных отношений. Содействие адаптации и интеграции мигрантов в культурное и социальное пространство города или региона.

Следует подчеркнуть, что реализация таких программ требует взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления, а также научных, образовательных учреждений и учреждений культуры, общественных организаций и объединений, некоммерческих организаций. Только реальное взаимодействие может заложить основы гражданского согласия как необходимого условия сохранения стабильности, обеспечить результативность проводимых мероприятий.

Объединение усилий органов власти, общественных организаций и движений, участие структур гражданского общества для эффективной борьбы с проявлениями молодежного экстремизма и ксенофобии. Рост активности молодых людей в противостоянии межнациональной и межрелигиозной розни.

Каждый из разделов Программы должен стать объектом объединенных усилий участников Программы в деле всестороннего развития традиций гражданской солидарности, способствующих обеспечению атмосферы межнационального мира и согласия.

Предупреждение экстремизма в молодежной среде в рамках системы образования

Именно система образования, в первую очередь дошкольного и школьного, должна заложить духовно-нравственные мировоззренческие основы будущей личности, способной противостоять экстремистским тенденциям. Сегодня по ряду причин система образования не обеспечивает всего комплекса мер, реализация которых могла бы эффективно формировать у дошкольников, школьников и студентов основы духовно-нравственного мировоззрения. Об этом свидетельствуют факты проявления в молодежной среде национальной и расовой нетерпимости, рост числа конфликтов на этнической почве. Кроме того, важнейшим является обеспечение профилактических мер противостояния террористической угрозе, формирование у обучающихся навыков личной и коллективной безопасности.

Предупреждение экстремизма в молодежной среде средствами массовой информации

Как показывают исследования, крайние формы национализма в России непосредственным образом связаны с распространенностью языка вражды, отсутствием быстрой и однозначной реакции на появление соответствующих высказываний в средствах массовой информации, слабой работанностью лексики, корректной в отношении этнического и конфессионального разнообразия.

Создание толерантной среды связано с усвоением представителями журналистского сообщества и работниками средств массовой информации норм профессионального языка, предполагающих соблюдение определенных принципов: опоры на дух и букву закона, критического восприятия, независимости и двойной перепроверки при освещении конфликтных и кризисных ситуаций, редакционного комментирования.

Развитие национально-культурного взаимодействия как средства профилактики экстремизма в молодежной среде

Новая общественно-политическая реальность и усиление миграционных потоков требуют выработки стратегии и создания механизмов адаптации нового полиэтнического населения регионов к базовым ценностям сообщества, а также позитивного восприятия этих процессов коренным и укорененным населением разных национальностей. Большую роль в решении этих задач играют национально-культурные объединения.

Знание истории страны как многонационального образования, изучение ее полифоничной культуры и воспитание на лучших традициях взаимодействия и взаимовлияния разных национальных культур является актуальной задачей формирования региональной и общероссийской гражданской идентичности. Одновременно это является воспитанием подлинного российского патриотизма, свободного от национализма и шовинизма.

Поддержание межконфессионального мира и согласия как фактор предупреждения экстремизма в молодежной среде

Среди культурно-исторических особенностей России – многообразие религиозных конфессий, обилие этноконфессиональных общин и групп, культовых строений и памятников религиозной культуры. В течение столетий жизнь основывалась на принципах взаимного уважения людей, исповедующих разные религии. Сохранение и развитие традиций религиозной толерантности представляется особенно важным в ситуации нарастания в обществе проявлений экстремизма, зачастую оправдывающихся идеологией религиозного фундаментализма.

Пропаганда ценностей сохранения этнического и конфессионального многообразия, религиозной толерантности и свободы совести среди представителей различных возрастных, социальных, профессиональных, этноконфессиональных групп – важный фактор профилактики экстремизма в молодежной среде.

Совершенствование механизмов обеспечения законности и правопорядка в сфере межнациональных отношений

Одним из важнейших направлений деятельности по гармонизации межнациональных отношений и предупреждения экстремизма среди молодежи является совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в области межэтнических и межконфессиональных взаимодействий. Это относится к строгому соблюдению требований закона при найме на работу и использовании труда этнических мигрантов, улучшению работы органов внутренних дел, осуществляющих их регистрацию и учет занятости, предупреждению дискриминации по этническому признаку в сфере трудовых отношений, профилактике экстремизма и противодействию ксенофобии.

Необходимо совершенствование профессиональных навыков сотрудников органов правопорядка, работающих с представителями этнических меньшинств, а также занимающихся расследованиями правонарушений и преступлений на почве этнической и религиозной нетерпимости [7].

Можно выделить следующие *типы стратегий социального контроля (предотвращения) молодежного терроризма: репрессивный, запретительный, административный, информационно-воспитательный* [6].

Реальная стратегия противодействия феномену экстремизма представляет собой результат взаимодействия названных типов противодействия. Причем, соотношение компонентов должно определяться в зависимости от конкретной ситуации. Скажем, на Юге России отчетливо преобладают этнорелигиозные формы экстремизма в молодежной среде, а ближе к центру страны – политические [5].

Динамика проявлений экстремизма в молодежной среде на региональном уровне соотносится с изменчивостью проявлений крайних взглядов проживающего здесь населения. Процесс проявляется в смене конфликтогенных доминант, когда на первый план (в различных сочетаниях с другими) выходят этнонационализм, мигрантофобия, религиозный экстремизм, шовинизм и расизм [2].

К сожалению, в условиях действующей государственной и региональной молодежной политики признанные методы профилактики экстремизма в молодежной среде, связанные в основном с воспитанием толерантности и повышением общей политической грамотности молодежи, часто оказываются малоэффективными. Они блокируются личными результатами восприятия потенциально опасной среды существования (близости проживания к областям существования угрозы терроризма, специфики поведения представителей национальных меньшинств и пр.).

Экстремизм в молодежной среде выступает как следствие деформации процесса формирования и развития личности, что проявляется [6]:

- в низком уровне образовательного и культурного потенциала индивида и социального субъекта;

- в разрыве преемственности процесса передачи ценностных и нравственных установок новым поколениям;

- в снижении уровня гражданского и патриотического самосознания;

в криминализации сознания молодежи в условиях социально-экономического кризиса и социально-политической неопределенности.

Как правило, проявления экстремизма в молодежной среде связаны с целым комплексом причин, и в большинстве случаев коренятся не в патологии психики конкретных людей, а глубоких латентных или явных социальных, экономических или политических недугах [1]. Соответственно и стратегия предупреждения и противодействия проявлениям экстремизма в молодежной среде должна представлять собой совокупность рассмотренных подходов, адаптированную к конкретным условиям.

Экстремизм (и молодежной среде в том числе) является атрибутивной чертой любого общества, его полное искоренение репрессивно-правовыми или экономическими методами невозможно [7]. Однако вполне реально его ограничение, удержание в рамках приемлемого в результате реализации динамичного комплекса социально-политических и культурно-образовательных мер международного, государственного и регионального уровней, направленных на согласование устремлений молодежи с тенденциями развития российского общества, микро- и макросоциальных трансформаций.

Переход от краткосрочных и локальных решений к стратегически выстроенным среднесрочным программам в области молодежной политики (включая задачи профилактики и противодействия молодежному экстремизму) повысит интегральный потенциал этой важной социально-демографической группы и придаст новый импульс развитию страны.

Сегодня становится все более очевидным, что без патриотизма, без ощущения гражданами себя единой нацией, единым народом, ответственным за судьбу Отечества и свою судьбу, невозможно существование России, и ее движение вперед. Без понимания защиты интересов России, без уважения к ее истории, традициям не может формироваться ни внутренняя, ни внешняя политика. Возврат государства к основе основ существования – традиционным духовно-нравственным ценностям – это возможность сплотить общество, обеспечить продуктивное взаимодействие его систем, противостоять угрозам национальной безопасности. Патриотизм становится универсальным идеологическим ориентиром, объединяющим и сплачивающим началом, которое сможет противостоять любым вызовам и угрозам. Как справедливо отметил Н.С. Михалков «армия для России – это не только защита, это – образ жизни, образ мысли. Для русского человека традиционно духовное было выше материального. Русский народ никогда не потерпит унижения, тогда он поднимается, и ничто его не остановит»².

В общественном развитии выделяются периоды, когда в основе мировоззрения – идеи, крепко связанные с судьбой Отечества, когда

² Павлюткина И. Никита Михалков: Армия для нас – символ чести и долга. [Электронный ресурс]. URL: http://old.redstar.ru/2010/10/20_10/1_07.html (дата обращения: 29.03.2024).

политические решения и общественные мнения имеют смысл и значение, только, когда они связаны с патриотизмом. Это переломные эпохи национального испытания, возрождения и становления. В такое время объединяющие патриотические настроения становятся смыслом многих людей, а патриотизм – движущей силой.

Список литературы

1. Аналитический вестник Совета Федерации РФ. 2007. № 4 (321).
2. Виноградов В.А. Кузбасс: комплексный подход к решению вопросов профилактики экстремизма // Право и безопасность. 2007. № 1–2. С. 22–23.
3. Материалы XV Всемирного Русского Народного собора «Базисные ценности – основа единства народов 25-26 мая 2011». М.: МОО «ВРНС», 2012.
4. Прикладная юридическая педагогика в органах внутренних дел: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России юридического профиля / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2008. 512 с.
5. Семенцов А.М. Институциональные формы молодежного экстремизма в российском политическом процессе. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2007. 24 с.
6. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук, Ростов-н/Д, 2003. 24 с.
7. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 29.03.2024).

THE ROLE OF EDUCATION IN COUNTERING EXTREMISM AND PREVENTION OF TERRORISM

N.B. Baal, O.M. Boeva

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow

The article discusses current problems of preventing extremism in Russian society, special attention is paid to the education of the individual based on traditional spiritual and moral values, and proposes the development and implementation of a training program «Countering extremism and preventing terrorism».

Keywords: *extremism, extremism among youth, youth organizations, the phenomenon of extremism, international problem, features of extremism, prevention of extremism, spiritual and moral culture of the individual, traditional Russian values, personal and collective security.*

Об авторах:

БААЛЬ Наталья Борисовна – кандидат политических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО Академии управления МВД России, г. Москва. E-mail: nata-baal@mail.ru

БОЕВА Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Москва. E-mail: omboeva@bk.ru

Author information:

BAAL Natalya Borisovna – PhD (Political Sciences), Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow. E-mail: nata-baal@mail.ru

BOEVA Olga Mikhailovna – PhD (Pedagogical Sciences), assistant professor, Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of work with personnel of Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow. E-mail: omboeva@bk.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.03.2024

Дата принятия рукописи в печать: 25.05.2024

УДК 177:130.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.139

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОППОЗИЦИИ ОБРАЗОВ «СВОЙ–ИНОЙ/ДРУГОЙ–ЧУЖОЙ–ВРАГ»¹

С.А. Храпов, М.С. Топчиев

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»,
г. Астрахань

Статья посвящена комплексной проблеме формирования новой национальной идентичности Республики Казахстан в контексте оппозиции образов «Свой–Иной/Другой–Чужой–Враг». В статье рассматривается информационный фактор становления новой национальной идентичности республики Казахстан и раскрываются аспекты его реализации.

Ключевые слова: *новая национальная идентичность, идентификационный переход, Республика Казахстан, информационный фактор, образы «Свой–Иной/Другой–Чужой–Враг», сознание, социальная память, когнитивные войны.*

Теоретические основания исследования

Вопрос о формировании новой национальной идентичности Республики Казахстан является очень сложным и сопряженным с геополитическими процессами становления новых национальных идентичностей на всем постсоветском пространстве. Очевидно, что в данном случае под новым типом национальной идентичности понимаются те модели национальной идентификации, которые начали возникать в период распада СССР (в 1990-е гг.) и продолжают свое становление в настоящее время.

Методологическая сложность и комплексность заявленной нами проблемы требуют именно философского осмысления, позволяющего системно и рационально раскрыть факторы и механизмы становления новой национальной идентичности Республики Казахстан. В своем исследовании мы будем опираться на философско-политический, социально-философский, социокогнитивный, социокультурный, информационный подходы.

Национальная идентичность зафиксирована на индивидуальном и общественном уровнях таких когнитивных феноменов, как менталитет, память, сознание. Условно тут можно эксплицировать подход известного философа Д.И. Дубровского о соотношении индивидуального и общественного сознания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01230: «Формирование антироссийских настроений в медиасреде Республики Казахстан как части Прикаспийского фронта».

[2], согласно которому фактически существует диалектическая взаимосвязь между индивидуальным и общественным уровнями социокогнитивных феноменов: индивидуальное сознание невозможно без соотношения с общественным, в то же время общественное сознание является объективированным интегратором наиболее распространенных образов и установок индивидуальных сознаний. Все данные феномены по своему онтогносеогенному статусу имеют информационную природу, то есть фиксируют определенную информацию и оперируют ею. Именно смысловое содержание актуализированной информации в менталитете, памяти и сознании определяет мировоззрение и картину мира, мотивирует деятельность как человека, так и определенных социальных групп. Соответственно, исследование информационных процессов формирования нового типа национальной идентичности Республики Казахстан необходимо проводить с учетом трех основных аспектов: 1) социокогнитивного, 2) социокультурного (анализ информации на индивидуальном и общественном уровнях), 3) информационно-технологического.

Формирование нового типа национальной идентичности Казахстана непосредственно связано с переформатированием знаковых идентификационных образов-ориентиров в парадигме «Свой–Чужой». Как известно, изучение тематики «Другого / Чужого» началось еще в философии Э. Гуссерля, Э. Левинаса, Ж.П. Сартра, П. Рикера, Б. Вальденфельса, Г. Зиммеля («Чужой», 1908 г.), А. Шютца («Чужой», 1950 г.). Распад СССР и формирование независимых постсоветских республик масштабировал новые политики идентичностей, меняющих роли оппозиций образов «Свой–Чужой», известность получили труды таких ученых, как А.П. Романова, Е.В. Морозова (Романова, 2016; Морозова, 2015)» [4; 5; 6; 8, с. 22].

Условно говоря, при формировании новой национальной идентичности, как правило, происходит переход от прежних идентификационных образов к новым. В информационном поле индивидуального и общественного сознания, индивидуальной и общественной памяти переход этот происходит постепенно, по линии «Свой–Иной/Другой–Чужой–Враг». Иногда и в обратном направлении, когда бывшие «враги» становятся «своими» (например, для современной Армении Россия становится всё более «чужой», а страны НАТО все более «своими»). Большое значение в данных идентификационных переходах играет и механизм негативной идентичности, когда новая идентичность формируется за счет крайнего отрицания предыдущего типа идентичности или иного типа национальной идентичности, по принципу «Мы пока еще не знаем, кто Мы, но Мы – не Они». Известный политический философ Е.В. Морозова очень точно отметила, что «в периоды социально-политических кризисов, сопровождающихся аноимией, наблюдается приобретение собственной идентичности за счет постулирования отрицательного «Другого» [4, с. 122].

Данные процессы вызывают множество вопросов о том, каковы механизмы этих идентификационных переходов и почему в одних странах постсоветского пространства не произошло кардинальной смены образов «Свой–

Иной/Другой–Чужой–Враг» (Республика Беларусь, Приднестровская Молдавская Республика), а в других произошла кардинальная трансформация национальной идентичности с ярко выраженным антироссийским вектором (страны Прибалтики, Украина, Молдавия, Армения). При этом остается ряд постсоветских стран, где данные тенденции проявляются противоречиво (Казахстан, Узбекистан, Грузия). Мы полагаем, что наряду с политическими и социально-экономическими факторами (которые выходят за пределы внимания данной статьи) особую роль играет как раз информационный фактор.

Формирование новой национальной идентичности Республики Казахстан: информационный фактор

Информационный вектор развития современной цивилизации является общепризнанным фактом начиная еще с концепций 70-х гг. XX в., провозгласивших «Информационное общество» как новый этап социального развития, причем в целом в тот период процессы информатизации рассматривались в конструктивном ключе. За последующие 50 лет процессы информатизации приобрели гигантские масштабы, а глубина их онтологизации уже ставит экзистенциальные вопросы о будущем человечества.

Очевидно, что существенными катализаторами данных процессов стали три основных фактора. Во-первых, это создание цифровых технологий и их массовое распространение. Компании – производители гаджетов, IT-компании, холдинги цифровых медиаресурсов стали лидерами экономики, что позволило практически каждого человека обеспечить мобильным телефоном и компьютером.

Во-вторых, произошли системные изменения в бытии современного человека, что позволяет утверждать о возникновении его новой социально-антропологической модальности «человек-техногенный», для которой свойственна опосредованность существования постоянным взаимодействием с техническими устройствами, особенно с цифровой техникой. Для «человека техногенного» характерны не только зависимость от цифровых устройств, но и изменения во всех сферах личности: когнитивной, потребно-мотивационной, эмоционально-волевой, коммуникативной, что делает его уязвимым для информационного манипулятивного воздействия.

И в-третьих – принятие решения правительствами и спецслужбами ряда государств об использовании цифровых ресурсов в политических целях посредством развязывания «гибридных» и «когнитивных войн». Д.Ф. Алиев верно отмечает, что «гибридная война переводит ход ведения боевых действий между прямыми участниками столкновения в плоскость нелинейной парадигмы ведения войны с целью подавления противника путем разрушения общественных, культурно-образовательных, экономических и государственных институтов, манипуляции сознанием населения через средства массовой информации» [1, с. 72–73].

Важно понимать, что на сознание человека оказывает влияние не только (и часто не столько) сама информация как таковая, сколько методы

ее трансляции, контекст и эмоциональный фон. Цифровые медиаресурсы обладают огромными техническими возможностями для того, чтобы интерпретировать информацию в нужном для «заказчика» смысле и контексте. Развязывание когнитивных войн привело к тому, что сторонники и противники какой-либо идеи, процесса выступают часто не как представители разных политических и общественных сил, а как потребители разного информационного контента. Мы согласны с А.В. Федоровым, что «новую и серьезную опасность представляют дезинформационные кампании, использующие социальные сети. Они служат катализатором беспорядков и влияют на процессы в обществе непосредственно через сознание и миропонимание индивида, стимулируя тех, кто будет создавать новые нарративы и, эксплуатируя их, манипулировать массами. Кроме того, социальные сети и блогосфера используются как полигон для новых методик информационно-психологического воздействия на большие группы населения, в полной мере реализуя претензии создателей информационного оружия на название “weapon of mass effect”» [9, с. 21].

В современной сложной геополитической и геоэкономической ситуации на постсоветском пространстве данные деструктивные тенденции становятся реальными угрозами национальной безопасности. Современный Казахстан также фактически стал ареной борьбы между глобалистскими силами и сторонниками теории государств-цивилизаций. Понимая угрозы прямого военного столкновения и третьей мировой войны, США и другие страны НАТО активно внедряют технологии когнитивных войн, используя контроль над медиаресурсами. Андрей Ильницкий, советник министра обороны России, в одной из своих публикаций прямо заявил, что «именно военными США и НАТО поставлена задача перехода от информационного к когнитивно-ментальному доминированию как определяющему фактору итоговой стратегической победы над противником... Новые технологии когнитивно-ментального доминирования разрабатываются в Гарвардском и Принстонском университетах, командовании по гражданским делам и психологическим операциям армии США, Центре инноваций НАТО, Объединенном центре боевых действий в области информационных операций Минобороны Соединенных Штатов» [7].

Эффективность применения данного «информационно-когнитивного оружия» мы, к сожалению, наблюдаем на Украине, в Грузии, Армении, Молдове. Наблюдаются данные тенденции и в Казахстане. Нужно понимать, что информационно-когнитивное воздействие направлено не просто на трансляцию определенной информации, но и на девальвацию значимых социокультурных конструкторов личности человека и государства. Именно поэтому одним из объектов для данных информационно-когнитивных угроз стала национальная идентичность, традиционной выступающая основой бытия человека и общества. Виктор Мураховский, главный редактор «Арсенала Отечества», справедливо отметил, что «в первую очередь это перезагрузка или стирание национальной истории или культуры, что порождает

безответственность перед прошлым. Другой инструмент – имитация легитимной власти, что приводит к безответственности перед обществом, перед настоящим. Еще один инструмент, или оружие, – это деидеологизация с отсутствием ответов на вопросы “Что мы?”, “Кто мы?”, “Зачем мы?”» [7].

В Казахстане сегодня наблюдается существенный кризис социальной памяти, когда деактуализируется позитивный опыт российско-казахстанского сотрудничества и дружбы и актуализируются, гиперболизируются проблемные моменты истории (голодомор, сталинские репрессии и др.). Такие «успешные» метаморфозы социальной памяти стали возможны как раз в связи с тем, что ее значительные информационные пласты оказались под информационно-техногенным контролем [10]. Население Республики Казахстан, особенно молодые люди, ориентируются на информацию социальных сетей, зачастую продвигающих прозападную и антироссийскую повестку.

Данный «информационный» подход позволяет активно вмешиваться в динамику социокультурного и политического развития Республики Казахстан. Соответствующие нарративы, установки и образы масштабно транслируются в медиасреде, продуцируя изменения в мировоззрении, адаптационных стратегиях и целях, стилях идентификации. В случае длительной фиксации их внимания на деструктивных информационных ресурсах происходит изменение социально-политических взглядов, возникает мотивация к незаконным действиям (яркий пример – деструктивные акции в Казахстане в январе 2022 г.). Начало Специальной военной операции России на Украине стало своеобразным триггером роста антироссийских настроений в Казахстане. В медиaprостранстве, в первую очередь в социальных сетях стала наблюдаться тенденция интерпретации Казахстана как страны, которая должна дистанцироваться от России и вообще от всего, что с Россией связано, включая русскую культуру и русский язык [8].

Образ России стал позиционироваться как образ «чужой» и даже «враждебной» страны, соответственно, национальная идентичность Казахстана стала демонстрировать потенции негативной идентификации по принципу «Казахстан – это не Россия».

Выводы

1. Информационный фактор является одним из ведущих механизмов формирования национальных идентичностей на постсоветском пространстве, включая Республику Казахстан.

2. Реализация информационного фактора формирования новой национальной идентичности Республики Казахстан имеет три основных аспекта: социокогнитивный, социокультурный, информационно-техногенный, которые действуют сопряженно.

3. При проведении анализа информационного поля Республики Казахстан в контексте проблем формирования национальной идентичности и роста антироссийских настроений следует учитывать соотношение медийного и реального социального контекста. Яркость, эмоциональность и

доступность цифровых медиа зачастую формируют ложные представления о реальном мнении большинства казахстанцев. Соответственно, необходимо решать вопросы о равноценной представленности в медиапространстве различных позиционных сил и мнений.

4. Становление новой национальной идентичности Республики Казахстан происходит диффузно. Необходимо понимать, что Казахстан имеет собственную специфику политического, социально-экономического и социокультурного развития, отличающего его от других стран постсоветского пространства [3]. Поскольку для России Республика Казахстан является важным партнером, необходимо проводить взвешенную политику (в том числе информационную политику) и активней привлекать научных экспертов при принятии решений в области российско-казахстанских отношений.

Список литературы

1. Алиев Д.Ф. Гибридная война: теоретико-методологический анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия. 2023. № 4. С. 66–75.
2. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
3. Жильцов С.С., Колбачаева Ж.Е. Особенности формирования идентичности Казахстана в современных условиях // The Europe and the Turkic World: Science, Engineering and Technology. Materials of the III International Scientific-Practical Conference, 2018. Павлодар: Общественный фонд «Региональная Академия Менеджмента», 2018. С. 316–326.
4. Морозова Е.В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого/Чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук, 2015. № 6. С. 121–128.
5. Морозова Е.В. Образ Другого/Чужого в формировании внешнеполитической идентичности (обзор литературы) // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016. № 6/2. С. 183–186.
6. Романова А.П. Образ «Чужого» на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4. С. 59–166.
7. США формируют ментальный театр военных действий, сообщил советник Шойгу (20.03.2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20240320/ssha-1934368105.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 23.04.2024).
8. Топчиев М.С., Храпов С.А. Политические и социокультурные механизмы формирования новой национальной идентичности Республики Казахстан: отражение оппозиций «Свой–Иной/Другой– Чужой–Враг» в медиасреде // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24, № 2. С. 21–34.
9. Федоров А.В. Дезинформация как инструмент и составная часть информационного противоборства Запада // Южно-российский журнал социальных наук. 2022 Т. 23, № 2. С. 18–36.
10. Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 99–106.

**THE INFORMATION FACTOR OF FORMATION THE NEW
NATIONAL IDENTITY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
THE OPPOSITION OF THE «FRIEND-OTHER/OTHER-
STRANGER-ENEMY» IMAGES**

S.A. Khrapov, M.S. Topchiev

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan

The article is devoted to the complex problem of the formation of a new national identity of the Republic of Kazakhstan in the context of the opposition of the images «Friend–Other/Other–Alien–Enemy». The article examines the information factor of the formation of a new national identity of the Republic of Kazakhstan and reveals the aspects of its implementation.

Keywords: *new national identity, identification transition, Republic of Kazakhstan, information factor, images of «Friend–Other/Other–Alien–Enemy», consciousness, social memory, cognitive wars.*

Об авторах:

ХРАПОВ Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», г. Астрахань. E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

ТОПЧИЕВ Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, руководитель Центра изучения проблем комплексной безопасности каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму. ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», г. Астрахань. E-mail: ceo.gfn@gmail.com.

Author's information:

KHRAPOV Sergey Aleksandrovich – PhD, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan. E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

TOPCHIEV Mikhail Sergeevich – PhD (Political sciences), Head of the Center for studying the problems of complex security of the Caspian macroregion and countering terrorism and extremism, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan. E-mail: ceo.gfn@gmail.com.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2024

Дата принятия рукописи в печать: 16.05.2024

УДК 177+ 172.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.146

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

А.Н. Михалкин

ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва

Автор раскрывает и обосновывает следующие положения: социальные обязанности современного российского государства состоят не в простом исполнении им социальных функций, а в признании их исполнения с необходимостью и с предоставлением определённой категории граждан страны права получать помощь гарантированно, формами исполнения социальных обязанностей современного российского государства выступают заявленные президентом страны национальные проекты. Научная новизна положений статьи состоит в том, что впервые автор соотносит формирование и исполнение социальных обязанностей современного российского государства с национальными проектами, которые Президент России формулирует в своём Послании Федеральному собранию страны.

Ключевые слова: социальные обязанности государства; послание; необходимость; национальные проекты; социальные институты.

Социальная политика и социальные обязанности современного российского государства

Многие страны мира, позиционирующие себя как социальные государства, что закреплено в их конституциях, исполняют свои социальные обязанности в разных формах. При этом политические партии, которые ориентированы на достижение статуса правящей партии в стране, привлекают граждан страны для своей поддержки содержанием своих социальных программ.

Другими словами, социальные государства отличаются от других тем, что они не просто проводят социальную политику, которую в той или иной степени проводят все государства, но они берут на себя обязанность обеспечивать социальную заботу о гражданах страны. Они берут на себя обязанность социальной защиты населения, финансируя её из бюджета страны. И этими заявлениями социальное государство не просто предоставляет гражданину страны право на социальную помощь, но и даёт гарантии её получения [2].

Учёные, исследующие содержание деятельности социальных государств на протяжении долгого времени их функционирования, выделяют следующие их признаки:

© Михалкин А.Н., 2024

- реализация в них конституционных и социальных прав граждан посредством осуществления социальной политики [2, с.70];

- реальное взятие на себя обязанности заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищённости [3, с. 12];

- нацеленность на достижение такого общественного прогресса, который основывается на закреплённых правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности, помогает слабым, влияет на распределение экономических благ по принципу справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное человека существование [10, с. 2–6];

- практически все сферы общественной жизни основываются на моральных общечеловеческих принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности и направлены на создание условий, необходимых для достойной жизни и свободного развития каждого человека [7, с. 100];

- приоритетным направлением деятельности государства является социальное развитие и обеспечение социальной безопасности общества, признание и осуществление социальных прав человека, социальная защита гражданина [1].

Если обобщить выделенные черты деятельности государств, позиционирующих себя как социальные государства, то можно утверждать, что главное сущностное отличие социального государства от других состоит в том, что начиная с определённого момента своего исторического развития оно не просто выполняет свои социальные функции, но и признаёт их выполнение своей обязанностью [8].

В современной научной философской, социально-экономической и юридической литературе наибольшее распространение получила следующая классификация моделей социальных государств: *во-первых*, это социальные государства *либерального* типа. Данные государства берут на себя заботу только о социально уязвимых и обездоленных слоях общества. Они гарантируют гражданам сохранение минимальных доходов и достаточно высокое качество пенсионного и медицинского обслуживания, образования, жилищно-коммунального обеспечения населения; *во-вторых*, это социальные государства *консервативного* типа. Они считают, что необходимо мирно, без революций проводить взвешенную социальную и экономическую политику, которая постепенно выведет экономику и социальную сферу на уровень потребностей и интересов большинства граждан, которые должны быть разумными и соответствующими возможностям государства; *в-третьих*, это социальные государства *корпоративного* типа. Данные государства берут на себя ответственность за благополучие своих граждан, принуждая бизнес в стране к участию в реализации всех социальных программ, заявленных государством. Сами предприятия и организации оплачивают расходы на повышение квалификации, реализуют программы

пенсионного обеспечения, берут на себя оплату медицинских и других социальных услуг; *в-четвёртых*, социальные государства *социал-демократического* типа. Данная модель социального государства позволяет гражданам страны иметь равные возможности для удовлетворения не только своих материальных потребностей, но и запросов духовной жизни. Сущностным признаком такой модели социального государства выступает следующий принцип: государство и экономика существуют для людей, а не наоборот. Социальная государственная политика – не услуга и не милость властей, а его прямая обязанность [13].

Что касается российского государства, то его модель с середины 1990-х гг. формировалась как *либеральное* социальное государство [12].

Главными особенностями государственной социальной политики в России в то время являлось не только отсутствие в ней долгосрочной социальной концепции, но и явное противоречие между заявленными правильными благами для определённой категории граждан страны и их практической реализацией.

С 1992 г., когда был подписан Указ Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации», социальная политика России была декларативной, так как преамбулы законодательных актов, в которых говорилось о заботе и внимании к нуждам населения, вступали в острейшее противоречие с текущей действительностью [14].

Как свидетельствуют исследования ИСЭПН РАН, проводимые в те годы, вся совокупность бедных и нищих, имеющих в то время в России, состояла из *трёх* основных групп. Первая из них – «работающие бедные». Вторая – значительная часть пенсионеров, ибо средняя пенсия пенсионера ещё не достигла прожиточного минимума пенсионера. Третья же группа – традиционные бедные: одинокие матери, многодетные семьи, семьи с детьми-инвалидами и сами инвалиды [20].

Национальные проекты как форма и способ исполнения социальных обязанностей российским государством

Определённые изменения в содержание социальной политики государства были привнесены Посланиями Президента Российской Федерации Федеральному собранию страны. Есть основания считать, что идеи, которые были заложены в Посланиях 2000–2007 гг., были значимым социально-экономическим общественным проектом. Всё дело в том, что данные идеи стали своеобразным фундаментом программы социально-экономического развития России до 2020 г.

Другими словами, содержательно в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию страны, начиная с 2000 г., были определены не только задачи в отношении вывода экономики страны из кризиса, но и направления деятельности социальных институтов общества по обеспечению социальной поддержки тем гражданам страны, которые

нуждались в ней, но сами не могли её для себя создать по объективным причинам. К ним следует отнести следующие составляющие социальной политики государства: пенсионное обеспечение граждан страны; укрепление семьи, поддержка матерей; формирование условий получения жилья для молодых семей и пожилых людей; охрана детства; стандартизация социальных услуг, социального обеспечения и другие. Всё это были важные вехи в процессе формирования активной социальной политики государства в условиях мирового кризиса [17].

С 2012 г. вопросы социальной политики государства в стране были связаны с реализацией Указа Президента Российской Федерации № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 г. В ходе своей инаугурации В.В. Путин уточнил перспективы развития российского государства в направлении формирования в стране социального государства. В рамках данного указа государственная власть в стране стала ориентироваться на создание благоприятных и конструктивно-созидательных экономических, правовых и социально-политических условий для того, чтобы каждый человек мог работать и достойно зарабатывать, содержать себя и свою семью на достойном уровне, соответствующем заявленным показателям [21].

Именно таковым, по мнению Валерия Дмитриевича Зорькина, Председателя Конституционного суда Российской Федерации, должно быть основное предназначение социального государства, делающее его реально социальным. Оно обязано реально проявлять себя в следующем: во-первых, в разрешении проблем создания надлежащих условий для воспроизводства жизни человека не только как биологического существа, но и субъекта различных видов общественной деятельности; во-вторых, в создании и функционировании адекватной правовой системы защиты социальных интересов личности; в-третьих, в таких формах решения проблем социального характера, когда на них сориентированы и экономика, и политика, и духовная жизнь общества. Тогда, в совокупности всех этих аспектов деятельности государственных органов и учреждений, и будет проявляться смысл бытия социального государства, провозглашённого Конституцией России [6, с. 50].

Как говорят, ничего нового. В этом и обязана состоять программа деятельности государственных учреждений и социальных институтов общества, ориентированных, на уровне Конституции России, на социальный характер функционирования. Вследствие этого основными принципами социальной политики, которая проводится в Российской Федерации в рамках социальных проектов, стали: принцип социальной справедливости; принцип дифференциации социальных выплат, льгот и различных услуг; принцип многообразия социальной защиты населения и ее всесторонность [22].

Следовательно, российское государство, конституционно провозгласившее себя социальным, взяло на себя ответственность, которую реализует в обязанностях перед гражданами страны свои социальные функции

выполнить. К перечню таких социальных обязанностей государства относятся следующие:

- охрана труда и здоровья граждан;
- наличие обязательного минимального размера оплаты труда;
- обеспечение социальной господдержки семьи, материнства, отцовства, детства, пожилых и инвалидов, оказание адресной поддержки отдельным категориям граждан, а также защита материнства и детства;
- развитие социальных служб;
- установка государственных пенсий;
- назначение пособий и установление прочих гарантий социальной защиты¹.

Для выполнения всех перечисленных требований государство со своей стороны устанавливает в ст. 2, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»².

К сожалению, до сих пор конкретных способов и приёмов, объёмов социальной помощи со стороны государства определённым категориям граждан страны федеральными законами не установлено. В большинстве своём реальные меры социальной поддержки и защиты нуждающихся категорий граждан находят свое отражение в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации.

Наглядным примером этому утверждению выступают озвученные Президентом Российской Федерации национальные (социальные по сущности и содержанию) проекты «Семья», «Молодёжь России», «Продолжительная и активная жизнь», «Кадры» и «Экономика данных». А о том, что данные проекты приобретают статус обязанностей государства, свидетельствует тот факт, что, по заявлению министра финансов А. Силуанова, необходимые ресурсы для реализации поручений президента будут обеспечены и до конца этого года данные проекты будут утверждены [19].

Говоря о задачах современной социальной политики государства, Владимир Владимирович Путин отметил, что одной из главных проблем страны является бедность. За её чертой, по его словам, находилось в 2023 г. порядка 9 % (13,5 млн) россиян. Именно в связи с этим введено единое ежемесячное пособие для семей с невысокими доходами. Это касается помощи от беременности женщины до достижения ребёнком 17 лет. Он также отметил, что бедность присуща и многодетным семьям. Таких семей в России сегодня порядка 30 %. Для преодоления данной проблемы государством упрощается процедура заключения социального контракта многодетными семьями. Заявление на социальный контракт можно подать через портал

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года). Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Официальный интернет-портал правовой информации: www.pravo.gov.ru. (дата обращения – 06.10.2022).

² Там же.

«Госуслуги» с минимальным набором документов. Цель данных мероприятий заключается в том, чтобы к 2030 г. уровень бедности в России стал ниже 7 %, а среди многодетных семей данный показатель снизился хотя бы до 12 %. Для этого государство намерено увеличить сумму МРОТ до 35 тысяч [19].

Также В.В. Путин объявил о продлении до 2030 г. программ по материнскому капиталу и льготной ипотеке. Данная программа началась в 2018 г. и действует до июля 2024 г. За это время 900 тысяч российских семей улучшили свои жилищные условия. Это хорошо, и поэтому Президентом Российской Федерации было предложено продлить её до 2030 г. Особое внимание при этом им предложено уделить семьям с детьми до шести лет включительно. Для них льготная ставка останется прежней – 6 %. Президент нашей страны предложил продлить погашение семьёй части ипотеки (450 тысяч) до 2030 г. [19].

Михаил Викторов, сопредседатель комитета по строительству, член генсовета «Деловой России» и Общественного совета при министерстве строительства, отмечает, и это важно: «Льготную ипотеку часто критиковали за её широкомасштабное применение, а здесь конкретная целевая группа, нуждающаяся в прямой социальной поддержке. Дети должны расти в благоприятных условиях, для этого нужно много ресурсов, а для большой семьи – много квадратных метров». При этом льготная ипотека для этой группы будет вовлекать в платёжеспособный спрос определённую категорию граждан, поддерживать соответствующий спрос, что скажется позитивно на росте объёмов строительства [5].

Вместе с выделенными нами социальными компонентами заявленных программ, которые государство намерено осуществлять в стране, Президент Российской Федерации сообщил и о других намеченных государством мероприятиях, которые также можно назвать социальными обязанностями государства, которые государство будет исполнять.

Значимым, по сравнению с предыдущими этапами развития нашей страны, является национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» и его цели. Обращение к идее здорового образа жизни – это важнейшая составляющая социальной политики государства. В данном проекте речь идёт о снижении потребления гражданами страны алкоголя, исключение курения. Как отмечал Михаил Мурашко, министр здравоохранения, занятия физкультурой и спортом будут способствовать продолжительности жизни. Сегодня она превысила 73 года, и страна вернулась на допандемийный уровень. К 2030 г. ожидаемая продолжительность жизни должна достичь не менее 78 лет, а в дальнейшем предстоит выйти на уровень «80 плюс». Россияне вообще хотели бы прожить до 89 лет. А если есть стремление дожить до преклонного возраста, значит, должна существовать и мотивация к более здоровому образу жизни. Важно, чтобы жизнь эта была не только долгой, но и здоровая, чтобы человек мог посвящать своё время семье, близким, детям, внукам. Таким образом, активное долголетие решает

три связанные между собой задачи: с одной стороны, повышается качество жизни людей, включая пожилое поколение, во-вторых, появляется резерв рабочей силы – меньше россиян будут уходить с работы по здоровью, и, в-третьих, появится поддержка для воспитания подрастающих поколений, которая позволит разгрузить родителей от домашних забот [9].

Интересен и значим для социальной политики государства и такой национальный проект, как «Кадры». Ведь что значимо: все социальные обязанности государства исполняли и исполняют профессионально подготовленные, социализированные и воспитанные кадры. В этом контексте характер и содержание подготовки кадров в стране – это государственная задача. Так вот, как было задумано, ещё до объявления данного проекта, во исполнение пункта 8 перечня поручений Президента Российской Федерации, опубликованных по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации, состоявшегося 22 декабря 2022 г., № Пр-173ГС, а также в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Минобрнауки России совместно с Ассоциацией волонтерских центров и Национальным исследовательским университетом были ВУЗами страны разработаны методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования (ООВО). И новый национальный проект «Кадры» как раз в первую очередь будет направлен на создание тесного взаимодействия системы образования, в которую входят школы, колледжи и вузы, и реального сектора экономики, поясняет декан факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве России Павел Селезнёв.

Предполагается, что, во-первых, предприятия должны открыть свои площадки для посещения, чтобы будущие специалисты могли познакомиться с производствами, отметил он. Во-вторых, уже с 2024 г. все школы страны должны начать профориентацию начиная с шестого класса. Ученики будут знакомиться с разными специальностями, а нацпроект будет способствовать участию работодателей в разработке и реализации учебных планов, проведению профориентационных мероприятий. В-третьих, работодатели должны будут создать производственные площадки для получения учениками практических навыков, обеспечить возможности для прохождения ими практики и стажировки на производстве. В-четвёртых, в соответствии с положениями данного нацпроекта обязана будет развиваться система наставничества, будет укрепляться связь поколений, передаваться ценный опыт и будет осуществляться формирование высококвалифицированных специалистов для растущей российской экономики [10, с. 3–7].

Есть основание утверждать, что национальный проект «Кадры» тесно соприкасается с национальным проектом «Молодёжь России» по содержанию берущихся государством на себя обязанностям. Ведь ещё ранее,

в декабре 2020 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал закон о молодёжной политике в России. В нём были прописаны такие понятия, как «молодая семья», «молодёжные общественные объединения» и «молодёжь». Тогда возраст молодёжи был увеличен до 35 лет³. Там же были сформулированы и цели молодёжной политики. Они включали защиту прав молодёжи, поддержку и помощь молодым специалистам в трудоустройстве, формирование системы ценностей и культуры семейных отношений, профилактику девиантного поведения среди молодых людей.

Но всё дело в том, что молодёжная политика в стране оставалась разрозненной, особенно в плане управления. В связи с этим, по мнению диссертанта, Президент Российской Федерации и заявил о нацпроекте «Молодёжь России». Именно воплощение в жизнь данного национального проекта позволит собрать воедино то, что делают другие учреждения и государственные структуры. И уже сейчас на федеральном уровне запущен целый ряд государственных программ, которые будут реализовываться под государственным управлением. В первую очередь – это нацпроект «Образование», через который в стране действуют технопарки и центры цифрового образования, направленные на подростков и молодёжь, проект «Цифровые профессии», благодаря которому можно получить компенсацию пятидесяти процентов стоимости обучения на различных курсах в области цифровой экономики. Значим и такой проект, как «Росмолодёжь. Гранты». Он направлен на поддержку талантливых специалистов.

В целом по вопросам развития молодёжи государственные и общественные организации сформулировали более 140 предложений от 30 федеральных органов исполнительной власти. Среди них можно выделить такие государственные учреждения, как Министерство просвещения, Министерство труда, Министерство спорта, Министерство образования и науки, Министерство строительства и многие другие.

Также к работе над проектами, связанными с подготовкой молодёжи к познавательно-преобразовательной деятельности в стране, общественные организации подготовили более 70 предложений.

Основными целями работы с молодёжью, а также обязанностями государства, по утверждениям первого зампреда комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Татьяны Буцкой, а также зампреда Ассоциации молодёжных правительств, директора Фонда содействия развитию межсекторного взаимодействия «Единение» Анастасии Шевченко-Севостьяновой, являются:

- защита прав и законных интересов молодёжи;

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения – 26.04.2024).

- обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации молодёжи;
- создание условий для участия молодёжи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества;
- повышение уровня межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия в молодёжной среде;
- формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям;
- формирование культуры семейных отношений, поддержка молодых семей, способствующие улучшению демографической ситуации в Российской Федерации [15].

В определённой степени для социальной политики и исполнения социальных обязанностей Российским государством значим и национальный проект «Экономика данных». Его реализация позволит оперативно и качественно решать ряд задач, которые, как считает диссертант, значимы в плане совершенствования социальной политики в стране. Во-первых, это создание инфраструктуры, способной эффективно обрабатывать и анализировать огромные объёмы данных в социальной сфере жизни граждан и управлять процессами в ней. Это позволит принимать более обоснованные решения на уровне государственного управления, повысит эффективность и качество исполняемых государством социальных обязанностей. Во-вторых, реализация данного проекта позволит перевести экономику страны, социальную сферу на качественно новые принципы работы, выйти на новый уровень в логистике, телемедицине, онлайн-образовании, предоставлении государственных услуг. В-третьих, реализация данного проекта позволит учащимся получить доступ на производственные площадки фабрик и заводов, чтобы раньше познакомиться с разнообразием профессий, она совершенствует практико-ориентированное образование. Наконец, в-четвёртых, данный национальный проект будет способствовать росту экономики и развитию социальной сферы. Он позволит улучшить не только качество работы органов власти, но, самое важное, так как мы живём в капиталистическом государстве, эффективнее договариваться с частным бизнесом, направляя его усилия на решение социальных задач, которые в значительной степени частным бизнесом и решаются. Как отмечает гендиректор компании Smart Engines, доктор технических наук Владимир Арлазаров, частно-государственное партнёрство, формирование цифровых платформ в ключевых отраслях экономики станет важнейшим инструментом для развития социального государства в Российской Федерации [4, с. 2].

Небольшой опыт внедрения национальных проектов как своего рода социальных обязанностей государства, отражённый в результатах исследований общественного мнения, свидетельствует о том, что национальные проекты приветствуются гражданами страны. Они, по мнению исследователей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, «стали в какой-то мере ответом на ностальгию граждан страны по масштабным, амбициозным планам властей и устремлённости в будущее, что было характерно для советских времен и не хватало России в кризисные 1990-е» [11, с. 34–35].

Заключение

Вместе с тем провозглашение национальных проектов от имени государственной власти отнюдь не означает, что они автоматически будут реализовываться как социальные обязанности. Достаточно обратиться к реальной практике в области внутренней политики нашего государства, как обнаружатся ситуации, когда социальные программы исполнялись не на высоком уровне качества. Наглядный пример тому – невыполнение заявленных планов по сооружению дамб и других сооружений, которые напрямую были связаны с социальной сферой жизни людей. Очень хлестко по таким проектам высказался Г. Бовт: «Пора перестать считать эффективность заявленных обязанностей в потраченных на них рублях» [16].

Автор статьи считает, что если социальное государство – это более высокая ступень развития государственности, то выполнение им своих социальных обязанностей соразмерно с обеспечением безопасности страны, сохранением её суверенитета, территории и так далее. И из такого посыла следует, во-первых, что социальные обязанности государства не могут быть исключены ни при каких обстоятельствах. Они являются смыслом его бытия. Во-вторых, при возникновении в стране и мире кризисных ситуаций противоречия разрешаются не за счёт только трудящихся, а совместно со всеми социальными стратами. В-третьих, в таком социальном государстве должен наличествовать *социально-правовой механизм реализации* социальных обязанностей государства. То есть оно должно быть способно и готово с помощью этого механизма обеспечить в стране реализацию им заявленных социальных обязанностей.

Список литературы

1. Бобылев А.И. Теория и практика формирования правового и социального государства // Право и политика. 2010. № 3 (39). С. 11–14.
2. Демидова Т.Е. Социальное государство: генезис понятия, социально-правовые основания // Sciences of Europe. 2019. № 36–3 (36). С. 69–72.
3. Желева О.В. Понятие социального государства // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 15. [Электронный ресурс]. URL: [http://sibac.info/archive/social/9\(12\).pdf](http://sibac.info/archive/social/9(12).pdf) (дата обращения – 06.03.2024).
4. Жить активнее, дольше, счастливее // Грани. 23.03.2024.

5. Затянувшееся молчание по льготной ипотеке. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y5qsYUeKmG6afs_Y (дата обращения – 06.03.2024).
6. Зорькин В.Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 46–50.
7. Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства. Международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 402 с.
8. Кочеткова Л.Н. Социальное государство: консервативный проект Лоренца фон Штейна // Россия: путь к социальному государству. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Научный эксперт, 2008. С. 349–358.
9. Мурашко М. рассказал о новом нацпроекте «Продолжительная и активная жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/20240424/proekt-1941912440.html> (дата обращения – 06.03.2024).
10. Национальные проекты. Информационный бюллетень. 2024. № 8, март. [Электронный ресурс]. URL: <http://parlib.duma.gov.ru/> (дата обращения – 16.04.2024).
11. Наши исследования // Портал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 2-й квартал 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fa.ru/Documents/news/2023/112_LQ_2023_1H.pdf (дата обращения – 16.04.2024).
12. Нечаев Д.Н., Половнева Л.С. Формирование социального государства в России: от теории к практике // Политология: актуальные аспекты. 2007. № 4 (5). С. 68–72.
13. Охотский Е.В. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // Труд и социальные отношения. 2012. № 5 (95). С. 30–44.
14. Плешаков А.П. Становление социального государства как фактор стабилизации российского общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 3 (28). С. 10–18.
15. Политики оценили перспективы Российского движения детей и молодёжи. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/23/dvizh/> (дата обращения – 16.04.2024).
16. Пора перестать считать эффективность сооружений в потраченных на них рублях // Российская газета. 15 апреля 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://amurmedia.ru/news/1725987/> (дата обращения – 26.04.2024).
17. Рейнбах Е.Ю. Формирование региональной культурной политики: опыт Орловской области // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Орловский государственный институт культуры. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2014. С. 29–33.
18. Россия в поисках стратегии: общество и власть / под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 2000. С. 44–45.
19. Силуанов: Минфин найдёт ресурсы на реализацию новых нацпроектов. 14.04.24. [Электронный ресурс]. URL: dzen.ru/a/ZeB3Ltn3_yZQuGD4. (дата обращения – 06.03.2024).
20. Скачкова Г.С. Социальная политика Российского государства и трудовое законодательство // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 3–6.

21. Соловьева М.Ф. О реализации социальной политики в России // Концепт. 2016. Т. 4. С. 26–30.

NATIONAL PROJECTS IN MODERN RUSSIA AS A FORM OF SOCIAL RESPONSIBILITIES OF THE STATE

A.N. Mikhalkin

State University of Education, Moscow

Author reveals and substantiates the following provisions: the social obligations of the modern Russian state consist not in the simple performance of social functions, but in the recognition of their fulfillment with necessity and with the provision of a certain category of citizens of the country with the right to receive assistance guaranteed, the forms of fulfillment of the social duties of the modern Russian state. The scientific novelty of the provisions of the article lies in the fact that for the first time the author correlates the formation and fulfillment of social duties of the modern Russian state with national projects that the President of Russia formulates in his Address to the Federal Assembly of the country.

Keywords: *social responsibilities of the state; Epistle; necessity; national projects; social institutions.*

Об авторе:

МИХАЛКИН Александр Николаевич – аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», г. Москва. E-mail: fafnir85@yandex.ru.

Author information:

MIKHALKIN Alexander Nikolaevich – PhD Student, Department of Philosophy, State University of Education, Moscow. E-mail: fafnir85@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.04.2024

УДК 1(091):172.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.157

ЦЕННОСТНАЯ ПЛАТФОРМА ФИЛОСОФСКОЙ ПРОПЕДЕВТИКИ В ПРЕВЕНЦИИ НАСИЛИЯ

Е.А. Евстифеева, В.В. Черней

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

В исследовании раскрывается экзистенциальный смысл философской пропедевтики, который направлен исключительно на духовную миссию вернуть человеку и обществу человеческое, преодолеть пропасть духовной деградации в обществе, внести гармонию в отношения между людьми, построить мир без насилия и войн, заново осознать положительные начала социального бытия. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи. Во-первых, научить студентов философствованию, поскольку только философия способна открыть двери в мир духовной природы. Во-вторых, помочь отыскать новые грани отношений между людьми. В-третьих, популяризировать знания русской философии как величайшей сокровищницы национальной культуры народов России. Актуальность темы состоит в том, что она предстаёт инструментом формирования культуры мышления, инициирует осознанность и рефлексивность человека в отношении себя и другого, социальной жизни мира в целом, настраивает на осмысление современных проблем и на ценностное противостояние насилию во всех его разновидностях.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, философская пропедевтика, ценностная платформа, традиционные духовно-нравственные ценности, превенция насилия.

Введение. Вызовы современности, такие как цивилизационный кризис, антропологическая катастрофа, геополитическая трансформация, цифровизация, феномен глобализации и выход на новый технологический цикл, генерируют комплекс наличных мировых и национальных социально-политических, общественных проблем. Каждая проблема актуализирована в различной степени, но особенно злободневной она становится тогда, когда в её разрешении консолидируют все социальные субъекты, общество и институты власти. Именно такой мирового значения проблемой современности является противостояние и противодействие насилию, а также построение ненасильственного мира на принципах гуманизма. Одним из способов решения такой проблемы видится философская пропедевтика, которая обращена в первую очередь к молодёжи, к её образовательному процессу и духовно-нравственному воспитанию.

Пропедевтика коннотируется как знание, необходимое до или для изучения какой-либо дисциплины, но не достаточное для профессионального

© Евстифеева Е.А., Черней В.В., 2024

развития. В широком смысле пропедевтика (состоит из латинского префикса pro-, означающего ранее «остаточный», или «перед», и греческого paideutikos, что означает «относящийся к обучению») указывает на начальный курс постижения философского знания, что предшествует более обстоятельному изучению выбранного объекта [9, с. 613]. Ценность философской пропедевтики в том, что она интегрирует знания и правила, необходимые для изучения конкретных наук. Вспомним, что ценность есть значимость одной вещи для другой (объекта для субъекта, субъекта для субъекта), т. е. отношение. В онтологии жизни, в жизнедеятельности ценность в основном имеет значение полезности условий существования для живого организма. Она может быть положительной или отрицательной [11, с. 6]. По мнению русского религиозного мыслителя С.Л. Франка, ценность философской пропедевтики в том, что она позволяет молодому человеку решить две принципиальные задачи. Во-первых, освоить методологию научного знания, онтологию и этику в их единстве и взаимосвязи. Во-вторых, синергия философской науки и догматического богословия позволяет шире раздвинуть горизонты духовного мира человека, раскрыть экзистенциальную истину личного бытия, преодолеть в себе чувство отчужденности от Бога и осветить свой жизненный путь Фаворским светом любви и мира [18, с. 219].

В контексте философской пропедевтики важное значение в образовательном пространстве придаётся реализации полисубъектного (диалогового) подхода на основе доброжелательных, открытых и конструктивных отношений между представителями различных цивилизаций, народов, иных религиозных конфессий и традиций. Диалог в общении в целом и в образовании – это уникальный способ культурного саморазвития и самопознания, основанный на признании равноправия сторон и равноценности культур. В процессе диалога как способа коммуникации и общения у студентов формируется образ непредвзятого собеседника, появляется способность ставить вопросы и отвечать на них, воспитывается в себе достоинство и умение сотрудничать с представителями других этносов. Отличительной чертой диалогового общения является достижение взаимопонимания и доверия. В этой атмосфере всеобщего консенсуса молодёжь совершенствует свои навыки и умения бесконфликтного общения с максимальной ясностью передачи своих мыслей и творческих идей [25, с. 399–416]. Философская пропедевтика даёт возможность видеть глубинные смыслы происходящего и всего сущего. Вспомним, что смысл задаётся мышлением, сдвигом языковых значений. Здесь вовлекается целостный процесс мышления [12, с. 50–52].

Генезис философской пропедевтики. Философская пропедевтика восходит к эпохе, которую К. Ясперс назовёт «Осевым временем». Время, когда произошёл духовный перелом, когда архаичная картина мира полностью изжила себя. Человек стал искать новые основания личностного бытия, когда мифология и религиозный культ уже не соответствовали исканиям и чаяниям общества. Человек в целом меняет свои взгляды на прежнюю картину мира. Его стали интересовать вопросы о месте человека в

мироздании. Он скептически относится к древним мифологемам (сказание, предание), критически пересматривает готовые сентенции старой мудрости. Человек, образуя свои мысли, начинает вглядываться в себя извне, тем самым приобретая глубоко выраженную рефлекссию (взгляд на внутренний мир индивида). Слепой догматизм как способ мышления становится рудиментарным, на смену ему приходит поиск высоких идеалов. В обществе происходит переосмысливание ценностей. Каждая эпоха рождала своих духовных проводников, чья борьба призывала к поиску смысла жизни и места его во Вселенной. Объективные реалии того времени свидетельствовали о том, что в глубинах древнейших цивилизаций человечества создаются благоприятные условия для рождения уникальной формы духовной деятельности, имя которой философия [23, с. 315, 316].

Философская пропедевтика во времена Античности ставила своей главной целью сформировать культуру взаимоотношений между воспитанниками школ, передавать накопленный опыт, научить обмениваться мыслями и отстаивать свою точку зрения. Суть метода диалектики как раз и заключалась в том, чтобы ученики в процессе общения учились находить истину. Чёткость и внятность изложения своих доводов гарантировала достижение консенсуса и непротivления сторон в публичных дискуссиях. Традиционной формой диалектики являлся устный диалогический метод Сократа. Дидактическую релевантность сократического диалога отмечал другой великий древнегреческий философ Платон. В процессе живого диалога выявляются природные способности учеников к обучению наукам, философское знание передаётся в игровой форме [22, с. 349]. Платон утверждал, что первым делом необходимо привлечь к диалоговому общению своих слушателей, а затем вступить в диалог самому. О чём же может идти разговор? В первую очередь о первоначалах бытия и его модусах (свойствах), о природе человека и смысле его существования. Особое значение в учебном процессе Платон уделял повествованию о событиях личной жизни в прошлом, которые вызывали интерес в другом через последовательное ведение диалога и обращение к оппоненту с вопросами, на которые следует точно эксплицируемый ответ. Поэтому Платон подходил к процессу обучения, как к творческой деятельности, а вдохновение к нему он находил в глубинах собственной души. Из этого можно резюмировать, что Платон в основе философской пропедевтики видел два конститутивных принципа: это диалог и творческая деятельность [2, с. 13].

Французский философ-просветитель М. Монтень высоко оценивал эвристический диалог учителя с учениками, впоследствии получивший название сократовского диалога. Монтень призывает школьных учителей к такому процессу обучения и воспитания, при котором они бы не только говорили и учили выражать свои мысли, но и давали возможность своим подопечным участвовать в совместной деятельности, стимулируя их к диалоговому общению, творческой активности и сотрудничеству на принципах плюрализма мнений и взаимного консенсуса. При этом Монтень не забывал ссылаться на представителей древнегреческой мысли, теоретика Архелая и

его ученика Сократа. Позднее эти великие древнегреческие мыслители обучали своих воспитанников вступать в диалоговое общение первыми, не боясь выражать свои мысли, рассказывать о своих творческих планах, а затем и сами плавно становились участниками различных форм общения (дискуссии, полемика, синектика и др.). М. Монтень утверждал, что теоретическое знание не будет иметь никакой ценности, если оно не приносит пользу обществу: «Пусть наш юноша учится не столько отвечать уроки, сколько превращать их в жизнь», ведь, по словам выдающегося Монтеня, «учённость чисто книжного происхождения – жалкая учёность» [20, с. 158–198].

Ценностные приоритеты философской пропедевтики. История существования философской пропедевтики указывает на её самостийные ценностные ориентиры. Её миссия – в сохранении преемственности духовных и морально-нравственных основ, которые передаются от поколения к поколению и являются фундаментальными константами бытийствования человека. Демокрит любил повторять: «Знания воспитывают нравственность, а это качество, которое формирует личность» [10, с. 157]. Эпикур в заслугу философской пропедевтики ставит регуляцию поведения людей. Руководствуясь нравственно-этическими категориями добра, совести, чести, любви, дружбы и др. Например, в своем послании к Менекею он пишет: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не устаёт заниматься философией; ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перзрелым для здоровья души. Кто говорит, что ещё не наступило или прошло время для занятия философией, тот похож на того, кто говорит, что для счастья или ещё нет, или уже нет времени. Поэтому и юноше и старцу следует заниматься философией: первому – для того, чтобы старея, быть молодым благами вследствие благодарного воспоминания о прошедшем, а второму – для того, чтобы быть одновременно и молодым и старым вследствие отсутствия страха перед будущим» [17, с. 315–319]. Эпикур усматривал в философии способность вселять гармонию в человеческую душу, а перед жизненными трудностями и потерями оставаться стойким и невозмутимым.

Занятие философией всегда развивало умственные способности. Достаточно вспомнить, что понятие школы как особой обучающей структуры появилось вровень с зарождением философии и тесно связано с первыми философскими школами Древней Греции. Беседы мыслителей со своими приверженцами и учениками постепенно приобретали организационный и системный характер. Так в истории Древней Греции рождается образ первых школ как будущих учебно-воспитательных учреждений.

В России философские классы появляются в XVII в. с курсами метафизики, физики и логики, после чего философское образование стало рассматриваться как неотъемлемая часть духовно-нравственного развития личности. Важность философской пропедевтики в духовном воспитании заключается в том, что она преобразует внутренний мир молодого человека, делает его чище и светлее. Философский инструмент познания предстаёт путеводной нитью, следуя которой, человек заново рождается, его первая

человеческая природа становится одухотворённой и нравственно возвышенной. Философия выступает за то, чтобы духовность стала стержнем человеческой экзистенции, чтобы его не смогли сломить житейские невзгоды и любые превратности судьбы, чтобы разумное, доброе, вечное служило человеку спасительным маяком на пути нравственного совершенствования его личностных качеств [2, с. 14–16].

По мнению древнегреческого философа Эпикура, заниматься философией – достойное занятие, оно необходимо, чтобы избежать страха перед будущим, и делает человека счастливым. Возможно, мыслитель прав, рассуждая об образе счастливого будущего, который регистрируется экзистенциально и где эсхатологические представления о будущих судьбах мира элиминируются. Но на пути к счастью человека встаёт насилие, препятствующее построению глобального ненасильственного мира на основе принципов гуманизма, единства, равноправия и социальной справедливости.

Проблема насилия. Проблема насилия остаётся главной и пока неразрешимой, о чём свидетельствуют разные мыслители. Например, в эпоху Античности это были Гомер, Светоний, в Средневековье – Фома Аквинский. Обоснованием применения государственного насилия особенно подробно занимались философы эпохи Просвещения (И. Кант, Ш. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо и др.) [13, с. 87]. Из представителей русской философии проблемами насилия и жестокости занимались И.А. Ильин, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев и др. Из зарубежных мыслителей огромный вклад в изучение насилия внесли Э. Фромм, З. Фрейд, Р. Жирар, К. Лоренц и др.

Академик А.А. Гусейнов различает насилие как отношение людей в обществе, когда одни социальные группы (или индивид) с помощью различных форм принуждения, которые несут опасность для жизни и здоровья граждан, подчиняют себе других с целью приобретения или сохранения политического или экономического господства; узурпация тех или иных прав или привилегий (Гегель) [9, с. 473]. По мнению философа А.П. Мальцевой, коннотации насилия тесно связаны с противостоянием смыслов и групп, их охраняющих. Автор уточняет, что явление насилия носит скорее нерациональный и бессмысленный характер. Например, если кто-то в результате агрессивного поведения причиняет физический ущерб, вызывает психический дискомфорт и чувство страха у других и при этом ничем не обоснованно и совершенно иррационально, то такое действие можно квалифицировать как насилие. Далее А.П. Мальцева в своих размышлениях уточняет, что насилием называется агрессивное поведение, в котором отсутствует смысл. На примере нациста Брейвика насилие видится как утверждение главенствующей роли отдельного субъекта и отрицания им в различных областях деятельности законов природы и общества. Тогда насилие – это отказ от диалогового взаимодействия оппонентов, поскольку диалог является катализатором действий индивидов, в ходе которого на основе открытых и доверительных отношений достигается консенсус сторон. Всякий раз неторопливое осмысление феномена насилия в отношениях между людьми в рамках диалогового

общения, сопровождающегося взвешенностью аргументов каждого участника дискуссии, преследующих цель мирного, безнасильного существования, приводит к общественному согласию сторон соблюдать достигнутые в диалоге договорённости, которые, безусловно, изменят нашу жизнь к лучшему [19, с. 150, 151].

Насилие может проявлять себя разными способами, от распространения в Интернете запрещённого контента и до коррупции в высших эшелонах власти, особый импульс получило бытовое насилие и т. д. В самом широком смысле насилие можно рассматривать как посягательство на общественные отношения, объектом которых являются жизнь и здоровье человека, а также его права и свободы. Исторический анализ проблемы насилия подтвердил тезис о том, что в периоды различных социальных и экономических потрясений в обществе явление насилия приобретает обоюдоострый характер и может рассматриваться с различных точек зрения, например, военных, политических или социально-экономических.

В наши дни не выработана единая концепция по проблеме насилия, феномен социального насилия требует особого внимания. Социальное насилие – это прямое или косвенное применение силы или угроза такого применения с целью принуждения личности или группы лиц к детерминированному поведению, а также главенство власти одних над другими, чаще всего связанное с риском для жизни человека или определённых социальных групп [6, с. 995]. Социолог Т. Веблен полагает, что в основе детерминирования социального насилия лежат нереализованные социальные аффиляции (от англ. *affiliation* – принадлежность, потребность) в достижении определённого статуса, самоутверждения и престижа [5, с. 88]. Социальная аффилированность – производная от индивидуальных особенностей человека и от его положения в структуре общества. Из этого следует, что уровень социального недовольства в социуме в большей степени зависит от социального неравенства, которое вызвано неодинаковым доступом к материальным благам, власти различных социальных групп, слоёв, классов [26, с. 37]. Неравенство объективно заложено в различных возможностях людей. Отсутствие справедливости и равноправия вызывает в обществе недовольство властью, разжигает в людях агрессию, ярость, ненависть, нетерпимость и даже месть, которые могут служить мотивами совершения особо тяжких преступлений, например, убийства, теракта, похищения человека и т. д.

По утверждению социологов, первопричиной совершения насильственных действий в современной России является социальная несправедливость и социально-экономическое неравенство. Данные явления опосредованы следующими факторами: глубокое расслоение общества на богатых и бедных (которых абсолютное большинство) граждан; наделение особыми привилегиями и полномочиями аппарата власти; отсталость российской экономики от других стран; духовный кризис. Все эти негативные явления возникают тогда, когда люди имеют неравный доступ к экономическим, властным и духовным благам, которые человек считает для себя жизненно необходимыми и

полезными и поэтому нуждается в этом. Все эти факторы (обстоятельства) имеют социокультурную и образовательную основу, исходят из социально-психологического уклада жизни и биологических особенностей человека [21, с. 785–791].

Ещё великий Гёте говорил, что готов не только простить, но даже по-дружиться со своими обидчиками, но после того, как их повесят. Этот принцип талиона (противления злу насилием), заимствованный древними иудеями из обычного архаичного права, не изжил себя и по сей день, но только необузданной жестокости и несанкционированного насилия не стало меньше. Адекватность сопротивления злу силой не преграждает путь насилию, а лишь усиливает циркуляцию ещё большего насилия. Вполне очевидно, что проблема борьбы с культом смерти требует ситуативного анализа, но общественное мнение вновь и вновь поднимает вопрос борьбы с неизжившим себя насилием, но не на основе кровной мести, а на императиве противостояния со злом прежде всего в душе самого человека. Другими словами, пробудить в себе духовность и начать борьбу со злом в своей душе. И люди, которые испытывают в себе такие духовные связи, должны помогать друг другу в этой схватке антагонизмов, проявляя человеколюбие и сострадание.

Всё это воодушевляет, но пока остаётся целью будущего, но не реальностью. Сегодня общество становится жёстким, рациональным и прагматичным. Молодые люди в своей повседневной жизни часто сталкиваются с проявлениями насилия в школе, семье, Интернете или просто на улице и на бессознательном уровне, сами того не ведая, приучают себя к ненависти и жестокости. Агрессия становится спутником их жизни. Чувство сострадания и сопереживания чужому несчастью становится у молодых людей редким качеством их собственной души [15].

Аксиологический посыл философской пропедевтики в противодействии насилию. Возникает вопрос о ресурсе философской пропедевтики в решении проблем, связанных с насилием [8, с. 35–41]. Аксиологическая составляющая философской пропедевтики ориентирована на отстаивание таких незыблемых ценностей, как добро, жизнь, справедливость, истина, красота. Она заключается в актуализации принципов гуманизма, к которым относятся высшая ценность человека (это его жизнь и здоровье), его право на личное счастье, а также желание жить в гармонии с окружающим его миром, воспитание человеческого в человеке [7, с. 294–297]. Гуманизм – это человеколюбие. Это не просто черта характера самого человека, это безграничное проявление любви, дружбы, милосердия к окружающим, а также фундаментальные нравственные категории, например, честь, совесть, долг, культура, братство и созидание. Сущностью гуманистической функции является признание человеческой личности высшей ценностью. В ней воедино сливаются общечеловеческие и эстетические ценности, которые обогащают внутренний духовно-нравственный мир человека и возвышают его человеческое достоинство. Гуманистическая функция имеет важное значение, поскольку направлена на практическую реализацию идеи об особой

ценности существования человека в мире, о его неповторимости и уникальности окружающего его бытия. Лейтмотивом гуманистической функции философии является любовь и уважение к человеку с её сквозной идеей антропоцентризма, которая вступает в открытую конфронтацию с философией трансгуманизма, ратующей за превращение человека в существо, подобное вещи. Сущность доктрины трансгуманизма – это преобразование её в общественное движение, которое отрицает гуманистические ценности и выступает за искусственное моделирование природных свойств человека с целью достижения бессмертия. Трансгуманизм грубо вмешивается в человеческую природу, фактически уродует его первообраз, заменяя синтетическим конгломератом искусственного заменителя мозга, протезов, интерфейсов, чипов с элементами искусственного интеллекта и т. д.

Сегодня в мире, когда происходит процесс девальвации традиционных ценностей, а на смену им приходят ложные ценности трансгуманизма и различного рода перверсии, им во многом противостоят люди, ищущие абсолютные и непреходящие ценности, которые сформировались задолго до Нового времени в философско-религиозных учениях Древнего Востока, а позднее и в Италии в эпоху Ренессанса.

Целый клад идей гуманизма представлен в русской философской мысли, где отражено всё величие национальной культуры народов России. Практически всё наследие русской философии пронизано темой любви к ближнему, поддержке и спасению, состраданию и сопереживанию чужому горю или несчастью. Особенно органично это представлено в творчестве великих русских мыслителей Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева. Тема человечности в их творчестве центральная, что делает их ярчайшими проповедниками идей гуманизма. Яркой экзистенциальной заострённостью отличаются произведения Ф.М. Достоевского, С.Л. Франка и других. Так, по внутреннему убеждению С.Л. Франка, ненависть и отсутствие творческой активности приводит человека к нравственному рабству и снижает его концепцию жизни до удовлетворения лишь своих животных инстинктов. Духовная деградация общества наступает, когда происходит перекося в системе традиционных ценностей из-за недостаточного внимания к системе образования со стороны государства, результатом которого может быть падение нравов и девальвация ценностей гуманизма [4, с. 205, 206].

Аксиологическая составляющая философской пропедевтики – это наполнение внутреннего мира человека духовным и нравственным содержанием, возвышающим его человеческое достоинство и вдохновляющим на свершение высокого гражданского долга перед обществом и самим собой [1]. В. Лосский различал ценность как нечто смыслодержущее и относящееся к личности, её поступку [16, с. 250]. Макс Шелер, основоположник философской антропологии, считал, что ценности – духовные сущности, которые он видел в вечной «*Deitas*» – божестве, духе, самообнаруживающиеся в акте эмоциональной интуиции и находящиеся вне пространственно-временной реальности, их можно только чувствовать, и то не все. Философ, как

и многие до него, пытается создать свою систему ценностей. Ценности святого образуют вершину его пирамиды. Следующая ступень – духовные ценности, куда входят ценности истинного познания, эстетические и этические ценности. К этому ряду относятся и ценности жизни или ценности благородного. И замыкают иерархическую систему ценности низшего порядка – это царство удовольствия и наслаждения [14].

Определимся с феноменом духовности. Так, по мнению Е.С. Элбакян, духовность – это понятие светского и религиозного мировоззрения, под которым подразумевается высокая нравственность, доброта, душевность, творческий потенциал, интеллектуальность (светское понимание) и выход за пределы земного наличного бытия духовного человека, приближающее его к Богу (религиозное понимание), например, в христианстве причастность человека к Духу Святому [27, с. 58]. Л.П. Бучева определяет духовность как показатель существования иерархии ценностей, целей и смыслов, которые определяют образ человеческий в каждом индивиде [3, с. 192]. В широком смысле духовность человека проявляется в его потребности и способности познавать окружающий его мир и самого себя, находить ответы на самые глубинные вопросы человеческого бытия: о смысле жизни, о добре и зле, о любви и смерти, повышать свой моральный облик и укреплять нравственный потенциал, который и является критерием духовности. Под духовно-нравственными ценностями понимаются конституирующие человека как личность отношения человека к человеку, к семье и обществу. Речь идёт о тех принципах и нормах, которые укоренены критериями добра или зла, правды или обмана, истины или лжи [11, с. 9].

Но сегодня очевиден тот духовный кризис, который разразился на стыке веков в связи с появлением новых вызовов. Выходом из затяжного кризиса духовности может стать переосмысление вечных (высших) ценностей (истина, справедливость, добро, красота, любовь, милосердие и т. д.), которые наполнены колоссальным внутренним содержанием морально-этического и духовно-нравственного порядка. Необходимо всю жизнь учиться, чтобы постичь высшие человеческие ценности и руководствоваться ими на протяжении всей своей жизни. Особая роль в этой духовной миссии отводится образованию и культурному воспитанию современной молодёжи. Потому что без культурных ценностей и связи с духовно-нравственной традицией человек чаще всего перестаёт быть человеком, он деградирует и скатывается в варварство. Если и дальше нравственный дух народа будет подвержен такого рода процессам и явлениям, то образ будущего развития нашего общества представляется весьма туманным [4, с. 231].

Сегодня в Указе Президента РФ В.В.Путина от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определены 17 традиционных ценностей для народа России. Это жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Также к ним отнесены высокие

нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность, а также единство народов России [24].

Заключение. Проблема насилия в современном глобальном мире и в России остается неразрешимой. Она требует дальнейшей концептуализации. Философская пропедевтика предстаёт важным концептуальным решением проблемы насилия. Краткий анализ философской и социогуманитарной литературы показал, что ценностный потенциал философской пропедевтики в образовании российской студенческой молодёжи является инструментом преодоления духовно-нравственного кризиса в России, который проявляется такими человеческими пороками, как жадность, зависть, жажда власти, ненависть, вожделение, злоба, нетерпимость, жестокость, месть. Все эти духовные и нравственные недостатки человека подталкивают его к насилию. Философская пропедевтика призывает к конструктивному и равноправному диалогу цивилизаций, культур, к мирному и бесконфликтному сосуществованию народов. Философская пропедевтика инициирует умение человека выстраивать диалог и добиваться взаимопонимания и уважения между представителями разных народов, иных культурных традиций и вероисповеданий. Философская пропедевтика в системе образования способствует формированию коллективной (национальной, гражданской, религиозной) идентичности на принципах гуманизма, где высшей ценностью является жизнь человека, а основу человеческих отношений составляет добро, любовь и дружба. Возможно, что через духовное возрождение российского общества удастся избежать дальнейшей деградации русской цивилизации, её народа, отдельного россиянина. Сама идея духовно-нравственного воспитания молодёжи на основе традиционных ценностей во многом предопределяет дальнейший путь построения мира без насилия в нашей многонациональной и поликонфессиональной стране.

Список литературы

1. Аксиологическая функция: описание, виды, методы исследования. [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru>article/437432/aksiologicheskaya-funktsiya-opisanie-vidyi-metodyi-issledovaniya>. (дата обращения 03.04.2023).
2. Борисов С.В. Философская пропедевтика: теория и практика. Монография. М.: Издательство «Спутник +», 2003. 228 с.
3. Буева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Вопросы философии. 1996. № 2.
4. Бурняшева Л.А. Газгиреева Л.Х. Духовно-нравственная сфера общества в условиях нового миропорядка: социально-философский аспект. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 247 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
6. Грицанов А.А. Всемирная энциклопедия. Философия. Социальное насилие. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор. 2001. С. 995.

7. Грязнова Е.В. О прогностической и гуманистической функциях философской антропологии в образовании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. Серия: Философские науки. 2020. Т. 9, № 1 (30). С. 294–297.
8. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. Серия: Философия и этика. 1994. № 6. С. 35–41.
9. Гусейнов А.А., Солодухин Ю.Н. Философский словарь / изд. 9-е, дораб. и доп. М.: Мир философии; Алгоритм, 2021. 941 с.
10. Дынник М.А. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 239 с.
11. Евстифеева Е.А., Э.Ю. Майкова, Филиппченкова С.И. Человеческий капитал и здоровье молодежи Тверской области: исторические корни и духовно-нравственный потенциал. Тверь, ТвГТУ, 2020. 167 с.
12. Жужгова Н.В. Философская пропедевтика в системе образования // Проблемы и перспективы развития образования: матер. VIII междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. С. 50–52.
13. Игнатъев В.И., Бодрова Ю.В. Проблема насилия в ретроспективе гуманитарного знания // Идеи и идеалы. Серия: Философская традиция и современный мир. 2017. Т. 1, № 3 (33). С. 87–99.
14. Иманбаева Ж.М. Культура как система ценностей // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 44–57.
15. Коваль Б.И. Солидарность и толерантность против насилия // Личность и мир. 2001. № 10. 71 с.
16. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
17. Лукреций Кар. О природе вещей / перев. и комм. М.Л. Гаспарова. М.: Издательство «Художественная литература». 1983. 383 с.
18. Лысикова Н.П. С.Л. Франк о приоритетных началах философской пропедевтики // Парадигма. Серия: Философия. 2017. № 27. С. 83–89.
19. Мальцева А.П. Насилие как феномен и как понятие // Человек. 2013. № 3. С. 147–151.
20. Монтень М. О воспитании детей. Монтень // Опыты. Избран. произвед. в 3-х томах. М.: Голос, 2000. Т. 1. С. 158–198.
21. Нерсисянц В.С. Право // Юридическая энциклопедия. / под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 2001. С. 785–791.
22. Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1. 685 с.
23. Семушкин А.В. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Изд-во РУДН, 2009. Т. 2. 632 с.
24. Традиционные ценности в России, что входит, какие меры приняты, кто угрожает. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru>>Политика>> Картина дня. (дата обращения 05.04.2023).
25. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 3. 510 с.
26. Фролова М.А. Политическая стратификация. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. 108 с.
27. Элбакян Е.С. Религии России. Словарь-справочник. М.: ООО «Издательство Энциклопедия», 2014. 464 с.

VALUE PLATFORM OF PHILOSOPHICAL PROPAEDEUTICS IN VIOLENCE PREVENTION

E.A. Evstifeeva, V.V. Cherney

Tver State Medical University, Tver

The study reveals the existential meaning of philosophical propaedeutics, which is aimed exclusively at the spiritual mission of returning humanity to man and society, overcoming the abyss of spiritual degradation in society, and bringing harmony to relationships between people, to build a world without violence and war, to re-realize the positive principles of social existence. To achieve this goal, it is necessary to solve the following tasks. Firstly, to teach students to philosophize, since only philosophy can open the doors to the world of spiritual nature. Secondly, to help find new facets of relationships between people. Thirdly, to popularize the knowledge of Russian philosophy as the greatest treasury of the national culture of the peoples of Russia. The relevance of the topic lies in the fact that it appears as an instrument for the formation of a culture of thinking, initiates a person's awareness and reflexivity in relation to himself and others, the social life of the world as a whole, sets him up for understanding modern problems and for value-based opposition to violence in all its varieties.

Keywords: *student youth, philosophical propaedeutics, value platform, traditional spiritual and moral values, violence prevention.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

ЧЕРНЕЙ Владимир Васильевич – ассистент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»; аспирант кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: pif@mail.ru

Authors information:

EVSTIFEEVA Elena Aleksandrovna – PhD, Professor, Head of the Department of Philosophy and Psychology with courses in Bioethics and History of the Fatherland, Tver State Medical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

CHERNEY Vladimir Vasilievich – assistant at the Department of Philosophy and Psychology with courses in bioethics and history of the Fatherland, Tver State Medical University; PhD student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2024

Дата принятия рукописи в печать: 29.05.2024

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.170

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА: ПОИСК ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Цель статьи – рассмотрение способа теоретизирования, присущего экзистенциальной метафизике истории Н.А. Бердяева. В ходе проведенного анализа выявлено, что созданная им экзистенциальная метафизика истории является результатом поиска постклассической стратегии религиозно-философского истолкования истории. Опровергая тот способ субстанциального историософского теоретизирования, который был присущ классической мысли модерности и глубоко укоренен в иудеохристианской традиции, Бердяев в ключе экзистенциальной метафизики конечности и присущей ей понимающей установки попытался напрямую синтезировать экзегетику христианской мифологии с генеалогическим методом Ф. Ницше и морфологией истории О. Шпенглера. В целом, его историософская мысль может быть интерпретирована как несущая в себе неустранимое противоречие понимающего подхода и референции к стереотипам классического историософского теоретизирования, глубоко укорененного в модели иудеохристианской диахронной схематики развития человеческого сообщества.

Ключевые слова: *экзистенциальная метафизика истории, постклассическая религиозная философия истории, субстанциальная историософия, понимающая установка, генеалогия.*

Введение

Метафизика истории Н.А. Бердяева сформировалась в поле влияния не только классической западноевропейской философии, но и под непосредственным воздействием неклассического ее варианта. Она несет в себе очевидный отпечаток стереотипов как классического, так и постклассического способов историософского теоретизирования. Разумеется, их восприятие происходит в пространстве имманентных тенденций развития русской философской мысли, присущих ей особенностей видения смыслового наполнения истории. Как философ, истолковывающий историю в русле христианской традиции, Бердяев, разумеется, не мог пренебречь базовыми провиденциально-эсхатологическими установками ее интерпретации, а значит, и схематикой динамики пути человечества, которая предполагалась таким подходом. Естественно, что он обращался к тем сценариям

© Губман Б.Л., Ануфриева К.В., 2024

субстанциального построения хода истории, которые возникали в сочинениях христиански мыслящих теоретиков от Августина до Ф.В.Й. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля и В.С. Соловьева. При этом, как автор в полной мере воспринявший результаты «критики исторического разума» он страстно желал не повторять мыслительные ходы субстанциального теоретизирования и развивать свое собственное историософское учение в духе «критической» платформы, унаследованной им от философии жизни Ф. Ницше и О. Шпенглера и трансформированной в русле экзистенциально-персоналистического подхода. В статье предпринята попытка аналитики экзистенциального осмысления Бердяевым уроков «критики исторического разума», предложенного неакадемической философией жизни, их синтеза с корпусом представлений христианской мифологии, что позволило ему создать учение, осуществляющее баланс на грани понимающей и спекулятивной философии истории.

Полемика с классической философией как пролог поиска пост-классической стратегии религиозной историософии

Экзистенциальная философия истории Бердяева выстраивается в полемике с классическими версиями субстанциалистского историософского теоретизирования новоевропейского типа. Они, как известно, опирались на рационалистически-оптимистическую установку принципиальной возможности постижения исторического процесса, его видения в перспективе прогресса, европоцентризма, поиска гуманистического смыслового содержания социокультурного развития и возможности выдвижения на этой основе глобального идеала будущего. Вполне очевидно, как подчеркивал еще К. Маркс, что подобная стратегия подхода к истории явилась во многом итогом ее секуляризированного истолкования в границах иудеохристианской традиции. Именно с такой версией секулярного новоевропейского видения истории в субстанциальном ключе, наиболее рельефно представленной в произведениях Гегеля и Маркса, полемизирует Бердяев. Однако при этом перед ним сразу же возникает серьезная теоретическая проблема: можно ли сохранить целостное христианское видение истории, отбрасывая стереотипы субстанциального историософского дискурса? Она прорисовывается сразу в двух ракурсах. Во-первых, возникает вопрос возможного сценария сохранения в качестве основы христианского истолкования истории мифологического корпуса религиозной традиции, отказываясь от его философски-субстанциальной экзегетики в духе саморазвертывания гегелевской абсолютной идеи или торжества на ниве истории эмансипирующего в финальной инстанции человечество исторического праксиса. Во-вторых, даже при условии позитивного ответа на этот многотрудный вопрос, остается и еще один - какую эпистемологическую установку следует избрать для работы с корпусом мифологических представлений иудеохристианской традиции для успешной ее апроприации в целях построения целостного истолкования истории? По сути дела, как раз с этими весьма нелегкими

проблемами и попытался разобраться Бердяев при построении своего собственного историософского учения.

Расставание с классическим типом новоевропейского историософского теоретизирования произошло на фоне трансформации его общемировоззренческих исканий. Оно, по его собственному признанию, было связано с постепенным отходом от его увлечений в пору молодости идеями немецкой классической философии и марксизма к формированию собственной религиозно-философской позиции. В философии И. Канта Бердяев увидел прежде всего обоснование надприродности и нередуцируемости к внешним обстоятельствам человеческой свободы. «Из философов же, – вспоминает он о формировании своего доминантного интереса к свободе, – наибольшее значение имел Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательная, не до конца развитая» [3, с. 49]. Бердяеву представлялось, что вся последующая традиция немецкой классической философии в значительной мере уходит от изначальной направленности кантовской мысли по пути свободы и творчества, следуя маршрутом рационально выверенного метафизического теоретизирования. «Метафизическое же развитие германского идеализма после Канта – у Фихте, Шеллинга, Гегеля, при всем обнаружившемся тут гении, шло в ложном направлении, в направлении монизма, в устранении вещи в себе, в окончательной замене трансцендентности Божества, становящимся в мировом процессе Божеством эволюции, утере свободы в необходимости торжествующего мирового Логоса» [3, с. 84]. Эта «утрата свободы» в рационально-системном теоретизировании немецкой классики не устраивает Бердяева и применительно к развиваемому ее представителями видению исторического развития. Ей оказался, с его точки зрения, приверженным и К. Маркс, в сочинениях которого историческая необходимость торжествует на ниве мировой истории над изначально декларируемым вектором движения человеческого сообщества по пути освобождения. Хотя идеи Маркса и рассматриваются Бердяевым в качестве чуждых в целом его собственным историософским устремлениям, он полагал их достойными уважения и признания их критико-философского пафоса [3, с. 77]. Отвержение стандартов классической историософии потребовало от Бердяева поиска стратегии альтернативного плана.

В этой связи самым основным моментом для него становился выбор кардинальной стратегии философского теоретизирования, которая должна быть реализована в постижении смысла истории. На протяжении своего творческого пути Бердяев старается – пусть и по-разному – обосновать собственный взгляд на задачи философского поиска в ключе его подтверждения религиозно фундированным опытом свободы. Именно переживание дарованного человеку свыше и превышающего любые каноны рациональной интерпретации опыта свободы и составляет ту отправную точку, с которой он полемизирует с философской классикой, начиная еще с произведений дореволюционной поры. «Отречение от разума мира сего – безумие в Боге

есть высший подвиг свободы, а не рабство и мракобесие: отречение от малого разума, преодолением ограниченности логики обретается разум большой, входит в свои права Логос. Малый разум есть *ratio*, он рационалистичен, большой разум есть *Logos*, он мистичен» [5, с. 35], - писал Бердяев, поясняя далее, что «малый разум» исходит из противопоставления субъекта и объекта, дискурсивности, тогда как «большой разум» снимает их полярность, утверждает тождественность таковых и пользуется при этом интуитивной способностью. В круг учений, неверно понимавших «большой Логос» и стремившихся поработить его рациональными средствами, им включаются даже гегелевские построения, «гнозис» созданной им диалектико-логической системы как неспособный выразить подлинную, иррациональную по своему характеру и бесконечную мистическую глубину божественного творения. Характерно, что рассуждая о том, что религия и мистика – источник подлинной философии, обличая пороки новоевропейской философии, Бердяев пользуется, вопреки своим инвективам в ее адрес, тем инструментарием, который был отчеканен еще в кантовском исполнении: в основе его критики лежит противопоставление рассудочного и разумного начал, первое из которых всегда отмечено сфокусированностью на данности опыта, а второе обращено к смыслопостижению финальных оснований мира человека. Поэтому, говоря о мистическом истоке разумного как основе критики любых частных рассудочных суждений, он стремится низвергнуть основы новоевропейского философского мышления в границах заданных им же категориальных средств. В любом случае, весь ход его рассуждений обращен на утверждение порочности любых рациональных философских схем, если они не «схватывают» свободу как основополагающую бытийную характеристику.

Новый тип критики предшествующей философской мысли появляется в поздних сочинениях Бердяева на базе восприятия им фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. На страницах «Бытия и времени» звучит обличение всей предшествующей европейской метафизической традиции как упустившей из внимания главный бытийный феномен – существование человека во времени. Так возникает новый вариант онтологического мышления в формате метафизики конечности, который инспирирует критику классических онтологических построений Бердяевым. «Позже, в последние годы, - писал он, - я пришел к тому, что само бытие не первично и есть уже продукт рационализации, обработки мысли, т. е., в сущности, пришел к отрицанию онтологической философии. Это был разрыв с онтологической традицией Парменида, Платона, Аристотеля, Фомы Аквината, многих течений новой философии вплоть до Вл. Соловьева с его учением о всеединстве» [3, с. 88]. Бердяев полагал, что критику традиционной онтологии классического типа с ее субстанциальной основой теоретизирования можно вести не обязательно в ключе Хайдеггера или Ясперса, а вполне возможно обратиться для этого к построениям Канта или Я. Бёме. Более того, хотя сам он выстраивает стратегию своего теоретизирования именно в духе

метафизики конечности, ему кажется вполне уместным порицать Хайдеггера за недостаточный радикализм в критике онтологического теоретизирования. Он притязает на то, что обосновывает своим учением примат первичной «добытийственной свободы» как основы интерпретации всего сущего, исторического становления. Источником его построений при этом служит идея «Ungrund» («Безосновного») Бёме. Однако при этом стоит вспомнить, что построения последнего, равно как и инспирированные им идеи Шеллинга имеют очевидные платонистические корни, а, значит, Бердяев вновь использует продукты классической мысли для ее критического отрицания (см.: [10]).

В своих размышлениях относительно истоков своего антисубстанциалистского мышления, имеющего прямой выход в его историософские конструкции, Бердяев указывает как на собственно христианских авторов, так и на тот стиль мысли, который ориентирует на построение теоретикомировоззренческих представлений на базе переживания опыта свободы и представлен в неакадемической философии жизни и экзистенциализме. В результате своеобразного «сплава» этих двух идейных предпосылок возникает возможность решать как общефилософские, так и историософские проблемы, минуя путь субстанциального, классического по своим корням теоретизирования, и следуя, на его взгляд, прямо к философской экзегетике корпуса христианской мифологии.

В ряду христиански инспирированных авторов, создающих своеобразный стартовый момент такого типа теоретизирования, Бердяев, кроме уже упомянутых Бёме и Шеллинга, обычно подчеркивает значение для формирования собственного типа мысли наследия А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, размышлений В.С. Соловьева о «Богочеловечестве», и более всего творчества Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, особо акцентируя близость к собственной позиции именно его воззрений[3, с. 143]. Вполне понятно, что Бердяеву созвучны устремления А. Шопенгауэра, но, конечно же, особое влияние на стиль его теоретизирования оказал Ф. Ницше, а позднее и О. Шпенглер. В сочинениях Бердяева позднего периода его творчества часто встречается обсуждение идей философской антропологии М. Шелера. В эмиграции он познакомился со взглядами Э. Мунье и других персоналистов. Среди философов экзистенциальной плеяды он часто ссылается на наследие С. Киркегора, К. Ясперса и даже Ж.-П. Сартра, но непосредственным философским визави его размышлений все же является М. Хайдеггер. Именно в полемическом диалоге с его воззрениями рождается его собственное видение истории в экзистенциально-персоналистическом измерении.

Отказываясь от субстанциального теоретизирования, Бердяев последовательно проводит эту установку применительно к философскому пониманию истории. История предстает, в его трактовке, как поле свободной самореализации личности, мистически устремленной к Абсолюту и «вычитывающей» смысл ее событийной канвы через горизонт собственного существования во времени. Не заранее сформулированная субстанциальная

заданность курса истории, а ее прочтение на фоне корпуса мифологических представлений христианства должны стать, по Бердяеву, основой никогда не завершенного стремления личности узреть контуры ее мистической кооперации во времени с Абсолютом. В подобном варианте низвержения любых субстанциальных схем истории со всей очевидностью встает вопрос о способе переживания и стратегии концептуального осмысления неповторимого опыта пребывания в совместно созданных людьми духовно-культурных мирах.

Религиозно-философское видение истории в экзистенциально-персоналистическом измерении

Рассуждая о способе построения экзистенциально ориентированной метафизики истории, Бердяев изначально декларировал свою приверженность персоналистической установке, делая ее центральным и исходным звеном опыт личностного переживания смысла событий, вершащихся в диахронии непрестанного становления неповторимых событий культурного творчества. «История, как величайшая духовная реальность, – писал он, – не есть данная нам эмпирия, голый фактический материал. В таком виде истории не существует и ее опознать нельзя. История познается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное отношение к «историческому» в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным» [4, с. 16]. Таким образом, историческое познание вырисовывается производным от исторической памяти, носителем которой выступает личность, вовлеченная в своем неповторимом бытии в течение времени и одновременно сопричастная вечности. Онтология исторического существования вырисовывается задающей сам способ понимания минувшего. Для Бердяева такой подход – отличительная черта предлагаемой им стратегии христианского философского гнозиса исторической реальности в ее данности и мистически открывающейся глубине [7, с. 399]. Очевидно, однако, что такая тональность его рассуждений выявляет глубокое освоение не только христианской мистической традиции, но и уроков «критики исторического разума». Хотя в полемической запальчивости ему было свойственно обвинять гносеологию в «бюрократической» мелочности и «полицейском» диктате, бранить за приверженность этим порокам неокантианство, сам Бердяев впитал ценные выводы эпистемологических исканий не только современных ему продолжателей дела Канта, принадлежавших к Баденской школе, но и размышлений сторонников философии жизни в области «критики исторического разума». Иначе не мог бы состояться и переход к выдвинутому им в границах собственной религиозной версии метафизики конечности истолкованию природы поиска смысла истории.

«Каждый человек по своей внутренней природе, – заключает Бердяев, – есть некий великий мир, - микрокосм, в котором отражается и пребывает весь реальный мир и все великие исторические эпохи: он не

представляет собой какой-то отрывок вселенной, в котором заключен этот маленький кусочек, он заявляет собой некоторый великий мир, который может быть по состоянию сознания данного человека еще закрытым, но по мере расширения и просветления его сознания, внутренне раскрывается» [4, с. 19]. Подобно Хайдеггеру и независимо от него, русский автор приходит к мысли, что человек и есть основание существования исторического мира и возможности его осмысления. Историчность человеческого существования, с его точки зрения, создает возможность всемирной истории. Желание понять свое место в ее контексте составляет неискоренимый мотив обретения ее целостного видения в потоке времени [4, с. 21]. Потому-то центральной темой философии истории Бердяев считает обнаружение ее смысла – личностного измерения целостности всемирной истории в ее духовно-культурном многообразии. Понимающая версия развиваемой им философии истории опирается на собственное видение онтологии личностного существования на грани времени и вечности.

Для Бердяева не свойственно, в отличие, например, от М. Хайдеггера, подробное описание феноменологического инструментария, позволяющего зафиксировать путь создания метафизики конечности через характеристику конституирования мира *Dasein*. Он исходит из конкретности опыта пребывания личности в потоке временного становления, наделяемого бытийным статусом, но для того, чтобы утвердить его онтологическое измерение, он сразу же прибегает к авторитету традиции христианской мифологии. Она позволяет, в его понимании, соединить неразрывными узами «потустороннее» и «посюстороннее», показать, что человеческая судьба, прорисовывающаяся в истории, имеет одновременно метафизический характер и связана с божественным началом. Именно эта амбивалентность человеческого бытия раскрывается в драме истории, позволяющей видеть за рациональной ее стороной, логической мотивированностью действий людей глубоко иррациональный фон. Прийти к такому видению истории, по Бердяеву, дает возможность ее «христоцентрического» постижения в свете опыта веры. «История, – утверждает он, – есть свершение, имеющее внутренний смысл, некая мистерия, имеющая свое начало и конец, свой центр, свое связанное с другим действие, история идет к факту – явлению Христа и идет от факта – явления Христа» [4, с. 27]. Этот мистериеский момент представляется ему основой истории, ее центром и целью, определяющей ход ее драматического развития.

Исторический процесс рисуется Бердяеву как «богочеловеческий» по своей основе, предполагающий взаимодействие человека и Абсолюта. «Роковая ошибка – разрывать богочеловечность на две части: в религии, в духовной жизни действует только Бог; в культуре, в культуре, в социальной жизни действует только человек. В действительности богочеловеческая связь есть и тут, и там» [6, с. 345]. Человек, таким образом, оказывается творцом истории и толкователем ее смысла, поскольку постоянно тяготеет

к присутствующему в нем абсолютному началу. Такая связь, онтологически задающая его историчность, сопряжена с его существованием во времени.

Время как измерение человеческого существования изначально возможно, по Бердяеву, как заданное сопряженностью своей с божественной вечностью, тайной творения, провиденциальным планом и эсхатологическим финалом истории. Он задумывается о том, что прошлое, принадлежащее истории, нельзя считать просто чем-то безвозвратно утраченным и лишенным статуса реальности, призрачным и «провалившимся в бездну небытия». Как раз это предполагаемое небытие прошлого Бердяев и отвергает как иллюзию, порожденную нашим существованием в настоящем между прошлым и будущим. «Прошлое со своими историческими эпохами есть вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия. Каждый может быть приобщен к истории, поскольку он существует в этой зоне мировой действительности. Поистине, религиозное начало не может примириться с тем, чтобы что-нибудь из подлинно живого могло умереть, исчезнуть» [4, с. 57]. Именно таково христианство как «религия воскресения». «Христианство, в нашем времени, в нашем временном процессе, мировом и историческом, обозначает то, что вечность, т. е. божественная действительность, может внедряться во времени, разрывать цепь времени, входить в нее и являться в ней преобладающей силой» [4, с. 53]. В отличие от августинианского понимания времени истории с его приматом момента настоящего как сопричастности вечности, равно как и трактовки такового Хайдеггером, утверждающей первенство будущего, Бердяев полагал, что не только настоящее, но также прошлое и будущее фундаментально сопряжены с вечностью.

Отвергая любые варианты классического спекулятивного поиска субстанциального основания истории от Гегеля до Маркса, Бердяев полагал, что они девальвируют событийность и бытийное смысловое содержание происходящего во времени и переживаемого в настоящем экзистенциальным субъектом на основе онтологически присущей ему способности памяти. Человек пребывает в потоке времени и обречен на постоянный поиск смысла истории, объединенной с высшей божественной реальностью осевым актом явления Христа. Сам ход истории, предполагающей мифологическое видение ее как связанной с актом творения, происходящей перед оком божественного творца в борении «двух градов» и предполагающей открытость эсхатологического финала, имеет событийную самоценность и несет в ее ткани драматическое столкновение добра и зла. Понимание смысла истории Бердяевым должно, по его замыслу, быть постоянно возобновляемой попыткой гностического порыва к раскрытию ее содержания через синтез конкретики вершащегося во времени с мифологическим фоном.

Мистически постигаемое задает временную основу опыта понимания неповторимых событий истории. Однако этот исторический опыт, как сразу подчеркивает Бердяев, не был бы таковым, если бы не

конституировался конкретной событийностью того, что наполняет время. Опыт истории трактуется им под непосредственным влиянием учения Ф. Ницше о вечном возвращении. Его открытость будущему и постоянное возрождение востребованного прошлого в настоящем задает, по Бердяеву, само отношение к исторически свершившемуся.

Острое переживание кризисности современности, ее антиномичной противоречивости заставляет задуматься о смысле и истоках происходящего в динамике времени истории. Вслед за Ницше, Бердяев, не верящий в историческую необходимость и любые схемы ее универсальной и закономерной реализации, подчиняющие себе уникальные события, считает важным обнаружить смысловые истоки современной ситуации, опираясь на конкретный генеалогический анализ вершащегося сегодня (см: [9, с. 88–94]). Его обращение к генеалогической стратегии предполагает одновременно и ее синтезирование с морфологическим анализом истории культуры в ключе также вдохновленного мыслью Ницше О. Шпенглера.

Синтез мыслительных подходов этих двух теоретиков звучит вполне органично в контексте историософских построений Бердяева, отталкивающегося в конечном итоге от истолкования внутреннего смысла хода истории в перспективе корпуса установок христианской мифологии. Релятивность обнаруженных смысловых нитей, связующих в формате генеалогического анализа настоящее и минувшее, сообразно с его мировоззренческой установкой, требует принятия абсолютной точки отсчета, возвышающейся над любыми «раскопками» ткани традиции. Бердяев, разумеется, критически воспринимает и морфологическую установку Шпенглера, предполагающую плюральную несопоставимость культур, явленных ходом истории. Шпенглер, заявляя такую платформу видения истории попадает, по справедливому замечанию Р. Арона, в парадоксальную ситуацию: ведь если нет возможности обозреть в какой-либо перспективе панораму всемирной истории, то и его собственные построения оказываются невозможными по определению и даже можно поставить под сомнение «реальность» осуществляющего такую мыслительную операцию субъекта. Вполне логично поставить под сомнение возможность существования Шпенглера как теоретика отрицаемой им всемирной истории, которая воспринимается им как «пустой звук». Для Бердяева абсолютная точка отсчета христианской мифологии как раз позволяет сопрягать генеалогический подход с допущением морфологического многообразия культур, наличия их незримой души и символического проявления таковой в ключе построений Шпенглера [2, с. 370–372]. В произведениях Бердяева можно встретить утверждение об отсутствии имманентного смысла истории, которое следует, вероятно, понимать как отрицание ее субстанциальной необходимости. Ведь все его построения так или иначе есть попытка выяснить смысл произошедшего с человеком в глобальной перспективе хода его земной истории на фоне христианской мифологической панорамы, воспринимаемой как контур абсолютного мистически постижимого смысла того, что вершится во времени.

Обращаясь к постижению хода всемирной истории в генеалогической перспективе, Бердяев фокусирует свой анализ на истоках современного ему социокультурного кризиса, интегральной составляющей которого является состояние, претерпеваемое российским обществом и культурой. Он отправляется от справедливо констатируемого им вслед за Ницше кризиса европейской гуманистической культуры, которым отмечена нового панорама и новейшего фазисов всемирной истории. «Когда человек ничего не признает, кроме себя, он перестает ощущать себя, потому что для того, чтобы ощущать себя, нужно признать и не себя для того, чтобы быть до конца индивидуальностью, нужно признать не только другую человеческую личность и индивидуальность, нужно признать божественную личность» [4, с. 120], – констатирует Бердяев. Если языческая культура была специфична слиянием духа и природы, а Средневековье характеризовалось их полярностью, то Ренессанс и присущая ему гуманистическая установка означают, по его убеждению, использование природного потенциала во имя утверждения индивидуально-личностного начала, его свободной культивации и всестороннего раскрытия творческих возможностей. Кризис антропоцентрического гуманизма означает для Бердяева забвение трансцендентного и обращение сил человека на покорение внешней природной и социальной действительности и даже своего внутреннего мира. Он полагает, что символизируют произошедшие трагические изменения в современной культуре имена Ницше и Маркса. Бердяев видит символы кризиса гуманистической культуры в тотальной машинизации жизни, триумфе человека массы, кризисе демократических институтов и подъеме авторитарных и тоталитарных политических сил, разложении традиционных средств художественной репрезентации человеческого образа и т. д. Все эти черты панорамы кризиса гуманистической культуры и поныне не утратили своей актуальности. В результате проводимой им генеалогической реконструкции, в орбиту которой входят не только западные, но и российские реалии им выдвигается проект нового средневековья, которое должно возникнуть на основе современного культурного ландшафта, синтезируя достижения гуманизма и обретения вновь религиозных ценностей [1, с. 228]. Этот идеал рисуется ему значимым и для преобразования постреволюционной России.

Прибегая к генеалогическому видению панорамы истории, Бердяев пытается синтезировать его с корпусом представлений христианской мифологии. При этом, обращение к нему не избавляет его теоретические историософские выкладки от связи с возникшими на фоне христианской традиции субстанциальными конструкциями истории. В лоне христианского мифовидения возникают представления провиденциально-эсхатологического плана, очерчивающие не только абрис единства сакральной и мирской истории, кооперации «града земного» и «града Божьего», но и видение христоцентрически заданного диахронного движения истории человечества, которые задают своеобразную основу субстанциального историософского теоретизирования [8, с. 121]. Его критика, при всей ее радикальности, не

устраняет окончательно референции конструкций метафизики истории Бердяева к его предшественникам от Августина до Боссюэ, Гегеля и Соловьева. Таким образом, связь метафизики истории Бердяева, выдержанной в тонах «критики исторического разума», с классической моделью субстанциального развития человечества не оказывается окончательно утраченной.

Выводы

Метафизика истории Бердяева отмечена полемикой с классическим новоевропейским видением социокультурного развития, его основополагающими мыслительными стандартами. Она возникает как попытка наметить стратегию постклассического религиозно-философского видения истории. Провозгласив программу создания христианского варианта философии свободы, Бердяев изначально подверг критике основания классического системного теоретизирования на базе положений религиозно-мистического учения Бёме, избранного для утверждения центральной точкой мира человека как носителя свободно-творческого импульса, «взрывающего» ригидные схемы видения реальности в своем неукротимом мистическом порыве постижения Абсолюта. Такое неортодоксальное прочтение христианского миропонимания стало для него основой низвержения в религиозно-экзистенциальном ключе любых вариантов новоевропейского системосоздания, хотя зачастую, бравируя своим желанием подорвать рассудочность на основе разумного постижения Логоса, он работал в границах того категориального аппарата, который был им освоен на базе кантовского наследия и интерпретирован в духе ницшеанского понимания задач философской критики. Именно поэтому для него впоследствии стал столь приемлемым и хайдеггеровский пафос борьбы с любыми формами классической онтологии во имя утверждения новой формы метафизики – метафизики конечности, предлагающей смотреть на мир сквозь призму человеческого бытия во времени. Правда, порицая любые варианты субстанциалистской онтологии от Платона до Гегеля и Соловьева, Бердяев утверждал, что метафизика конечности немыслима вне горизонта христианской мифологии. В этом ключе он и вырабатывает свой взгляд на задачи метафизики истории.

В своем стремлении раскрыть смысл всемирной истории Бердяев утверждает необходимость его прочтения сквозь горизонт человеческого существования во времени, в котором присутствует вечность. Развивая собственную версию онтологии памяти, позволяющую ему толковать прошлое как вечно сопутствующее настоящему, он обращается для раскрытия его смыслового содержания в ситуации современности к генеалогическому методу Ницше и мыслительным ходам, обнаруживаемым в морфологии истории Шпенглера. История обретает, на его взгляд, смысловое содержание как процесс, в котором реализуется судьба человека. Подобная стратегия понимающей установки позволяет ему предложить собственную версию герменевтического прочтения кризиса гуманизма в его значимости для всемирной и российской истории и выдвинуть идеал грядущего нового

Средневековья. В своем противостоянии конструкциям классической историософии нового времени Бердяев не мог преодолеть до конца влияния при-
сущих ей стереотипов теоретизирования субстанциального типа, поскольку
они глубоко укоренены в корпусе представлений христианской мифологии,
питающей теологическое видение диахронии развития и периодизации ис-
тории человечества. Стереотипы его метафизики истории, ее имманентные
противоречия во многом повлияли на историософские конструкции, воз-
никшие в русле французского персонализма, неотомизма Ж. Маритена,
неопротестантизма П. Тиллиха и других авторов.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл истории. Но-
вое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 221–310.
2. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Смысл исто-
рии. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 364–381.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.:
Мысль, 1991. 320 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
5. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. С. 12–250.
6. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человече-
ского // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254–357.
7. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская
философия в поисках абсолюта. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 920 с.
8. Левит К. Смысл в истории. Теологические предпосылки философии ис-
тории. СПб.: Владимир Даль, 2021. 511 с.
9. Blair B.M. The Nietzschean Subject. Lanham, New York, London: Lexington
books, 2018. 411 p.
10. Muratori C., Meliadó M. Northern Renaissance Platonism from Nicholas of
Cusa to Jacob Böhme // Christian Platonism: A History A. Hampton, J. Kenney (eds.).
Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 246–279.

N.A. BERDYAEV'S EXISTENTIAL METAPHYSICS OF HISTORY: THE SEARCH FOR A POST-CLASSICAL STRATEGY OF RELIGIOUS PHILOSOPHICAL THEORIZING

B.L. Gubman, C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The objective of the article is to consider the method of theorizing inherent in
N.A. Berdyaev's existential metaphysics of history. In the course of the analy-
sis, it was revealed that the existential metaphysics of history created by him is
the result of a search for a post-classical strategy of the religious philosophical
interpretation of history. Refuting the method of substantialist historiosophical
theorizing that was inherent in the classical thought of modernity and deeply
rooted in the Judeo-Christian tradition, Berdyaev, in the key of the existential
metaphysics of finiteness and its understanding platform, tried to directly

synthesize the exegesis of Christian mythology with F. Nietzsche's genealogical method and O. Spengler's morphology of history. On the whole, his historiosophical thought can be interpreted as bearing an irremediable contradiction of the understanding approach and reference to the stereotypes of classical historiosophical theorizing, deeply rooted in the model of the Judeo-Christian diachronic schematics of the development of the human community.

Keywords: *existential metaphysics of history, postclassical religious philosophy of history, substantialist historiosophy, understanding attitude, genealogy.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.06.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2024.

УДК 140.8:1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.183

ВЛИЯНИЕ УЧЕНИЯ О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ Ф. НИЦШЕ НА ПЕРВЫЙ ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор статьи пытается выяснить влияние учения о сверхчеловеке Ф. Ницше на первый этап формирования мировоззрения Н.А. Бердяева. По мнению автора, это влияние было тесно связано с эволюцией мировоззрения Н.А. Бердяева от марксизма к христианству, так как косвенно содействовало этому процессу. Только в 1901–1902 гг. у Бердяева образ сверхчеловека наделялся элементами кантовской этики, в 1903–1904 гг. критиковался Бердяевым как воплощение антихристианского рационализма. По мнению автора статьи, подобные интерпретации образа сверхчеловека существенно расходятся в учении Ф. Ницше о сверхчеловеке.

Ключевые слова: мировоззрение, сверхчеловек, марксизм, этика И. Канта, рационализм, христианство.

Николай Бердяев вспоминал, что формирование его мировоззрения началось, когда в его взглядах «обнаружился решительный поворот к идеализму» [5, с. 117]. Этот поворот происходил в форме его отхода от увлечения марксизмом. Завершение этого процесса можно соотносить с 1904 годом, когда один из лидеров русского марксизма Георгий Плеханов заявил Бердяеву, что «с такой философией нельзя остаться марксистом» [5, с. 123]. На наш взгляд, на этот, первый, этап эволюции мировоззрения Бердяева заметное влияние оказали его размышления над учением Фридриха Ницше о сверхчеловеке. Причем в 1901–1902 гг. они выполняли одну роль, а в 1903–1904 гг. уже другую роль.

Ницшевское учение о сверхчеловеке в эволюции мировоззрения Бердяева 1901–1902 годов

Основным мотивом увлечения Бердяева марксизмом являлась симпатия к социалистическому требованию немедленного и радикального обновления общественных отношений во имя достижения социальной справедливости. Материалистом он никогда не был. Всё это проявилось в его первой статье «Ф. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» (1899) [7, с. 243–244, 249]. О попытке синтеза социального учения марксизма с идеализмом Иммануила Канта свидетельствовала первая крупная работа Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о К.Н. Михайловском» (1901): с одной стороны, человек по-марксистски рассматривался как «продукт своей

© Буланов В.В., 2024

социальной среды», с другой стороны, в духе Канта утверждалось, что «человек... есть цель в себе самом» [6, с. 110, 139–140, 219]. Тогда же Бердяев в пику марксистскому материализму заявил о своей неокантианской онтологической позиции: «Истина лежит не в природе человека, а в трансцендентном логическом сознании», которое вечно, неизменно и «создаёт мир» [6, с. 102, 106]. В этом же произведении Бердяев впервые упоминает о Ницше, восприняв его в первую очередь как автора учения о сверхчеловеке, якобы призванного воспевать индивидуализм и защищать свободу личности [6, с. 222]. В том же 1901 году Бердяев опубликовал свою статью – манифест «Борьба за идеализм», которая содержала ряд критических высказываний о марксизме [2, с. 7, 11, 14], свидетельствовала об увлечении ее автора этическим учением Канта [2, с. 13] и о восприятии им Ницше как великого моралиста [2, с. 25–26]. Эта же специфика восприятия Бердяевым философии Ницше сохраняется в его статье 1902 г. «Этическая проблема в свете философского идеализма»: в ней ницшевский сверхчеловек характеризуется как «воплощение высшего морального долга», а этот моральный долг понимается в соответствии с этическим учением Канта [9, с. 92–93].

Конечно, Ницше утверждал, что «высший человек», как добровольный помощник в деле приближения появления сверхчеловека, имеет полное право на индивидуализм и эгоцентризм. Но только потому, что сверхчеловек – это смысл Земли, а служение делу его появления – это высшая ценность, во имя которой допустимо, что лучшим из людей будет все хуже и труднее, а некоторые из них при этом даже будут гибнуть [10, с. 14, 290]. Если можно говорить о том, что Ницше защищал свободу личности человека, то только в том смысле, что человек, достойный содействовать появлению сверхчеловека, должен стать сам себе судьей и творцом новых ценностей, а также попирает прежние ценности, ценности «добрых и праведных» [10, с. 65, 216–217]. Личность человека не представляла для Ницше ценности, так как «человек – это есть нечто, что должно превзойти» [10, с. 13], и канат между обезьяной и сверхчеловеком [10, с. 15]. А раз для Ницше человек не был целью в самом себе, ницшевский сверхчеловек не является воплощением морального долга. Называть Ницше великим моралистом представляется неосторожным, ведь он не столько создавал кодекс морали «высшего человека», сколько обосновывал необходимость «переоценки ценностей», критикуя как христианскую этику, так и поведение и желания обывателей, «маленьких людей» [10, с. 288–290, 295].

Ницшевское учение о сверхчеловеке в эволюции мировоззрения Бердяева 1903–1904 годов

На протяжении 1903–1904 гг. Бердяев, судя по его статьям «Критика исторического материализма» (1903) и «Катехизис марксизма» (1905) окончательно расстается со своими прежними симпатиями к марксизму [4, с. 270]. Он всё более проникается симпатиями к христианской религии. Неудивительно, что Бердяев в статьях 1904 г. «Кризис рационализма в

современной философии (Виндельбанд. Прелюдии)» и «А.С. Хомяков как философ (К столетию со дня рождения)» начал критиковать кантианство как вредную подмену религии [3, с. 327; 1, с. 21–22]. Его статьи того же года «О новом русском идеализме» и «Н.К. Михайловский и Б.Н. Чичерин (о личности, рационализме, демократизме и проч.)» уже отвергают кантианство как форму рационализма, для которого недоступна «полнота переживаний человеческой личности», скорбят о «грехе рационализма» современной философии [3, с. 190, 229]. Статья Бердяева «О новом русском идеализме», как видится, свидетельствует о его превращении в религиозного мыслителя, потому что ее автор впервые одобрительно высказывается о религиозно-философских воззрениях Владимира Соловьева, Федора Достоевского и Льва Толстого [3, с. 186–187, 190]. В статье 1904 г. «Философия и жизнь» Бердяев приходит к убеждению, что человеческая «личность не может быть продуктом безличного.., свобода не может быть продуктом необходимости, естественного развития», так как человеческая личность – это свободный и творческий «метафизический дух» [8, с. 368]. В связи с этим меняется отношение Бердяева к учению о сверхчеловеке. Для Бердяева того времени сверхчеловеческое соотносится уже не с кантовским моральным долгом, а с ориентацией на «супернатуральные цели», которые «глубже всего поняла христианская философия» [3, с. 207]. В понимании Бердяева сверхчеловек Ницше это всего лишь «биологически усовершенствованный человек» (в духе позитивизма) и «натуралистический человекобог» (как у Кириллова, героя романа Федора Достоевского «Бесы»), а потому «ничто не значащее измышление», потому что в нем отсутствует высший «смысл движения от человека к Богу, вверх от природы», а человек не должен быть средством для сверхчеловека, «только более сильного, но не более ценного» [3, с. 207–208]. То есть ницшевский сверхчеловек у Бердяева 1904 г. предстает воплощением антихристианского рационализма.

На наш взгляд, если исходить из текста произведения Ницше «Так говорил Заратустра», то окажется, что Бердяев искаженно воспринял образ ницшевского сверхчеловека, т. к. этот сверхчеловек должен превосходить человека по нравственным качествам, а не по биологическим признакам [10, с. 14–17]. Поэтому для Ницше сверхчеловек сущностно как раз более ценен, чем человек [10, с. 290]. Соотнесение ницшевского сверхчеловека с человекобогом некорректно, потому что Ницше исходил из того, что «Бог умер» и только вследствие этого события возникает возможность появления сверхчеловека [10, с. 14, 288] как земного, посюстороннего существа.

Итак, рецепция и осмысление Бердяевым ницшевского учения о сверхчеловеке оказало существенное влияние на первый этап эволюции его мировоззрения, который можно соотносить с 1899–1904 гг. Если в 1899 г. Бердяев симпатизирует социально-этической составляющей марксизма, то в 1904 г. уже обращается к христианству. И на всем протяжении этого процесса учение Ницше о сверхчеловеке играет вспомогательную, пусть и не

одинаковую роль. Так, в 1901–1902 гг. образ сверхчеловека сближался Бердяевым с кантовской этикой ради критики марксизма. В 1903–1904 гг. этот образ Бердяевым используется для обличения рационализма. В обоих случаях тот образ сверхчеловека, который можно сформулировать на основании прочтения произведений Бердяева тех лет, заметно отличается от тех высказываний о сверхчеловеке, которые содержатся в книге Ницше «Так говорил Заратустра».

Список литературы

1. Бердяев Н.А. А.С. Хомяков как философ (К столетию со дня рождения) // Мир Божий. 1904. Июль. С. 17–23.
2. Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // Мир Божий. 1901. Июнь. С. 1–26.
3. Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002. 655 с.
4. Бердяев Н.А. Критика исторического материализма // Мир Божий. 1903. Октябрь. С. 1–30.
5. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 318 с.
6. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о К.Н. Михайловском. М.: Канон+: ОИ «Реабилитация», 1999. 478 с.
7. Бердяев Н.А. Ф. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму // Мир Божий. 1900. Июль. С. 224–254.
8. Бердяев Н.А. Философия и жизнь // Новый путь. 1904. № 11. С. 361–374.
9. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма. М.: Московское психологическое общество, 1902. С. 91–136.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: «Культурная Революция», 2007. Т. 4. 432 с.

THE INFLUENCE OF THE DOCTRINE OF THE SUPERMAN BY F. NIETZSCHE AT THE FIRST STAGE OF THE EVOLUTION OF N.A. BERDYAEV'S WORLDVIEW

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author of the article tries to find out the influence of the doctrine of the superman by F. Nietzsche on the first stage of the formation of N.A. Berdyaev's worldview. According to the author, this influence was closely related to the evolution of N.A. Berdyaev's worldview from Marxism to Christianity, as it indirectly contributed to this process. It was only in 1901–1902 that Berdyaev's image of a superman was endowed with elements of Kantian ethics, in 1903–1904 it was criticized by Berdyaev as the embodiment of anti-Christian

rationalism. According to the author of the article, such interpretations of the image of superman differ significantly from F. Nietzsche's teaching about superman.

Keywords: *worldview, superman, marksism, ethics of I. Cant, rationalism, Christianity.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. of Prof., Assoc. of Prof. of Dept Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.05.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 16.06.2024.

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.188

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И.А. ИЛЬИНА ЭМИГРАНТСКОГО ПЕРИОДА

С.А. Малинин

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин

Политико-правовая концепция И.А. Ильина основана на постулировании роли властного ресурса и следующего естественному праву правосознания для успешного поддержания государством духа национальной культуры и обеспечения им условий для достойной жизни граждан.

Ключевые слова: *корпоративный солидаризм, право, личность, государство.*

Проблемы социально-политического характера для Ильина всегда являлись предметом повышенного внимания с учетом исходного интереса в отношении гегелевской доктрины. Анализируя данные вопросы, Ильин указывал на роль, которую государство играет в консолидации граждан в духовно-патриотическом отношении, в их личностном развитии с учетом членства граждан в конкретном национальном сообществе, характеризующемся наличием определенных правовых устоев, культурных ценностей.

Сущность ограждения духа связана с обеспечением для каждого из индивидуумов, для народа в целом права самостоятельно определять себя в жизни, права на самостоятельную внутренне и свободную внешне достойную жизнь [3, с. 174].

Ильин под влиянием гегелевской доктрины и при вышеуказанном представлении о государстве интегрирует консервативное положение о том, что государство должно сохранять религиозно-ценностную основу национальной культуры и относящиеся к либеральной трактовке сущности государства составляющие в виде построения законодательства на основе естественного права, автономии личности.

Переход Ильина к новому пониманию учения Гегеля был обусловлен рядом факторов – произошедшей в России революцией, гражданской войной и вынужденным отъездом из страны. В более ранний период сформировались критические оценки отдельных аспектов теодицеи Гегеля. На их основе сформировался новый подход к трактовке государства, соотношения государства и личности (см.: [1, с. 9–28]).

Социальная сфера рассматривалась Ильиным в качестве сферы противодействия между злом и добром с учетом того, что последнее исходит от Бога. Ильин при этом стремился сформулировать собственную оценку данного противостояния, не воспроизводя представленные в концепции Гегеля

© Малинин С.А., 2024

догматы. Также следует отметить и изменение предпочтений Ильина в политических вопросах. Ранее Ильин придерживался мнения о том, что дух народа стремится к свободе, что добрые начала должны победить в любом случае. В дальнейшем он стал исходить из необходимости изменения курса истории, которое может быть обеспечено в условиях диктата государства.

Философ хорошо знал мнение Гегеля по вопросам, связанным с обеспечением баланса государства и гражданского общества, организацией законодательной власти и разделением властей, организацией конституционной монархии. При этом соответствующие аспекты доктрины немецкого мыслителя он рассматривал в качестве преходящих, которые с учетом эволюции российской государственности должны быть переоценены, переосмыслены [2, с. 442].

Исходя из указанного подхода и сформировавшихся в конце XIX – начале XX столетия тенденций в науке о государстве и праве, Ильин сформулировал тезис о том, что государство должно носить корпоративно-солидаристский характер. Подобное изменение в трактовке предназначения государства обуславливается в первую очередь необходимостью поиска адекватного ответа коммунистической, социал-демократической, радикально-либеральной парадигмам.

Ильин противопоставляет присущему внешней стороне государственного механизма учрежденческому аспекту корпоративный солидаризм как основу государственности. Данный солидаризм должен предполагать ориентированную на организацию родины на правовых основах, на ее процветание всеобщую солидарность с учетом имеющихся у граждан интересов. Ильин указывает, что подобный подход предполагает, что государство «живет в гражданах», а не «пребывает над ними» [3, с. 184].

В качестве высшей перспективы, таким образом, философ указывал на интеграцию государства и гражданина. Для достижения указанной перспективы, по Ильину, следует формировать у граждан сильное правосознание.

Переоценивая положения гегелевской доктрины, философ сформировал собственное представление о характере связи между государством, человеком. Исходно Ильин в собственной концепции государства и права сформировал лишь общее представление по указанному вопросу. Далее соответствующее представление претерпевало изменения с учетом происходящих в мире событий и процессов.

Философ анализировал историческое развитие России, и исходя из него ориентировался на наибольшую приемлемость конституционной монархии. В то же время он отмечал, что в различных исторических условиях в стране могут существовать и иные государственно-политические формы. Ильин отмечал, что правосознание масс находится на недостаточном уровне развития, и в этой связи всеобщая демократия будет для страны непродуктивной. Философ, как и ранее Гераклит, отмечал, что сограждане не обладают способностью к тому, чтобы рационально решать политические

вопросы. В этой связи Ильин придерживался мнения о том, что государство в России должно существовать на аристократических началах [3, с. 194].

Ильин отрицал возможность возникновения всеобщей демократии вследствие развития правосознания населения, демократии, способной обеспечить условия для того, чтобы сохранялись духовные ценности национальной культуры и личность могла свободно развиваться. Для того чтобы консервативно-либеральные начала и аристократизм сохранялись, Ильин допускал ограничение самоуправления народа со стороны власти.

Переоценка гегелевской концепции составляет основу анализа философом соотношения между политикой, правом и нравственными основаниями жизни людей. Ильин указывал на то, что теодицея Гегеля с учетом непредсказуемости свободных решений личности не обладает способностью к формированию завершенной системы. При этом мыслитель, анализируя с учетом религиозно-онтологических аспектов взаимосвязь между политико-правовой сферой и нравственными основами жизни людей, формулировал теоретические построения в духе спекулятивных философствований Гегеля. Проявление Духа в людях он рассматривал как основу существования общества. Человек вследствие сопричастности Духу обладает способностью к тому, чтобы воля и разум доминировали над плотским началом. Ильин также придерживается представления Гегеля о том, что формальное право порождает личность. В этой связи он исходит из того, что основа существования общества – в доминировании над индивидуальной моралью коллективной нравственности. При этом философ полемизирует с Гегелем и не приемлет возможность автоматического перехода к доминированию в жизни общества нравственной составляющей.

Ильин рассматривает жизнь общества как сферу, в которой на основе диалектики правосознания обеспечивается возможность для отдельных личностей сосуществовать друг с другом. При этом он отмечает трансформацию в позитивное законодательство естественного права, неотчуждаемой свободы личности.

Подобный подход основывается на концепции Гегеля. Однако Ильин указывает на определенные различия правосознания и нравственности. Концепция о взаимосвязи между государством, гражданским обществом, семьей, сформулированная Гегелем, оценивается Ильиным критически. Философ непосредственно указывает, что данная концепция не должна рассматриваться как незыблемая.

Левые некоммунистические и правые силы в период между мировыми войнами развивали концепцию солидаризма, являющегося корпоративистски надпартийным. Подобный подход к представлению о будущем России в посткоммунистический период характерен и для Ильина [4, с. 114].

Согласно доктрине Гегеля, государство должно быть правовым, личность – автономной. Соответствующие положения составили основу консервативно-либеральной политико-правовой доктрины Ильина. При этом

Ильин с консервативных позиций акцентировал внимание на присущих государству национально-культурных особенностях.

Ильин, переосмысливая связанные с государством представления Гегеля, отмечает необходимость рассматривать государство в качестве политического начала, которое основывается на корпоративном солидаризме. Каждый гражданин, как разделяющая ценности национальной культуры личность, должен пребывать в гармонии с другими подобными гражданами.

Ильин всегда исходил из того, что с российской национальной традицией в наибольшей мере соотносится конституционно-монархическое правление. В то же время он указывал, что в дальнейшем российская государственность может допускать различные политические формы. При этом принципиальную основу разработанной Ильиным конституционно-либеральной концепции государства составляют исключение всеобщей демократии и аристократический характер государственности. Аристократически-элитарная консервативная составляющая в политико-философском мировоззрении Ильина всё более усиливается в период пребывания философа в эмиграции.

Список литературы

1. Евлампиев И.И. Иван Ильин как участник современных дискуссий // Иван Александрович Ильин / отв. ред. И.И. Евлампиев. М.: РОССПЭН, 2014. С. 9–28.
2. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 542 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч.: в 2 т. М.: Медиум, 1993. Т. 1. С. 73–300.
4. Малинин С.А., Губман Б.Г. И.А. Ильин и Г.В.Ф. Гегель: народный дух и устой государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 107–116.

I. A. ILYIN'S POLITICAL AND LEGAL WORLDVIEW OF THE EMIGRANT PERIOD

S.A. Malinin

Russian State Social University, Klin

I.A. Ilyin emphasizes that the specific outline of the state as a form of maintaining the spirit of national culture and the personality of a virtuous citizen should be created by a union of legal consciousness, designed to follow natural law, reflected in positive law, and power resources.

Keywords: *state, corporatism, personality, law, solidarity.*

Об авторе:

МАЛИНИН Сергей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин Московской области. E-mail:

duks91189@gmail.com

Author information:

MALININ Sergey Alekseevich – PhD (Philosophical sciences), associate professor of the department of economics, management and law, Russian state social university in Klin, Moscow region. E-mail: duks91189@gmail.com

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 10.05.2024.

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.193

**Т.Н. ГРАНОВСКИЙ: ФАКТЫ И МИФЫ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
(статья вторая)**

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель второй статьи по данной теме остается прежней – продолжить рассмотрение того, как сочетаются в текстах Грановского факт и миф и какой исследовательский эффект приобретают столь разные источники на выходе. Для наглядности изложения в этот раз выбран образ Карла Великого. Сделан вывод о том, что в сочинениях Грановского доказательные источники и мифы, взятые воедино, помогают сделать облик исторической личности многогранным. Работа с фактами олицетворяет профессиональный взгляд на деятельность императора, а легенды и предания свидетельствуют о «признательной памяти» потомков и силе «народного воображения».

Ключевые слова: *Т.Н. Грановский, история, средневековая культура, исторический факт, миф.*

В первой статье «Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры» иллюстративно рассмотрен портрет Жанны д'Арк, изложенный московским профессором в его лекциях по истории средневековой культуры. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а, наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания¹.

Цель второй статьи – продолжить рассмотрение того, как сочетаются в текстах Грановского фактические знания и предания и какое воздействие оказывают столь разные источники на самого автора, а также на его читателей и слушателей. Для наглядности изложения в этот раз выбран образ Карла Великого.

В новейшей исследовательской литературе интерес к фигуре Карла Великого не угасает. Очевиден общий посыл авторов: они солидаризируются, называя Карла Великого исторической личностью, оказавшейся способной упорядочить мир раннего Средневековья и вытянуть его из пучины «варварства» (М. Элиаде) [6, с. 109]. Одновременно наблюдается разнообразие тематизации, обусловленное интересами самих исследователей: проводятся параллели между правлением Карла Великого и Петра Великого в

¹ Михайлова Е.Е. Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры (статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. 2024. № 1 (67). С. 141–147.

© Михайлова Е.Е., 2024

контексте мессианской идеи империи (В.Н. Смирнов); реконструируются сочинения франкских писателей IX в. для обнаружения возможных ассоциаций их текстов с библейскими сюжетами (О.И. Симинченко) или с образцами классической античной риторики (М.Р. Ненарокова) и другие аспекты [3–5].

Материал статьи предполагает мысленную разбивку на две части – «записанная история» и «изустные предания». Название каждой части выбрано из терминологии самого Грановского. «Записанная история» для него – это доказательное прочтение исторического прошлого, основанное на источниках, в частности, эпохи Карла Великого [1, с. 404]; «изустные предания» для него – это художественное погружение в историю [2, с. 238].

«Записанная история»

Для Грановского Карл Великий – завоеватель, законодатель и просветитель Западной Европы. Грановский ссылается на «Историю цивилизаций» Ф. Гизо, который подсчитал число походов Карла Великого и составил таблицу, в которой сведены воедино цели и результаты пятидесяти трех военных действий. Двигаясь по источникам, Грановский оценивает все походы как наступательные, несущие в себе в первую очередь не идею грабежа или стремления к славе, а «государственную мысль» об объединении народов по аналогии с Римской империей. Предшественники Карла Великого вели исключительно оборонительные войны. Так, например, его предшественник Пипин Короткий отбивался от нашествия германских и славянских племен и боролся с внутренней оппозицией. Карл Великий осуществил несколько больших войн, одни из которых попали в лекции по истории средневековой культуры, другие выведены Грановским за скобки. Подробно описаны войны с лангобардами 772–774 гг., с саксами 772–803 гг., с аварами (гуннами) 791–798 гг. и до полного ее окончания в 804 г. Покорение гуннов Грановский называет «величайшей заслугой» Карла Великого перед западной цивилизацией [1, с. 285].

Особым образом в «Лекциях по истории средневековья» описывается поход против испанских мавров в 788 г. Войско Карла Великого дошло до стен Сарагосы, но под давлением двух обстоятельств – измены союзников и резкого объединения мусульманского населения против христиан – вынуждено было отступить. Интересна трактовка итогов этого похода. Несмотря на военную неудачу, Грановский в целом дает положительную оценку. Во-первых, в империю Карла Великого, которая к этому времени включала уже земли нынешней Британии, Скандинавии, Западной России и Византии, вошла Каталония. Как следствие, здесь, по словам Грановского, стало наблюдаться переплетение западной и восточной культур, нашедшее свое яркое отражение в искусстве и повседневной культуре Прованса. Во-вторых, поход против арабов, имевший для самого Карла исключительно политическое значение, приобрел священный характер благодаря

тому, что «народная фантазия разыгралась на эту тему религиозным образом» [1, с. 286].

Грановский полемизирует с теми, кто считает, что завоевания Карла Великого оказались масштабными, но временными. Оппоненты для обоснования своего суждения называли тот факт, что уже при ближайших преемниках империя разложилась и стала «театром опустошительных набегов со стороны германцев, славян и сарацин (арабов)» [1, с. 259]. В качестве встречного аргумента Грановский предлагает рассуждать так: империя распалась не хаотично, а вполне логично, по устойчивым территориальным локациям, по административным маркам – линиям пограничных областей с крепостями и дружинами во главе с правителями маркграфами. В итоге империя разложилась в пределах испанской, бретонской, лангобардской, баварской, франкской и других крупных марок, выстроенных и назначенных в свое время самим правителем. Следовательно, завоевательную деятельность Карла Великого можно оценивать как историческую подготовку почвы для создания и развития будущих самостоятельных западноевропейских государств.

Не согласен Грановский и с принижением роли Карла Великого как законодателя. До него правители или занимались устройством внутреннего порядка в своих хаотических обществах, или, наоборот, вынуждены были вести оборонительную войну. «Карл нашел время для того и другого... он умел приноравливать римские предания к потребностям современным и местным» [1, с. 287]. Правотворчество франкского монарха Грановский анализирует поэтапно: до принятия императорского титула и после. С одной стороны, по внешним факторам, считает историк, правление Карла практически не изменилось. С другой стороны, смена звания кунига как верховного правителя Франкской монархии на титул императора Римской империи ментально сыграло значительную роль. До этого момента народы, входившие в состав монархии, были соединены правом насилия. Принятие титула придавало легитимность владычеству над собранными воедино народами.

25 декабря 800 г. Карл присутствовал на рождественской церемонии в Ватикане, где произошла его коронация в качестве римского императора. Впоследствии это вызвало сильное недовольство византийцев, поскольку титул императора исконно принадлежал Византии [6, с. 263]. В этом историческом моменте показания свидетельств расходятся. Со слов придворного ученого Эйнхарда, Карл не знал об этом и был приятно встревожен, и, наоборот, согласно записям богослова Алкуина, знал и ожидал этого события. Как профессиональный историк, Грановский не принимает ни одну из сторон в силу субъективности доказательств, однако пытается примирить противоречивые факты. Возможно, Карл не знал о дне венчания, но мысль об этом уже сидела у него в голове. В любом случае остается неопровержимым тот факт, что организация торжественной присяги была осуществлена весьма поспешно. Таким образом, правление, державшееся исключительно

на превентивных мерах, с коронацией Карла Великого приобрело характер «повелительный, властительский», – делает вывод Грановский [1, с. 288].

С профессиональной точки зрения законодательная деятельность Карла Великого вызывает у Грановского меньше сомнений и вопросов, чем завоевательная и просветительская, поскольку в распоряжении историка были такие серьезные источники, как «капитулярии». Так именовались законы франкских монархов, формирующиеся еще со времен Меровингов. Названный на латинский манер от слова «глава», свод законов включал в себя частное, высшее и общее право гражданской жизни. В бытность Карла Великого эти документы обрели новый вид и были пересобраны в соответствии с потребностями текущего времени. Письменные тексты законов носили динамичный характер: они переправлялись, переводились с латинского на «туземные» языки, например, на немецкий, дополнялись в связи с новыми обстоятельствами. Не будучи завершенными, капитулярии сыграли преемственную историческую роль, связав законодательство самостоятельных европейских образований общностью учреждений, в частности, организацией в форме административных марок.

Просветительская деятельность Карла Великого для Грановского является примером того, какими нитями связан средневековый мир с древним. В фактологический ряд изложения темы Грановский не вносит особой новизны, доверяя авторитетным специалистам. Поскольку главным предметом его собственных исследовательских интересов было устройство средневековых городов и сельских общин, он использует первоисточники – тексты придворных ученых Эйхарда и Алкуина, а также доверяет работе Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (1877) и довольно часто цитирует французского историка. Картина культурного вклада Карла Великого рисуется Грановским широко – открытие школ при монастырях для повышения образованности духовных лиц; учреждение народных школ при церквях, в обязанность которых входило учить простой народ «читать и петь»; образование ученого общества при дворе императора; оформление грамматики немецкого языка; создание библиотек и собирание древних германских преданий. Единственное уточнение, которое позволяет себе Грановский, это развенчивание мнения о том, что при Карле Великом был основан Парижский университет. Здесь историк приводит два аргумента. Во-первых, император никогда не жил в Париже, представлявшем в его времена «вовсе незначительное место», по выражению Грановского. Во-вторых, Парижский университет возник не ранее XI в., реализовав нарастающую потребность преподавать не только в церковных школах, устроенных Карлом, а создавать свободные корпорации теологов и богословов [1, с. 291].

Гораздо интереснее выглядит оценочная позиция Грановского просветительской деятельности императора Карла. Она представлена двумя умозаключениями: касательно содержания школьного образования и мнения придворных о самой персоне просвещенного монарха. В первом случае

Грановский одобрительно отзывается о числе открытых школ, положивших начало образованности в империи Карла Великого. При этом он считает нужным отметить, что тексты, по которым учили, были скорее компиляциями, доступными и более понятными тогдашнему читателю, нежели подлинниками великих произведений Древней Греции и Рима [1, с. 270]. Во втором случае Грановский сравнивает просвещенческие усилия Карла Великого и Петра I и находит в них общую черту – как французская аристократия IX века, «за исключением великих умов, окружавших Карла», так и русское боярство XVIII в. всячески сопротивлялись переменам [1, с. 291].

Имя Карла Великого многие века считалось священным и авторитетным. Как центрирующая фигура средневековой истории, по наблюдениям Грановского, он долго продолжал жить и в головах, и в действиях последующих правителей. В качестве подтверждения русский историк приводит в пример то, как спустя много веков колоссально честолюбивые короли из дома Лотарингских герцогов настаивали на главном, на их взгляд, аргументе в борьбе против Капетингов – на своем происхождении от Карла Великого [1, с. 193]. Рефреном идет мысль Грановского о том, как сильны его «живые следы» и в институциях (феодализм, рыцарство, империя), и в учреждениях (муниципальное устройство, вассальное право, христианская церковь), и в произведениях искусств («Песнь о Роланде»), и в строительстве городов и храмов (дворцовая капелла и башня в Ахене [1, с. 293].

«Изустные предания»

Анализ нескольких легенд о Карле Великом помогает рассмотреть, какой художественный эффект для слушателя/читателя могут создать предания и свидетельства, не нарушая принципа научности исторического изложения. Особо отметим, что Грановский сам перевел на русский язык несколько преданий, посвященных Карлу Великому, из фольклорного собрания 1816 г. братьев Гриммов [1, с. 404].

Одно из первых преданий – «Карл и Дезидерий Лангобардский» – описывает поход Карла против лангобардов: германских племен, создавших двумя веками ранее описываемых событий свое королевство на территории нынешней Северной Италии. Фактологическая канва включает расторжение Карлом своего брака с дочерью лангобардского кунига и возвращение ее в дом отца [в данном поэтическом варианте роль изгнанника олицетворяет Огер, благородный франк, якобы бежавший от гнева монарха. – *Е.М.*] и поэтапное военное столкновение с лангобардами. Виртуальная составляющая легенды включает такие символы, как башня, ряды воинов и духовных лиц, а также железное облачение Карла. В моменте все они имеют реальную подоплеку и видны по текстам Грановского. Башня, на которой Дезидерий и Огер ожидают прихода противника и ведут тревожный диалог с повторением одного и того же вопроса – «Не здесь ли сам Карл?», – символизирует, если так можно выразиться, взгляд с птичьего полета на

бескрайние пространства Франкского государства. Кроме того, башня имеет свое реальное воплощение наряду с капеллой во дворцовом ансамбле, построенном Карлом в городе Ахене в 786 г. Ряды епископов, аббатов и священников, идущие вместе с войском, символизируют главные направления политики Карла – расширение монархии и укрепление связей с католической церковью.

Наиболее ярко в легенде описаны железные доспехи самого короля: «На голове у него был железный шлем. На руках железные рукавицы, на широкой груди железные латы. Левой рукой он держал железное копье. В правой руке был меч; щит был железный; даже конь его, по крепости и цвету, казался железным», – так цитирует предание Грановский [2, с. 240]. С большой долей вероятности можно предположить, что железные доспехи проникли в легенду из института рыцарства, формировавшегося в это время не без участия самого франкского монарха. Встречаются сведения о том, как Карл несколько раз участвовал в рыцарских обрядах. Со временем сложился ритуал посвящения в воины. На юношу, достигшего известного возраста, надевали доспехи, вручали меч и произносили целый ряд клятв, которые он должен был соблюдать, вступая в воинское братство [1, с. 255]. Зафиксировано, например, свидетельство о том, как в 781 г. сын Карла Великого Людовик уже в 13 лет получил от отца «меч воина» [6, с. 116].

Второе предание называется «Карл Великий и змея». Сюжет состоит в том, как Карл во время своего визита в Цюрих [в те времена это был еще не город, а кельтско-германское поселение Турикум. – *Е.М.*] приказал поставить столб и привязать к нему колокол со спущенной до земли веревкой, чтобы каждый подданный мог подать сигнал о своей жалобе и быть допущенным к суду самого короля. Однажды Карлу пришлось рассудить не только человека, но и змею, которая пожаловалась на жабу, захватившую ее жилище. Если рассматривать противоречивость символа змеи (мудрость и коварство) и жабы (живительная блага и атрибутика колдовства), то в таком контексте они олицетворяют многомерный облик самого Карла Великого. В своих материалах Грановский старается не преувеличивать достоинства или качества правителя. Поэтому образ Карла Великого выходит из-под пера русского историка многоликим. С одной стороны, это воин с государственным мышлением, законодатель и просветитель, собравший вокруг себя образованных людей, с другой – жесткий правитель, не щадящий жизни подданных, а также многоженец и отец, воспитавший безнравственное семейство.

Третье предание, которое записывает Грановский, называется «Возврат короля Карла из Венгрии». Сюжет разворачивается вокруг похода Карла против аваров, живших уже два века в Паннонии (территория современной Венгрии), и его обещания любимой жене обязательно вернуться через десять лет [в реальности война длилась восемь лет, с 781 по 799 г. – *Е.М.*]. Здесь отчетливо чувствуются аналогии с поэмой Гомера «Одиссея», символизирующей долгое и трудное возвращение воина-героя домой. Это

предание для Грановского является, пожалуй, самым ярким примером «признательной памяти» потомков и «народного воображения» [2, с. 243].

Самым последним мифологическим свидетельством является то, когда, уже будучи в «закатном» возрасте своей жизни, Карл заплакал, услышав известие о том, что разбойничьи суда захватили несколько франкских кораблей. Рассказ представляет Карла Великого отцом, заботящимся о будущем своих детей, и завершается словами: «Что же будет после меня, если при мне уже грабят норманны» [1, с. 293].

Собрав воедино вышеизложенное, можно высказать ряд обобщающих соображений.

Факты. Образ Карла Великого, вышедший из-под пера Грановского, документально изложен стройно и обоснованно. В лекциях, статьях и публичных выступлениях Грановского историческая личность предстает в трех образах – завоевателя, законодателя, просвещенца. Каждый образ носит емкий характер с той точки зрения, что все причины и результаты деяний монарха рассмотрены в контексте всеобщей истории. История правления Карла Великого встроена Грановским в поток имманентно взаимосвязанных событий средневековой культуры. Например, если анализируются тексты «капитуляций», то обязательно отмечается, что первые главы были созданы еще при Меровингах, упорядочены и актуализированы при самом Карле Великом, затем утрачены в последующие времена, но не целиком, а с сохранением практики административных марок. Схожие примеры таких сквозных «линеек» Грановского можно привести и с историей просвещения, и с историей летоисчисления. Первая историческая связка: до правления Карла – упадок образования, в его правление – школы, впоследствии – университеты; вторая связка: до правления Карла – Юлианский календарь, введенный Юлием Цезарем, в его время – признание календаря, впоследствии – реформа летоисчисления, которая послужила дополнительным поводом раздора между католиками, принявшими новое летоисчисление в 1583 г., и протестантами, считающими, что надо чтить и хранить традиции деяний великого императора.

Мифы. Если деятельность Карла Великого фиксируется Грановским в триаде «завоеватель – законодатель – просветитель», то предания об императоре он распределяет несколько в ином ракурсе – «воин – судья – любящий муж и отец». Грановский признает значимость легенд о великих событиях и людях. В классификации его источников предания и свидетельства помещаются между историческими фактами и поэтическим наследием народа. В какой-то мере это совпадает с интерпретацией мифа как поэзии и «прекрасной видимости», представленной в книге К. Хюбнера «Истина мифа» (1996) [7]. Разумеется, Грановский, профессиональный историк, строго разделял естествознание и поэзию. В отношении фактов, представленных с противоположных позиций, Грановский любил повторять, что историк не может принять ничью из сторон, пока не будут собраны уточняющие сведения о времени и месте события. В отношении мифов он не был

столь строг, предпочитал говорить о преданиях как о искусстве, как о плодах народного воображения, помогающего делать историю интересной и трогательной. Нетрудно заметить, как со времени обучения в Берлинском университете Грановский проникся силой традиций немецкого романтизма. Поэтому миф для него был творческим материалом, который создает народ-поэт в собирательном смысле этого слова.

Список литературы

1. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1986. 427 с.
2. Грановский Т.Н. Предания о Карле Великом // Т.Н. Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 238–243.
3. Ненарокова М.Р. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 140–149.
4. Симинченко О.И. Карл Великий: трансформация образа государя в исторических сочинениях // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 6 (70). С. 110–136.
5. Смирнов В.Н. Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 6–17.
6. Элиаде М. Западное католичество от Карла Великого до Иоахима Флорского // М. Элиаде. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации / пер. с фр. М.: Академический проект, 2012. С. 109–142.
7. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.

T.N. GRANOVSKY: FACTS AND MYTHS OF MEDIEVAL CULTURE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the second article on this topic remains the same - to continue to consider how fact and myth are combined in Granovsky's texts, and what research effect such different sources acquire at the output. For clarity of presentation, this time the image of Carolus Magnus was chosen. It is concluded that in Granovsky's writings, evidentiary sources and myths, taken together, help make the appearance of a historical figure multifaceted. Working with facts personifies a professional view of the emperor's activities, and legends and traditions testify to the «appreciative memory» of descendants and the power of the «popular imagination».

Keywords: T.N. Granovsky, history, culture, medieval culture, historical fact, myth.

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2024.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 130.2:1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.202

ЗАРОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ПРОГРЕССИЗМА: ФРАНЦИЯ ИЛИ РОССИЯ?

С.И. Сулимов

ФГБУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

Цель исследования – выявить и раскрыть основные идеи философско-исторического учения о прогрессе. **Новизна исследования** заключается в сопоставлении представлений французских просветителей А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе об историческом прогрессе с учением отечественного философа В.Н. Татищева (1686–1759) об историческом развитии человечества. **В результате исследования** нами были обнаружено немалое сходство между этими тремя концепциями. И если учения А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе закономерно похожи друг на друга, потому что их авторы – учитель и ученик, то созданная В.Н. Татищевым теория хронологически старше своих французских аналогов и не может быть объяснена как заимствование западных идей русским мыслителем.

Ключевые слова: философия истории, учение о прогрессе, периодизация истории, «умопросвящение».

Введение

Актуальность данной темы связана с влиянием, которое учение о прогрессе оказало на философию истории Нового времени. В частности, без идей А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, вполне возможно, даже марксизм не появился бы или сформировался в ином виде, не похожем на классический. Однако считать прогрессизм концепцией, возникшей в культурных и идейных условиях французского Просвещения, всё-таки нельзя. Как свидетельствуют факты, аналогичное учение было сформулировано В.Н. Татищевым в России парой десятилетий раньше, чем А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе во Франции, и поэтому нельзя считать прогрессизм исключительно новоевропейской философской системой.

В данной работе мы предпримем попытку сравнительного анализа понимания прогресса западными философами-просветителями и русским мыслителем В.Н. Татищевым, а также предложим своё объяснение сходства и различия этих учений.

Целью исследования является сравнительный анализ французского и русского учений о прогрессивном развитии общества. Эта цель предполагает решение следующих задач:

© Сулимов С.И., 2024

- выявление общих принципов прогрессизма в философии французского Просвещения;
- обзор понимания истории В.Н. Татищевым;
- компаративистский анализ русского и французского учений о прогрессе;
- установление историко-культурных условий формирования прогрессизма во Франции и России.

Методологической основой исследования послужили сравнительный анализ и сопоставление философских взглядов таких мыслителей, как А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе и В.Н. Татищев с акцентом на понимании этими авторами закономерностей исторического процесса.

Теоретической базой работы являются сочинения французских философов-просветителей, а также описание культурной специфики первой половины XVIII в. британским историком Р. Осборном.

Учения каждого из затронутых нами авторов по отдельности рассматриваются в большом количестве отечественных и зарубежных научных работ, однако чаще всего исследователи сосредотачивают внимание на гносеологическом и социально-философском аспектах учений французских просветителей и их русского современника. Сравнительный анализ сформулированных ими моделей истории, насколько нам известно, никто не проводил.

Практическая значимость исследования заключается в использовании его результатов при чтении таких гуманитарных курсов, как социальная философия, история зарубежной философии, история русской философии, культурология и философские вопросы истории. Также результаты исследования могут применяться в анализе дальнейшего развития новоевропейской философии.

Понимание исторического прогресса в философии Анна Робера Тюрго и Жана Антуана Кондорсе

Предтечей философии прогресса считается французский философ и политик Анн Робер Тюрго (1727–1781), некоторое время занимавший должность министра финансов при короле Людовике XVI и сформулировавший свои взгляды на исторический процесс в небольшой работе «Рассуждение о всеобщей истории», изданной им за несколько десятилетий до назначения на министерский пост. Подобно большинству представителей философии французского Просвещения, А.Р. Тюрго принадлежал к гносеологическому направлению сенсуализма и считал ощущения главным источником человеческих знаний о мире. Абстрактные представления, характерные для человеческого мышления, по мнению философа-финансиста, формировались очень долго, и без непосредственного контакта с чувственной реальностью разум оказался бы в некоем «лабиринте», состоящем из идей, абстракций и ложных суждений [6, с. 105]. По этой же причине человеческая личность может выражаться только в материальных действиях, а не в фантазии.

Именно поэтому история человечества представляет собой случившиеся события, а не какие-то идеальные планы и рациональные, но неосуществлённые замыслы. По мнению мыслителя, человеческий разум играет в развитии общества немалую роль, но эта роль заключается отнюдь не в создании идеалов, а в постижении реальности. Причём это постижение выражается в конкретных, зримых успехах и достижениях ремёсел, философии, науки и искусства. С точки зрения А.Р. Тюрго, общество, располагающее развитым хозяйством и регулярно совершающее технические новации, гораздо прогрессивнее своих соседей, живущих по гуманному, но неизменному закону и поэтому не совершенствующим свой быт и технологии.

С точки зрения французского мыслителя, человечество представляет собой единый субъект истории, который в силу ряда причин делится на отдельные общества, имеющие не одинаковый темп развития. Размышляя о причинах неравномерности начала исторического пути различных народов, А.Р. Тюрго отверг популярный в те годы географический детерминизм Ш.-Л. Монтескьё. Природно-климатические условия, по мысли просветителя, оказывают влияние на становление того или иного народа, но это вовсе не единственный фактор, определяющий ход истории. В частности, не только природа, но и политическое, социальное и интеллектуальное состояние общества намечают жизненный путь любого индивида, и поэтому даже самый талантливый одиночка рискует никак не проявить свои таланты, если условия жизни этому не способствуют: «Приходится признать, что если бы Корнель, выросший в деревне, шёл за плугом всю свою жизнь, что если бы Расин родился в Канаде среди гуронов или в Европе XI в., то они никогда не могли бы проявить своих дарований. <...> Прогресс, хотя и неминуемый, перемешивается с частыми упадками благодаря событиям и революциям, прерывающим его, поэтому он был весьма различен у различных народов» [6, с. 107]. Причём народ, в данный момент не имеющий условий для умственного развития (а значит, и для хозяйственного расцвета), в другой исторический момент может их создать и добиться достижений, о которых его предки и мечтать не смели всего пару поколений назад. С точки зрения А.Р. Тюрго, установленная в обществе форма правления влияет на общественное развитие гораздо сильнее, чем ландшафт, хотя бы потому, что благодаря ей формируется наиболее распространённый в данном народе тип характера. К примеру, деспотическое правление мыслитель считал благоприятным для подхалимов и губительным для любой частной инициативы. По мысли А.Р. Тюрго, для народа выгоднее идти путём беспорядочного, долгого и бурного развития, нередко затевая бессмысленные и бесполезные начинания, чем оказаться в рамках раз и навсегда установленного порядка, любое отступление от которого непременно карается. Такой порядок даже если и сопровождается хозяйственными успехами, то в скором времени обязательно закоснеет и от динамики перейдёт к статике. С точки зрения просветителя, человеческие страсти являются не менее важным побудительным мотивом, чем разумные соображения, и вдохновлённые ими

поступки становятся такой же частью истории, как и заранее спланированные действия. Даже исправление совершенных под влиянием страсти ошибок более благотворно для общества, нежели бесконечная размеренная статика [6, с. 86].

Признавая единство человечества как исторического субъекта, А.Р. Тюрго выделил следующие этапы, которые на данный момент прошли не все общества из-за неравенства условий, в которых начинался их исторический путь. Это охотничий, пастушеский и земледельческий этапы. На охотничьем этапе формируются племена, но отношения между этими небольшими, дикими общностями скорее отстранённые, чем враждебные: ведь делить друг с другом им практически нечего, а редкие стычки из-за промысловых угодий носят эпизодический характер. Затем, когда общество одомашнивает животных и переходит к пастушескому образу жизни, его хозяйство становится производительным и позволяет содержать рабов. С точки зрения французского мыслителя, на том историческом этапе рабство никак не связано с жестокостью и лишь удовлетворяет потребность растущей экономики в рабочих руках. Но пастушеское общество, с точки зрения философа, не знает своей истории, потому что историческая память возникает вместе с письменностью, которая является его основой. Именно поэтому история всех кочевых народов сохранена и осмыслена их оседлыми соседями, а не ими самими. Оседлая же жизнь начинается только с появлением земледелия, которое является закономерным результатом domestikации растений, предпринятой наиболее наблюдательными пастухами. Именно на земледельческом этапе возникают государство и письменность, позволяющие обществу сохранять свои достижения, анализировать произошедшие с ним события и последовательно, непрерывно познавать мир. Именно в этот момент над обществом нависает опасность формирования деспотии, которая рискует навсегда законсервировать его в текущем состоянии. Если же народ долгое время находился в охотничьем и пастушеском состоянии и тем самым избежал деспотического правления, то со временем он сумеет одолеть дряхлеющего, но не развивающегося цивилизованного соседа. Ведь его хозяйственный и социальный прогресс продолжается хоть и медленно, но непрерывно.

В разрушении цивилизованного общества варварами А.Р. Тюрго не видел ничего плохого, считая, что все значимые технические и духовные достижения постепенно будут усвоены победителями. В частности, просветитель считал залогом исторической преемственности того или иного технического изобретения или произведения искусства превращение их в товар, благодаря чему, сохраняя и транслируя это наследие, отдельный человек или группа людей могут разбогатеть, то есть имеют материальный интерес. Изобретение книгопечатания и развитие торговли книгами мыслитель считал залогом того, что в новоевропейской истории никакое знание уже не рискует быть утраченным и может легко распространиться по всему миру.

Идейным наследником министра-философа стал Жан Антуан Кондорсе (1743–1794), не только увлечённый концепцией А.Р. Тюрго, но и знакомый с ним лично. В своей работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Ж.А. Кондорсе соглашался с предшественником в оценке роли таких исторических факторов, как природные условия, человеческие страсти, письменность и деспотическая форма правления. Однако главным признаком прогресса мыслитель считал не зримые хозяйственные успехи и технические новации, а интеллектуальную деятельность, в ходе которой человеческие познавательные способности неуклонно углубляются. Даже те размышления, которые не связаны с решением материальных вопросов или поиском природных закономерностей, опосредованно влияют на совершенствование человеческого разума. А рост разумности непременно вызовет очередное прогрессивное изменение в образе жизни общества. Получается, что мыслители, задаваясь не связанными друг с другом вопросами в различных дисциплинах и сферах, непроизвольно образуют нечто вроде единого интеллектуального поля, качественные изменения в котором меняют и материальную жизнь, выражаясь в изобретениях, новациях и открытиях. Вот как характеризовал это «интеллектуальное поле» сам Ж.А. Кондорсе: «Итак, все интеллектуальные занятия людей, как бы они ни различались по своему предмету, методу или необходимым для них умственным способностям, содействовали прогрессу человеческого разума. Вся система трудов людей, в самом деле, подобна хорошо составленному производству, части которого методически разделённые, должны, тем не менее, быть тесно связаны, образовать одно целое и стремиться к единой цели» [2, с. 192]. К той же эпохе мыслитель относил формирование общественного мнения, формируемого и поддерживаемого многочисленными, не связанными друг с другом журналистами и поэтому неуязвимого для одностороннего диктата государственных и церковных инстанций.

Исходя из того, что первоначально любые прогрессивные общественные изменения инспирируются человеческим разумом и лишь в процессе осуществления воплощаются в материальной реальности, мыслитель составил следующую периодизацию истории: первобытная эпоха; эпоха пастушеских народов; прогресс земледельческих народов; прогресс человеческого разума в Греции до времени разделения наук в век Александра; прогресс наук от их разделения до их упадка; упадок просвещения до его возрождения ко времени крестовых походов; от первых успехов наук в период их возрождения на Западе до изобретения книгопечатания (хронологически – эпоха Возрождения); от изобретения книгопечатания до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета (XVI–XVII вв.); от Декарта до образования Французской республики. Для каждой из этих эпох характерно сочетание духовных, политических и технических новаций, каждая из которых, возникнув даже по случайности, вызывает эффект домино. Например, Великие географические открытия опосредованно привели к обогащению европейского купечества, росту мануфактур и уменьшению влияния

Церкви на духовную жизнь, следом за которым появились учение об общественном договоре и дальнейшая политическая философия [2, с. 139]. Ж.А. Кондорсе предсказывал наступление вскоре после французской революции 1789 г. следующей эпохи, в которой принципы экономики, философии и нравственности будут объединены.

Размышляя об исторической преемственности, мыслитель соглашался со взглядами А.Р. Тюрго на этот вопрос, но подчёркивал два его аспекта. Во-первых, по мысли Ж.А. Кондорсе, распространение книгопечатания сделало процесс накопления и распространения знаний необратимым, а прогресс – постоянно ускоряющимся, потому что трансляция знаний, накопленных европейскими народами, через печатное слово в сочетании с колониальной экспансией неминуемо создаст в мире новые центры интеллектуального развития, приобщив к новинкам передовой западной мысли неевропейские народы. Во-вторых, мыслитель занимал антиклерикальную позицию, считая, что Церковь монополизировала право на знания и веками сдерживала развитие разума в подконтрольных ей обществах. Именно случившейся в XVI в. Реформацией просветитель объяснял яркий расцвет естественных и гуманитарных наук в Новое время.

Итак, мы кратко рассмотрели основные положения учения о прогрессе, сформулированного французскими философами-просветителями. Именно в таком виде прогрессизм перешёл в XIX в., получив развитие в философии О. Конта и К. Маркса. Однако прогрессисты-французы не были одиноки. Их имена и воззрения известны всему миру, но вовсе не они являются первопроходцами такого понимания общественного развития.

Прогрессизм в философии Василия Никитовича Татищева

В русской философской традиции первым представителем прогрессистского понимания истории можно считать Василия Никитовича Татищева (1686–1750), который известен в первую очередь как автор фундаментального сочинения «История Российская». Свои же теоретические взгляды на исторический процесс мыслитель ёмко и кратко изложил в работах «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» и «Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской».

Ведущими началами человеческой деятельности В.Н. Татищев считал разум и волю, но, в отличие от своих французских коллег, не произносил апологий страстям и полагал, что разум должен доминировать над волевыми побуждениями и держать их под строгим контролем. В этом нет никакого насилия человека над самим собой, потому что разум является способностью отличать добро от зла и своим господством ведёт человека лишь к благополучию. Таким образом, В.Н. Татищев стоит на позиции этического рационализма и констатирует, что «все деяния от ума или глупости происходят» [4, с. 287] (соответственно, благие деяния – от ума, а вредоносные – от глупости). Одним из признаков благополучия мыслитель считал чистую совесть и умение индивида поддерживать доброжелательные отношения с

другими людьми [5, с. 47]. Поэтому одним из проявлений разумности В.Н. Татищев считал религию, полагая, что она не противостоит развитию человеческого разума, а развивается вместе с ним. История человечества с данной позиции предстаёт как процесс постепенного возрастания разумности, в том числе и в сфере религиозности, и распространения её достижений от передовых народов ко всем остальным. Для описания исторического процесса В.Н. Татищев, в отличие от французских просветителей, не употреблял термин «прогресс», а использовал слово «умопросвящение». Однако, как мы увидим ниже, это различие не умаляет сходства русского и французского учений.

Отечественный мыслитель делил историю человечества на три этапа, разделённых следующими событиями, словно вехами: появление письменности, возникновение христианства, изобретение книгопечатания. До появления письменности каждый народ и даже каждое племя руководствовались собственными обычаями, которые нередко были крайне примитивными, а процесс накопления знаний об окружающем мире проходил медленно и неравномерно. Ведь даже самые мудрые и изобретательные люди могли доверить свои технические и духовные новации лишь устной коллективной памяти, которая часто деформировала или утрачивала эти знания и навыки. Появление же письменности позволило целенаправленно накапливать информацию и создать кодексы законов, не зависимые от личности и амбиций конкретных судей. В качестве примера законодателей, своей деятельностью определивших жизнь целых народов на века, В. Н. Татищев указывал Ликурга Спартанского, Нуму Помпилия, Солона Афинского и других полулегендарных политиков-мудрецов, однако отмечал, что созданные ими законы «не токмо кратки, но и не весьма с благонравием и пристойностью сходны» [5, с. 75]. Знания об окружающем мире под влиянием письменности переживают процесс бурного, но беспорядочного развития. Так, появляются философия, медицина, астрономия, математика, но с ними соседствуют астрология и мантика; более того, большинство этих наук на ранней стадии развития действуют обособленно и не создают единой картины мира.

С возникновением христианства мыслитель связывал соединение религии, нравственности, философии и права: «Великая перемена, ибо тогда вскоре многие нужные и наставлению нашему от умных и братолюбие совершенное имеющих людей начались книги, в которых гиштории [истории. — С.С.] прошедших времён или учения к нашей пользе представлялись; другие же законы духовные и гражданские сочинять и людей на благое наставлять, а от зла удерживать стали» [5, с. 72]. Важно, что письменность существовала и до возникновения христианства, ведь составляемые язычниками законы не ставили своей целью ничью пользу, кроме отдельно взятого народа или племени. Поэтому В.Н. Татищев считал проводимую в Новое время христианизацию американских и сибирских туземцев разнообразностью «умопросвящения». На обвинение Церкви в притеснении светских

отраслей знания философ отвечал, что в Средние века ни одна религия не миновала данной практики, и поэтому не следует считать пару досадных инцидентов сущностной чертой христианства.

Изобретение в Европе книгопечатания, по мнению В.Н. Татищева, стало важной исторической вехой, потому что позволило быстро и немалыми тиражами издавать книги научной и нравственной направленности. Мыслитель отмечал, что печатный станок был известен в Китае ещё в Средние века, но его конструкция не позволяла издавать книги быстро. Теперь же благодаря станку конструкции И. Гутенберга печатное слово вполне успевает за новыми идеями и способствует их быстрой трансляции через государственные границы. Философ констатировал, что к началу XVIII в. в Европе сложилось единое интеллектуальное сообщество, идеи в котором свободно циркулируют от одного мыслителя к другому, вызывая тем самым аккумуляцию и быстрый рост научного знания. Таким образом, распространение печатного слова оказалось важнейшим фактором исторической преемственности и формирования общечеловеческого духовного единства. Занимая различные посты на российской государственной службе, В.Н. Татищев способствовал распространению в России самых передовых достижений европейской науки и формированию отечественного академического сообщества и инженерного корпуса. К примеру, при его поддержке был открыт ряд горнозаводских школ [1, с. 88]. Важным отличием понимания истории В.Н. Татищевым от французского учения о прогрессе стала мысль о независимости «умопрояснения» от формы государственного устройства. Выше мы видели, что А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе считали деспотический режим важным препятствием на пути прогресса, которое непременно приводит к замедлению роста человеческой разумности или даже к его остановке. Отечественный мыслитель не был столь категоричен. По его мнению, развитие научного знания зависит в первую очередь от желания конкретных людей это знание осваивать и развивать, а вовсе не от формы правления в стране. Доказывая свою точку зрения, исследователь ссылался на исторические факты: «Зане хотя аглинская [английская. – С.С.] вольность к распространению, папешское тиранство ко утеснению наук некоторый вид подают, однако ж не существо представляют, зане в других тому противное обретаем. Яко Франция есть государство самовластное и более, нежели Италия, Гишпания [Испания. – С.С.], Германия и Польша, властью государя правится, однако ж к расширению наук не токмо не препятствует, но паче любомудрием государей и прилежностью подданных от часу науки умножаются и процветают, оные ж со всею их вольностью в углу училищ сидят» [5, с. 131]. Поэтому мыслитель не видел в монархическом устройстве Российской империи никаких препятствий для «умопрояснения» и не считал политические преобразования необходимым условием для исторического прогресса.

Французское и русское учения о прогрессе: общее и особенное

Итак, мы кратко рассмотрели созданные в отечественной и французской философии XVIII в. учения о прогрессе. Какие их общие черты мы могли бы выделить? Все три мыслителя признают единство человечества и тем самым полагают, что все народы и общества идут одним и тем же историческим путём. Разрывы в этом пути порой случаются, но вскоре заполняются благодаря преемственности знаний об окружающем мире. И французские авторы, и их русский коллега приписывают разуму роль локомотива общественного развития: прогрессирует разумность – прогрессируют все сферы жизни общества. Разум понимается философами-прогрессистами не только как инструмент познания мира, но и как важнейшее условие изменения образа жизни своих носителей. Ведь имеющий достоверные знания о мире человек не станет повторять ошибок, сделанных им самим в то время, когда он этих знаний не имел. Из всех трёх мыслителей наибольший пиетет перед разумностью испытывает В.Н. Татищев: если французские авторы сохраняли за человеческими страстями роль движущего мотива истории, то отечественный философ распространял действие разума и на сферу нравственности. Периодизации истории, сформулированные прогрессистами России и Франции, отчасти сходны: все три автора признают основополагающее значение книгопечатания для мирового развития.

Однако между учениями В.Н. Татищева и его французских коллег присутствуют важные различия. Во-первых, как мы видели выше, А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе понимают разум исключительно в контексте гносеологии, а В.Н. Татищев распространяет действие разума на сферу нравственности. Именно поэтому реабилитация страстей в философии русского автора невозможна. Если французские просветители отличались подчеркнутым антиклерикализмом, считая деятельность Церкви препятствием на пути прогресса, то для русского мыслителя возникновение христианства – прогрессивное событие, поскольку привносит разумность в сферу религии. Можно сказать, что В.Н. Татищев понимал прогресс шире, чем французские авторы, потому что допускал развитие и усложнение религиозных взглядов, в то время как А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе считали любую религию лишь временным этапом в развитии человечества. По этой же причине французские просветители не отделяли прогресс общества от политических преобразований: не считая религию способной к развитию, они предлагали попросту устранить как её саму, так и её социально-политическое наследие.

Если сравнить периодизации истории, предложенные В.Н. Татищевым (три этапа) и Ж.А. Кондорсе (десять этапов), то концепция французского мыслителя кажется более тщательной и проработанной. Однако не стоит забывать, что Ж.А. Кондорсе базировался на учении А.Р. Тюрго, взгляды которого он творчески дополнил. Русский же философ был первопроходцем данного вопроса, и в его распоряжении не имелось никакой теории, которую можно было бы переосмыслить. Если же обратить внимание на периодизацию истории, предложенную А.Р. Тюрго, который первым во

Франции поставил вопрос об общественном прогрессе, то он тоже выделяет лишь три этапа в развитии человечества, хоть и по-иному, нежели В.Н. Татищев, критерию.

Можно ли предположить, что русский мыслитель вдохновлялся сочинениями своих французских коллег-прогрессистов? Это совершенно невозможно хотя бы потому, что В.Н. Татищев значительно старше А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, и его работы были написаны и изданы раньше французских аналогов. В частности, «Рассуждение о всеобщей истории» А.Р. Кондорсе увидело свет в 1751 г., а сочинение Ж.А. Кондорсе было издано лишь в 1795 г., через год после смерти автора. В.Н. Татищев же умер в 1750 г., начав публикацию своего фундаментального труда «История Российская» в 1732 г., хоть эта книга и увидела свет только в 1768 г. Следовательно, «Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской», по смыслу являющееся предисловием к «Истории», не могло быть написано позже, чем основной труд (т. е. после 1732 г.). Почему же идеи В.Н. Татищева не стали известны в академическом сообществе раньше, чем французское учение о прогрессе? Вероятно, тому виной два фактора. Во-первых, сам мыслитель не употреблял слово «прогресс», предпочитая собственный термин «умопросвящение», и это не позволило в XVIII в. провести аналогию между концепциями В.Н. Татищева, А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе. А во-вторых, сочинения В.Н. Татищева не пользовались популярностью даже среди русской публики из-за устаревшего литературного языка, которым они были написаны. Сформировавшийся как личность на рубеже XVII–XVIII вв., Василий Никитович всю жизнь изъяснялся языком допетровской эпохи, который уже к середине XVIII в. звучал архаично даже в Москве, не говоря о Санкт-Петербурге. Поэтому получилась трагическая ситуация, когда идеи прогрессизма, будучи созданными в России, пришли к русскому читателю из Франции.

Возникает закономерный вопрос: в силу каких причин похожие философские учения возникли в одну и ту же эпоху в таких разных государствах, как Франция и Россия? Британский исследователь Р. Осборн полагает, что философия французского Просвещения представляет собой реакцию образованного, интеллектуального общества на нехарактерную для предшествующих эпох историческую обстановку [3, с. 471–472]. А обстановка эта оказалась буквально тепличной: благодаря сбалансированной, взвешенной внутренней политике кардинала Ришелье и Людовика XIV во Франции удалось не только прекратить религиозные войны, но и устранить предпосылки к ним, фактически превратив королевство в светское государство. Те военные кампании, которые Король-Солнце всё-таки вёл, протекали за пределами страны и никак не угрожали жизни большинства французов. Практически до самой Семилетней войны (1756–1763 гг.) парижским интеллектуалам казалось, что общество само собой развивается от успеха к успеху, жизнь становится всё интереснее и безопаснее, научные открытия следуют одно за другим, и для окончательного торжества прогресса разума

осталось лишь покончить со «средневековым» клерикальным и монархическим наследием. Ситуация в России первой половины XVIII в. была иной, однако петровские реформы, приведшие к внушительным военным победам и экономическим достижениям, преобразившие как внешний вид российских городов, так и саму структуру русского общества, давали повод думать, будто начинается новый – разумный и яркий – исторический этап. Поэтому нет ничего удивительного в том, что историческое развитие человечества казалось прогрессивным как французским, так и русским мыслителям.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели понимание процесса исторического развития французскими философами А.Р. Тюрго и Ж.А. Кондорсе, а также отечественным мыслителем В.Н. Татищевым. Между русской и французской концепциями прогресса заметно немалое сходство: признание общечеловеческого единства, видение истории как непрерывного роста человеческой разумности и, как следствие, совершенствования общественного устройства и отношений. Присутствуют и важные различия: например, в понимании роли религии как фактора общественной жизни, а также критериев периодизации истории. Досадный факт, что В.Н. Татищев вместо термина «прогресс» пользовался словом собственного сочинения («умопросвящение»), не позволяет открыто признать, что все три автора действовали в рамках единого учения. Однако это не уменьшает сходства их взглядов, и это сходство вызывает тем большее удивление, что русский философ и его французские коллеги не были знакомы с идеями друг друга.

Список литературы

1. Верещагина И.П., Чапаев Н.К., Шелепов А.К. О роли В.Н. Татищева в развитии горнозаводских школ Урала // Образование и наука. 2005. № 6 (26). С. 85–91.
2. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2020. 265 с.
3. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2018. 768 с.
4. Татищев В.Н. Предъизвещение об истории общественное и собственно о русской / В.Н. Татищев. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 268–287.
5. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В.Н. Татищев. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 45–159.
6. Тюрго А.Р. Рассуждение о всеобщей истории / А.Р. Тюрго. Избранные философские произведения. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 75–142.

THE ORIGIN OF THE PHILOSOPHY OF PROGRESSIVISM: FRANCE OR RUSSIA?

S.I. Sulimov

Voronezh State University, Voronezh

The **purpose of the study** is to identify and reveal the main ideas of the philosophical and historical doctrine of progress. The **novelty of the study** lies in the comparison of the ideas of the French enlighteners A.R. Turgot and J.A. Condorcet about historical progress with the teachings of the Russian philosopher V.N. Tatishchev (1686–1759) about the historical development of mankind. As a **result of the study**, we found considerable similarities between these three concepts. And if the teachings of A.R. Turgot and J.A. Condorcet are naturally similar to each other, because their authors are a teacher and a student, then the theory created by V.N. Tatishchev is chronologically older than its French counterparts and cannot be explained as borrowing Western ideas by a Russian thinker.

Keywords: *philosophy of history, the doctrine of progress, periodization of history, «enlightenment».*

Об авторе:

СУЛИМОВ Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Author information:

SULIMOV Stanislav Igorevich – PhD, associate professor, associate-professor of the Department of History of Philosophy and Culture, Voronezh State University, Voronezh. E-mail: sta-sulimov@ya.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 15.04.2024.

УДК 172.4+355.01

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.214

МАССА И ВОЙНА В ТРАКТОВКЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ

А.А. Шестаков, Н.А. Балаклеец

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,
г. Самара

В статье предложена интерпретация концепции Элиаса Канетти, представленной в его работе «Масса и власть». Эксплицированы способы взаимодействия массы и власти. Раскрыты способы функционирования «двойной массы», в том числе применительно к военной деятельности. Показано влияние на идеи Канетти модели миметического насилия, предложенной Карлом фон Клаузевицем. В качестве эрзаца кровопролитного столкновения двойных масс в «Массе и власти» понимаются спортивные состязания и парламентские дебаты. Проанализирована конститутивная для концепции Канетти фигура «выживающего». Обосновано, что установка на обнаружение антропологических констант, реализуемая в «Массе и власти», порождена беспрецедентными всплесками насилия в войнах XX века. Эксплицировано влияние социально-исторического контекста и экзистенциального опыта автора на истолкование ключевых элементов его концепции.

Ключевые слова: масса, война, политическая философия, власть, насилие, история, победитель.

Opus magnum Элиаса Канетти «Масса и власть» является одной из самых фундаментальных работ, раскрывающих суть и истоки политических конфликтов и разоблачающих антигуманную сущность неоправданного насилия. Австрийский писатель и мыслитель был далеко не первым автором, обратившимся к анализу феномена массы и коллизиям взаимоотношения массы и власти. В конце XIX в. увидело свет исследование Густава Лебона «Психология народов и масс». Спустя два десятилетия вышла в свет книга Зигмунда Фрейда «Психология масс и анализ Я». И, безусловно, данный перечень будет неполон без упоминания «Общественного мнения и толпы» Габриэля Тарда и «Восстания масс» Хосе Ортеги-и-Гассета.

Трактат «Масса и власть», увидевший свет в 1960 г., представляет собой политико-философское и культурологическое произведение, инициированное экзистенциальным опытом автора. В июле 1927 г. 21-летний Элиас стал свидетелем события, которое стало одним из самых драматичных в его жизни. Тогда в Вене произошли бурные волнения, в результате которых сгорел Дворец правосудия, а жертвами вмешательства полиции стали 89 демонстрантов. Канетти отмечал в связи с этим: «Я стал частью толпы, я полностью растворился в ней, я не чувствовал ни малейшего сопротивления тому, что она предпринимала» (цит. по: [14, S. 7]). Тема массы,

© Шестаков А.А., Балаклеец Н.А., 2024

которая занимала писателя с ранней юности, кристаллизовалась в травме того «ярко освещенного, ужасного дня», который стал источником экзистенциального опыта, предопределившего появление «Массы и власти»: «То, что я искал, извлекал, исследовал, записывал, читал и перечитывал как бы в замедленной съемке в далеких друг от друга источниках, я смог удерживать в памяти об этом центральном событии, которое оставалось свежим несмотря на то, что бы ни происходило потом в более широком масштабе, с участием большего числа людей и с большими последствиями для всего мира» (цит. по: [14, S. 7]).

По мнению одного из современных интерпретаторов Канетти Дэвида Кима, не следует сводить автора «Массы и власти» «к антропологу-любителю или политологу», необходимо «понять, каким образом он как писатель стремится предложить выход из войны и смерти, особенно для отдельных граждан, подчиняющихся государственным правилам. Именно по этой причине на протяжении нескольких десятилетий своей долгой жизни он работал над произведениями Гоббса, Фрейда и Шопенгауэра, прежде чем обнаружил в “Образцах бушменского фольклора” ключевой источник вдохновения для выживания в современном обществе» [12, p. 626].

Примечательно, что Канетти сознательно строит свое исследование массы и власти не на материале современной истории (и это прежде всего бросается в глаза при знакомстве с его *opus magnum*). Мыслитель осуществляет поиск культурных, политических и антропологических констант, для чего привлекает богатый этнографический и исторический материал, в том числе легенды и мифы древнейших времен. Канетти отмечает: «Масса повсюду равна себе: в разные эпохи, в разных культурах, у людей разного происхождения, с разным образованием, говорящих на разных языках, она остается, в сущности, той же самой» [5, с. 103]. На первый взгляд, приведенное положение трактата выглядит далеко не бесспорным, учитывая достигнутый человечеством уровень научно-технического прогресса. Выдвинем гипотезу, что интенция автора на экспликацию неких антропологических универсалий продиктована слишком очевидной аналогией между представителями современной цивилизации и древними племенами, аналогией, которая была порождена беспрецедентными по своим масштабам всплесками насилия в XX в.

Данная гипотеза подтверждается выводами современников Канетти, которые так же, как и он, стали очевидцами стихийного буйства толпы, иррациональных феноменов, которые не соответствовали укоренившемуся начиная с эпохи Просвещения рационалистическому пониманию социальных явлений. Так, в работе «Своевременные мысли о войне и смерти» (1915) Зигмунд Фрейд высказывает мысль, что разразившаяся мировая война, которая ведется «цивилизованными» странами, отличается не менее жестоким и иррациональным характером, чем войны прошлого. Обвинения ведущих войну европейцев в резком падении морального уровня, по мнению Фрейда, являются безосновательными, поскольку падение предполагает

предварительное достижение определенной высоты. Деградация связана с утратой достигнутого ранее уровня развития. Согласно Фрейду, возвеличивание морального облика европейцев есть всего лишь иллюзия. В конечном итоге громадная дистанция между современным европейцем и дикарем, которая так тщательно выстраивалась западноевропейской культурой и поддерживалась научной рациональностью, оказывается эфемерной: «война... лишает нас последних достижений цивилизации и обнажает в каждом из нас первобытного человека» [8, с. 48]. После Первой мировой войны Карл Густав Юнг пришел к выводу, что коллективное бессознательное немцев в послевоенный период содержало древние архетипические символы, которые выражали «первобытность, насилие, жестокость, короче говоря, всю власть тьмы» [9, с. 64]. Подобные деструктивные и не поддающиеся пониманию символы и являются, по мысли Юнга, источниками формирования толпы, лидером которой становится тот, в ком наиболее отчетливо проявляется воля к власти. Характеризуя Германию периода *interbellum*, швейцарский ученый отмечает, что «мировая война высвободила скрытые силы зла», развязавшись после накопления массами «их безрассудных желаний» [9, с. 66]. По сути процессы, затронувшие коллективное бессознательное немецкой нации, свидетельствовали об актуализации языческих элементов культуры: «старый бог бури и натиска, давно бездействующий Вотан, смог проснуться, как потухший вулкан, к новой деятельности в цивилизованной стране, о которой давно уже думали, что она переросла средневековье» [9, с. 72–73].

Подводя итог развитию немецкой критической литературы, увидевшей свет после окончания Первой мировой войны, Бернд Хюппауф отмечает, что ее центральным вопросом был вопрос о статусе войны в современной цивилизации. Достижение человечеством «цивилизованного» состояния предполагает его нравственную зрелость, которая проявляется в том числе и в отношении к войне. Если общество эпохи Просвещения породило идею «вечного мира», то Первая мировая война стала источником все возрастающего скепсиса по отношению к этому социально-политическому идеалу. В катастрофе мировой войны ее современники увидели эрупцию архаического, всплеск неконтролируемых страстей, которые не удалось погасить, несмотря на достижения разума и науки [11, S. 157]. Таким образом, на наш взгляд, установка на обнаружение антропологических констант, направляющая исследование Канетти, не является каким-то исключительным исследовательским приемом, но выражает разочарование поколения, испытавшего тяжесть мировых войн, в идеалах прогресса и цивилизации.

Явления, которые демонстрируют иррациональную силу разрушения, свойственную массам, обнаруживаются в разные исторические эпохи. Уже Французская революция продемонстрировала силу народных масс, которая имела не только внутрисполитические последствия, но и привела к существенным трансформациям войн, ведущихся на европейской территории. Наполеоновские войны велись уже не армиями, изолированными от народа,

но всей тяжестью народных масс [2, с. 37–39]. XX столетие вывело на авансцену истории массы нового типа – не только революционные, но и индустриализированные, истребляющие друг друга в войнах и военных конфликтах, готовые к неоправданно безжалостному насилию в отношении миллионов жертв. Апогеем идеологической индоктринации масс, получившим вес в политике и ставший мощным орудием войны, является немецкий национал-социализм, послуживший причиной гибели и страданий миллионов.

В данном исследовании мы не ставим своей задачей воспроизводить хорошо изученные выводы Канетти о природе массы и ее характеристиках. Мы сосредоточимся на малоисследованных, в особенности в отечественном философском и социально-гуманитарном дискурсе, аспектах «Массы и власти». Феномен массы, упоминаемый в названии трактата, несколько заслонил другой, не менее значимый объект анализа Канетти. Речь идет о феномене власти, оригинальная трактовка которого представлена на страницах работы. Взаимоотношения массы и власти в трактате представлены в следующих аспектах.

Во-первых, масса представляет собой продукт и средство усиления власти. Одним из атрибутивных свойств массы является непрестанная жажда роста, постоянного приращения. Политическая власть нуждается в массе живых людей, свидетельствующей о ее силе и могуществе: «*Властитель собирает людей*» [5, с. 484]. Однако масса живых выступает лишь орудием для приобретения властителем политической или военной славы. Постоянный приток безликих индивидов («армия теней») служит материалом, предназначенным для поддержания популярности властителя. Масса выступает средством поддержания дискурса власти, который основан на постоянном воспроизводстве ее имени.

Во-вторых, открытая масса, которая подвержена безудержному росту, может оказаться опасной для власти и, следовательно, должна быть «приручена». В качестве примера «послушной» массы Канетти приводит религиозную паству, существование которой далеко не всегда требует притока новых элементов. Принцип неподконтрольного *роста* сменяется в данном случае принципом *повторения*: функционирование социальной общности подчиняется строгому порядку, неизменным ритуалам. Однако внезапное преследование религии со стороны государства может повлечь за собой сбой в четко отлаженном механизме, подчиняющем себе массовые процессы. На смену послушной и контролируемой пастве (закрытой массе) приходит открытая масса, которая демонстрирует единство и необыкновенную способность к сплочению [5, с. 37].

В-третьих, масса может быть осмыслена как способ трансгрессии власти, преодоления ее границ. Если власть осуществляет производство социальных дистанций и границ, то масса, напротив, движима интенцией разрушения стабильных структур в социальном и физическом пространстве. Еще Г. Лебоном были выявлены такие черты толпы, как чрезвычайная

изменчивость, импульсивность, способность сочетать в себе преступное и героическое, а также «исключительно разрушающая сила» [7, с. 153, 165–167]. Указанные характеристики получают четкую кристаллизацию в «Массе и власти» Э. Канетти. Подобно аморфному и бескачественному Гераклитову огню, масса сметает на своем пути все устойчивое и определенное: рушатся дома и хрупкие предметы, превращаются в обломки каменные изваяния и памятники – зримые и весомые символы власти. В массе преодолеваются все социальные иерархии, имущественные и культурные дистанции, титулы и звания, которыми так дорожат люди в повседневной жизни: «Сбросив груз дистанций, человек освобождается, и эта обретенная свобода есть свобода преступления границ» [5, с. 30].

В зависимости от актуализируемых ими свойств массы подразделяются на открытые и закрытые, замершие и ритмические, медленные и быстрые, невидимые и видимые. Особое место в ряду социальных феноменов, эксплицированных Канетти, занимает *двойная масса*. Ее структура включает в себя две противостоящие друг другу гомогенные массы, напряжение между которыми позволяет каждой из них не распасться [5, с. 84]. Двойную массу образуют группы мужчин и женщин в архаических обществах (так, особая сила приписывалась военному танцу женщин, который был призван охранять «их отцов, мужей и сыновей от копий и пуль врагов... В 1941 г., когда немцы шли на Париж, женщины в Тананариве танцевали мирари, чтобы защитить французских солдат» [5, с. 88]). Кроме того, к двойной массе относится противостояние живых и мертвых. В данной связи важно подчеркнуть, что на появление канеттиевского концепта двойной массы, как и его концепции массы в целом, повлиял экзистенциальный опыт автора. В автобиографической книге «Факел в ухе» («Die Fackel im Ohr»), изданной уже после «Массы и власти», в 1980 г., Канетти описывает свои студенческие впечатления от знакомства с картиной Питера Брейгеля «Триумф смерти»: на этой картине изображены «сотни мертвых людей в виде скелетов», занятые тем, «что притягивают к себе столько же живых людей» [10, S. 132]. По признанию Канетти, которое проливает свет на происхождение его концепта «двойной массы», он «понимал, что речь идет о массе с обеих сторон, и как бы индивид ни чувствовал свою смерть в одиночестве, то же самое действует для всех остальных, и именно поэтому их необходимо мыслить вместе» [10, S. 133]. Помимо структур, состоящих из мужчин и женщин, мертвых и живых, двойная масса являет себя в противостоянии врагов на войне. Сокровенную причину войны Канетти усматривает в состязании растущих масс, каждая из которых стремится к «нагромождению штабелей вражеских трупов» [5, с. 91]. При этом каждый из участников войны принадлежит двум массам одновременно. Для собратьев по оружию он является элементом массы сражающихся живых воинов. Противник же рассматривает его в числе «потенциальных и желательно мертвых» [5, с. 95]. Все цели войны, по мнению Канетти, меркнут перед ее высшей целью – образованием массы мертвых противников. Страницы трактата, иницированные

живописью П. Брейгеля, в свою очередь, рожают другую художественную аналогию: на наш взгляд, «Апофеоз войны» В.В. Верещагина в наибольшей степени выражает идею гигантской массы мертвых – страшного наследия войны.

Ведение войны сопровождается противостоянием национальных массовых символов, которые выступают в качестве иррациональных элементов самосознания нации. Выделяя символы, свойственные отдельным нациям (море для англичан, дамба для голландцев, революция для французов, матадор для испанцев и т. д.), Канетти уделяет особое внимание национальному массовому символу немцев, в качестве которого выступает *войско*, точнее, как оговаривает сам автор, *мариширующий лес* [5, с. 215]. Важнейшее свойство леса – незабываемость – соответствует добродетели войска, «которое не побежит ни при каких обстоятельствах, которое ляжет до последнего человека, не уступив ни пяди земли» [5, с. 113].

Возникновение и развитие немецкого национал-социализма описывается в «Массе и власти» как «взаимопроникновение различных массовых механизмов», которое, по мнению Канетти, на уровне коллективной психики определяется глубинной структурой национального массового символа [13, S. 162]. Версальский договор ассоциировался в массовом сознании немцев не столько с поражением в Первой мировой войне, сколько с запретом иметь собственную армию, т. е. с утратой важнейшего национального массового символа. Слово «Версаль» для немца означало «запрещение деятельности, имеющей сакральный смысл, деятельности, без которой он не мыслит свою жизнь» [5, с. 226]. Здесь мы сталкиваемся с таким явлением, как *непризнание* побежденным собственного поражения, которое привело к катастрофическим для человечества последствиям – развязыванию новой мировой войны. Победа в войне одной из сторон и, соответственно, поражение другой стороны накладывают на них особые этические обязательства по отношению к будущему. Макс Вебер отмечал по этому поводу: «Вместо того чтобы – там, где сама структура общества породила войну, – ... искать после войны “виновного”, следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: “Мы проиграли войну – вы ее выиграли”» [3, с. 311]. Крайняя форма неприятия Германией своего поражения в Первой мировой воплотилась в пропагандистском выражении «Версальский диктат», которое неустанно повторялось Гитлером. Слово «Версаль», с одной стороны, напоминало об унижении для немцев окончании войны, но, с другой стороны, воскрешало в памяти победоносные страницы немецкой истории. Именно в Версале Бисмарком был основан Второй германский рейх. Единство Германии стало возможным после победы, одержанной над императором Франции Наполеоном III. Таким образом, упоминание Гитлером знаменитой резиденции Людовика XIV, правда, в новом историческом и социально-политическом контексте, служило угрозой военного реванша: «Версаль – это *поражение*, которое должно стать *победой*; это запрещенная армия, которую для этой цели следует восстановить» [5, с. 228].

Показательно, что в «Массе и власти» имплицитно присутствуют идеи Карла фон Клаузевица, притом что автор ни разу не упоминает знаменитого прусского военного теоретика (впрочем, ссылки на теоретиков – исследователей массы или толпы также отсутствуют.) Канетти отталкивается от знаменитой модели миметического насилия, которая была предложена признанным классиком военной теории [2, с. 19–53]. Согласно Клаузевицу, война представляет собой не только проявление физического насилия, но и соревнование волей: «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [6, с. 35]. Таким образом, кровопролитное противоборство будет длиться до тех пор, пока противники сохраняют волю к дальнейшей борьбе, пока ни один из них не сломлен в своем желании одержать победу.

Впоследствии клаузевицевское определение войны окажет непосредственное влияние на дефиницию власти М. Вебером: «Власть означает всякую возможность внутри какого-то социального отношения настоять на своей воле пусть даже вопреки чужому сопротивлению» (цит. по: [1, с. 43]). Соревнование волей, пронизанное попытками добиться доминирования над противником вопреки его сопротивлению, может происходить не только в военной, но и в мирных сферах деятельности. Военный мимесис, подражание сопернику в военно-технической области, сопровождаемое противоборством в духовной сфере (противостояние волей), приводит к деструктивным для всего человечества последствиям. Следовательно, императив деэскалации вооруженного насилия требует переноса неистребимого в человеке соревновательного духа в невоенную плоскость. В данном контексте заслуживают упоминания наивно-оптимистические прогнозы Пьера де Кубертена о том, что «спортивные состязания заменят войны и станут самыми миролюбивыми сражениями» [4, с. 88]. Экстраполяция миметической модели военной деятельности в мирное русло присутствует и в тексте «Массы и власти». В качестве эрзаца кровопролитного столкновения двойной массы военных противников выступают, во-первых, спортивные состязания, во-вторых, парламентские дискуссии [5, с. 235–236, 569–570].

Важную грань в осмысление войны у Канетти вносит фигура *выживающего* (*der Überlebende*), которая служит одним из концептуальных средств понимания автором победы в вооруженном противостоянии. Победитель, по мнению автора «Массы и власти», – это не тот, кто движим желанием признания (подобно гегелевскому Господину), не тот, кто поставил на кон свою жизнь и добился военного успеха ради трансцендентных ценностей. Согласно Канетти, победитель – это выживающий в ситуации смертельной схватки, тот, кто добился отсрочки собственной смерти посредством массовых смертей в стане врага: «Победитель – тот, кто убил больше врагов» [5, с. 90].

Автор «Массы и власти» отмечает: «Желание смерти другому действительно повсюду, и, чтобы его отыскать, не надо особенно долго копаться в человеческой душе» [5, с. 97]. По мнению Петры Кунау,

приведенная формулировка («смерть как желание») свидетельствует о рецепции идеи Фрейда о «влечении к смерти» («Todestrieb»). Однако если в концепции австрийского психиатра это влечение саморазрушительно, то у Канетти оно направлено преимущественно вовне, проявляясь в форме агрессии против врага, которая помогает воюющей массе предотвратить собственную смерть [13, S. 84–85]. Безусловно, можно согласиться с Канетти в том, что победитель открывает перед своими соплеменниками или согражданами «перспективу определенного долгожительства» [5, с. 98]. Однако, на наш взгляд, смысл победы не исчерпывается возможностью коллективной отсрочки смерти. Победитель не просто дает возможность сохраниться своему и родиться последующим поколениям. Выжить и дать жизнь другим поколениям можно и будучи побежденным, в ситуации политической несвободы. Редукция нравственного компонента победы и акцент на ее исключительно биологической составляющей могут быть объяснимы той критической дистанцией по отношению к любому насилию (и, соответственно, его результатам), которую автор стремится выдержать на протяжении всего повествования. Стремление к победе действительно может приобретать патологические формы, воплощаясь, как в случае национал-социализма, в ведении войны на уничтожение (Vernichtungskrieg). Вместе с тем, дистанцируясь от перспективы победителя и будучи непричастным к этой перспективе, Канетти игнорирует значение победы в справедливой войне, которая оплачена высокой ценой и имеет моральное оправдание.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что «Масса и власть» содержит обширный материал, способствующий осмыслению как причин эскалации, так и способов деэскалации насилия в прошлом и настоящем. Установка на экспликацию антропологических констант, реализуемая в исследовании Канетти, обусловлена, на наш взгляд, беспрецедентными по своему масштабу всплесками насилия в мировых войнах XX века, жестокость которых заставила автора усомниться в «цивилизованности» современного человечества.

Список литературы

1. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
2. Балаклеец Н.А. Война и ее трансформации в современном обществе: опыт политико-философского анализа. СПб.: Алетейя, 2024. 330 с.
3. Вебер М. Власть и политика. М.: РИПОЛ классик, 2017. 432 с.
4. Игнатченко И.В. Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в. // Шаги / Steps. 2018. Т. 4, № 2. С. 80–91.
5. Канетти Э. Масса и власть. М.: Астрель, 2012. 574 с.
6. Клаузевиц К. О войне. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. 316 с.

8. Фрейд З. Своевременные мысли о войне и смерти // Исследования по психоанализу культуры. Russian Imago 2001: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2002. С. 30–48.
9. Юнг К.Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: «Олимп»; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. 400 с.
10. Canetti E. Die Fackel im Ohr, Lebensgeschichte 1921–1931. München: Carl Hanser Verlag, 1980. 407 S.
11. Hüppauf B. Der moderne Krieg und das Irrationale // Schuld und Sühne? : Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945–1961). Amsterdam: Rudopi, 2001. S. 155–171.
12. Kim D. Myths for Survival: Elias Canetti's Masse und Macht // MLN. Vol. 130, № 3, 2015. P. 623–642.
13. Kuhnau P. Masse und Macht in der Geschichte: Zur Konzeption anthropologischer Konstanten in Elias Canettis Werk Masse und Macht. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996. 423 S.
14. Lichtmesz M. Masse und Macht – über Elias Canetti // Sezession 48. 2012. Juni. S. 6–9.

CROWDS AND WAR IN THE INTERPRETATION BY ELIAS CANETTI

A.A. Shestakov, N.A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation

The article offers the interpretation of Elias Canetti's concept, presented in his work «Crowds and Power». The ways of interaction between crowds and power are explicated. The methods of the functioning of “double crowds” are revealed, including military crowds. The influence of the model of mimetic violence proposed by Carl von Clausewitz on Canetti's ideas is shown. In «Crowds and Power» sports competitions and parliamentary debates are understood as an ersatz of the bloody clash of double crowds. The figure of the «survivor», significant for Canetti's concept, is analyzed. It is substantiated that the focus on discovering anthropological constants, implemented in «Crowds and Power», was generated by unprecedented outbreaks of violence in the wars of the 20st century. The influence of the socio-historical context and the author's existential experience on the interpretation of key elements of his concept is explicated.

Keywords: crowd, war, political philosophy, power, violence, history, winner.

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail:

bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Authors information:

SHESTAKOV Alexander Alekseevich PhD (Philosophy), Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shestakovalex@yandex.ru

BALAKLEETS Natalia Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara. E-mail: bnatalja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-3318>

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 20.06.2024.

УДК 1(091):008.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.224

А. ТОФФЛЕР О ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЁ БУДУЩЕМ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Среди множества мыслителей, которые предлагают свое видение будущего, А. Тоффлер отличается от других особой глубиной понимания политических и общественных процессов в современной западной культуре и международных экономических отношениях. У него есть своя картина исторического развития цивилизации, которую он выразил в концепции «третьей волны». Задача статьи – проставить главные акценты в понимании настоящего и будущего на основании одного из важнейших трудов Э. Тоффлера и Х. Тоффлер «Революционное богатство. Как оно будет создаваться и как оно изменит наши жизни».

Ключевые слова: А. Тоффлер, постиндустриальное общество, третья волна, футурология.

1. О понятии постиндустриального общества

На сегодняшний день существует ряд интересных концепций, предлагающих оригинальный взгляд на историю развития общества (или шире – цивилизации). Среди их авторов есть выдающиеся имена. Как правило, теоретики обнаруживают неподдельный интерес к идее прогресса, предлагая различные его критерии. Весьма плодотворным в этом смысле был XIX в., когда усилиями антропологов, историков, археологов были собраны сведения о туземных и древнейших культурах. Тогда возникла потребность осмыслить исторический путь, пройденный человечеством, объяснить особенности человеческих типов и культур, а также попытаться понять перспективы развития общества как весьма сложной структуры. А. Смит и Д. Юм выделяли четыре стадии развития общества: охотничий период, период собирателей и пастухов, далее появилось общество земледельцев и коммерческое общество. Очень важно, что в «Исследовании о причинах и богатстве народов» (1776) А. Смит понятие прогресса связал с экономическим основанием общества.

Далее О. Конт сформулировал закон трех стадий развития человека и общества, сделав акцент на духовной составляющей, опираясь на идею интеллектуального взросления обоих субъектов истории. Теологическая, метафизическая и позитивная (научная) стадии выступают главными ступенями исторического прогресса. Никаких фатальных событий в виде революций Конт не предвидел, хотя во избежание экономических и финансовых кризисов он предложил очень хорошую страховку от них в виде новой науки – социологии, самой сложной из всех наук.

© Фролова И.А., 2024

К. Маркс с увлечением и скрупулезностью ученого-экономиста развивал учение о первичности экономических отношений, отношений собственности в выявлении специфики исторических периодов развития общества. Он обосновал идею классовой борьбы и создал учение о социально-экономических формациях. Пятую формацию, коммунистическую, которая, по мнению Маркса, неизбежна, можно рассматривать на тот момент как попытку предсказать будущее человечества, а это как раз то, чем занимается сегодня футурология. Тогда никто не мог и представить, каким будет общество светлого будущего, которое начнется с диктатуры пролетариата, и с какими вызовами оно может столкнуться. Однако было очевидным, что увлечение Маркса вопросами экономической жизни общества, идея классовой борьбы не предполагали углубления в традиционную для философии антропологическую проблематику, и идея личности отошла на второй план, оставив на первом месте понятие «класс». Именно противостояние классов делает историю, изменяя экономические отношения как первичные и глобальные. В Европе никому в голову не пришло на практике воплотить проект Маркса, однако Россия и Китай реализовали ее по-своему. Марксизм не потерял своего значения и привлекательности сегодня. Маркс видел, что прогресс связан с совершенствованием орудий труда и технологий, с тем, что он называл производительными силами. Тема научного и технического прогресса, его значимости в сфере производства развивалась и дальше усилиями других теоретиков.

В XX в. расцвет таких наук, как химия, физика и биология, вдохновил некоторых мыслителей на создание собственных концепций исторического развития общества, на дерзкие футурологические обобщения и проекты. К проблемам культуры и истории авторы приходят различными путями: кто-то через участие в производстве, кто-то в процессе политической деятельности, а кто-то – занимаясь непосредственно наукой. Факт остается фактом: появляется новая авторская терминология: в начале XX столетия американский исследователь Ананда Кентиш Кумарасвами (1877–1947) ввел в научный лексикон термин «постиндустриализм». Его путь к проблемам культуры был весьма своеобразным. Уроженец Цейлона, он получил образование в Лондонском университете, а вернувшись после его окончания обратно на родину, Кумарасвами в 26 лет возглавил минералогический музей и даже впоследствии открыл новый радиоактивный минерал ториянит. Постепенно интерес к геологии уступил место желанию заняться исследованием искусства Индии и Цейлона. С момента вступления в 1917 г. в должность хранителя произведений индийского искусства в Музее изобразительных искусств в Бостоне и до конца своих дней он оставался верен избранной стезе. Он был признанным знатоком традиционной иконографии, а знание 36 языков позволило ему погрузиться в мир мифов, символов искусства различных народов. В США он исследует и сопоставляет традиционные западные и восточные учения, обращаясь главным образом к философским воззрениям мистического характера. Его призвание очень

напоминает путь его отца, Муту Кумарасвами, – тамильского философа, человека, которого королева Виктория первым из числа выходцев из Азии посвятила в рыцари. Ананда Кумарасвами устанавливает единство Веданты и учения Плотина. Запад и Восток для него не являются культурными противоположностями. Итак, он вводит понятие «постиндустриализм», сравнивая развитие западного и восточных обществ.

Этот термин стал весьма популярным с 1950-х гг.: после Второй мировой войны по мере развития технологий стало понятно, что совершенствование средств коммуникации на фоне бурно развивающейся космической отрасли быстро меняет жизнь общества. Экономические успехи Японии становятся всем очевидными. Не удивительно, что именно там появляются два теоретика, которые вводят в научный обиход новое понятие «информационное общество». Речь идет о профессоре Токийского технологического института Ю. Хаяши, авторе книги «Японское информационное общество: темы и подходы», которая была переведена на русский язык в 1969 г. [9]. Он утверждал, что информационное общество, основанное на компьютеризации, обеспечит не только высокий уровень автоматизации производства, но и сэкономит время для добывания точных сведений, использования очень надежных источников информации. Тогда еще не было понятия «фейк» как заведомо недостоверной информации, которая вводит в заблуждение. Второй японский автор, сторонник и соавтор концепции информационного общества – Ёнэдзи Масуда (1905–1995), социолог и футуролог. На русском языке в 1983 г. вышла его книга «Информационное общество как постиндустриальное общество» [6]. Он считал, что в информационном обществе главное значение приобретает фактор времени, а не потребления продуктов, как в индустриальном обществе. Он верил, что в будущем информационные технологии обеспечат человека свободным временем и возможностью саморазвития, а разногласия, конфликты канут в Лету. Не будет классов, а государственные органы управления сократятся до минимально необходимого штата, потому что компьютеризация высвободит и госслужащих от рутинной работы. Однако счастливая картинка мирного и счастливого будущего до сих пор остается желанной перспективой, а не реальностью.

В России японские авторы не столь известны, как Дэниел Белл – автор книги «Грядущее постиндустриальное общество» (1973). Он различает три технологические революции, резко изменившие жизнь людей: изобретение паровой машины – главное достижение XVIII в.; электричество и достижения в области химии – вклад XIX в., обеспечивший прорыв в области научных технологий; создание компьютеров определило дальнейшее развитие науки и общества в XX в. Белл отмечал, что сначала появляется конвейерное производство, которое подготовило появление общества массового потребления товаров, а затем это общество трансформируется и обращается к поточному производству информации и услуг. Он писал: «Постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между

людьми. Главное значение имеют уже не мускульная сила и энергия, а информация. Основным действующим лицом становится профессионал ... постиндустриальное общество определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами – здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой, – которые становятся желанными и доступными для каждого» [1, с. 171].

Обращение к творчеству авторов, работающих в русле постиндустриальных теорий, тяготеющих к широким историческим обобщениям, позволяет увидеть нечто общее между их подходами. Как правило, они выделяют три этапа общественного развития. В аграрном (доиндустриальном) этапе главными структурами выступают церковь и армия; в индустриальном обществе основой экономического благополучия является промышленность, а главными структурами корпорации и фирмы; постиндустриальное общество отличается высочайшим уровнем развития теоретического знания, вот почему главной структурной единицей выступает университет как центр производства знаний и их применения. Следует отметить, что при всей внешней схожести концепций их авторы имеют очень разные взгляды относительно причин конфликтов внутри обществ, о перспективах использования свободного времени, о специфике равенства и неравенства людей в будущем и тенденциях развития и диалога цивилизаций.

2. Тоффлер о трех волнах богатства

В рамках данной статьи мне хотелось бы более подробно остановиться на концепции трех волн цивилизации А. Тоффлера и Х. Тоффлер, которую авторы детализируют в книге «Революционное богатство».

Для начала следует, наверное, поговорить о смысле и возможностях самого термина «три волны цивилизации», потому что оно весьма функционально. Напомню, что Тоффлер рассуждает об аграрном, индустриальном и постиндустриальном этапах общественного развития, которые создают собственные системы богатства. Не следует думать, что эти волны должно рассматривать только в линейном их воплощении в истории как следующие во времени одна за другой. Они могут сосуществовать в рамках одной цивилизации, и какая-то обязательно доминирует. Американский мыслитель убежден, что всякая система богатства нуждается в подпитке со стороны общества и культуры, «а общество и культура сотрясаются, когда две или три системы богатства сталкиваются друг с другом» [7, с. 40].

Такое понимание говорит о том, что волны воплощаются в типы общества, представленные в истории. В триаде этапов мы видим идею прогресса технологий; с другой стороны, триада позволяет описать сложные общества, где представлены три волны, и тем самым объяснить то самое напряжение и даже конфликт между людьми, которые живут и взаимодействуют внутри этих волн. Дело в том, что каждая из трех волн цивилизации предполагает свой стиль жизни, свое понимание богатства и ценности: «...сегодня в таких странах, как Бразилия и Индия, можно обнаружить

одновременно присутствие всех трех волн, перекрывающих друг друга» [7, с. 40]. Действительно, там есть крестьяне, рабочие в городах и продвинутые компьютерные фирмы.

Тоффлер пишет о том, что формы богатства могут быть разными: для кого-то горстка риса, для кого-то здоровье, семья, деньги с намеком на излишество. Важно то, что «богатство можно определить как любую форму собственности, частной или коллективной, которая обладает таким качеством, которое экономисты определяют как польза» [7, с. 29] Богатство призвано удовлетворять желания, а элиты всех стран стремятся управлять желаниями своих граждан. Они опираются на идеологию, религию, рекламу и добиваются результатов. Заметьте, как рассуждает Тоффлер: «новые системы богатства возникают не часто и не по отдельности. Каждая система богатства формирует новый стиль жизни, новую цивилизацию: не только новые структуры бизнеса, но и новые типы семьи, новые стили в музыке и живописи и новые виды пищевых продуктов, моду и стандарты физической красоты, новые ценности и новое отношение к религии и свободе личности» [7, с. 17].

Американский мыслитель рассматривает географические сдвиги богатства в историческом ключе, давая им характеристику. Предварительным этапом становится создание системы выживания в природе, а затем формируется первая система богатства в рамках **аграрного этапа**, когда в процессе складывания сельского хозяйства отпадает необходимость кочевать, а элита устанавливает контроль над излишками. Задача была проста: вырастить как можно больше продуктов. Дом и работа локализованы в одном месте. Сегодня образ жизни первой волны преобладает во многих странах, и вопрос обеспечения себя собственным продовольствием многие рассматривают как вопрос национальной безопасности. Символ первой волны – плуг.

Начиная с 1600 года **индустриальное общество** создает новую волну богатства, которая отражает интересы коммерческой, городской промышленной элиты. Главная задача – массовое производство и массовое потребление. Жизнь человека делится на жизнь дома и жизнь на работе. Символ второй волны – сборочная линия. Он полагает, что было несколько этапов доминирования в экономике: 500 лет назад в плане технологий лидировал Китай; с 1600 года инициативу перехватила Европа, а в XX в. лидером развития экономики стали США. Азия вновь бросает вызов Западу и соперничает с ним за лидерство, так что возврат к былому могуществу Китая может повториться.

Третья волна, которая стартовала в 1950-е гг. XX в., основывает богатство на знании, используя принцип сетевых структур, а не принцип вертикальной иерархии, как это было во второй волне. Часто третью волну ассоциируют с новой экономикой. Многие люди начинают работать из дома, и уже не всегда понятно, кто на кого работает: «Роберт Рейх, бывший министр труда США, подчеркивает, что существенная часть рабочей силы

сегодня – это те, кто работает по контракту, независимые агенты и служащие компании А. фактически обслуживающие компанию В» [7, с. 21].

Символ третьей волны – компьютер. Америка создает сегодня новую систему богатства, и эта система воспринимается как угроза финансовым и политическим интересам во всем мире. Третья волна системы богатства основывается на услугах, знаниях и профессионализме. Тоффлер предрекает появление новых возможностей для бизнеса в самых разных областях деятельности, например, в производстве нанолекарств, в использовании нейростимуляции в здравоохранении, в интернет-торговле, в новых формах обучения; появятся, возможно, новейшие сектора экономики: индустрия синхронизации и индустрия преодоления одиночества. Свободное время будет дефицитом, потому что люди будут работать всё больше, а рабочих мест будет всё меньше. Автор выводит такую закономерность: «чем более сложным и специализированным становится производство, тем труднее и дороже осуществляется интеграция» [7, с. 47].

Третья волна генерирует огромное количество знаний, требующих внедрения в жизнь, но, как об этом писал Маркс, производительные силы развиваются и совершенствуются быстрее, чем производственные отношения. Тоффлер вводит экономический термин «синхронизация» для понимания процессов слаженности и соответствия в экономике и управлении. Старые формы управления, которые осуществляют чиновники, далекие от авангарда науки, тормозят инновационные процессы в обществе в самом широком смысле слова; более того, часто они откровенно препятствуют внедрению нового, затягивают с принятием решений, провоцируя в обществе напряжение и недовольство. Таким образом, инерция вступает в противоречие со сверхскоростями информационного развития. Если экономику сравнить с оркестром, то нужно синхронизировать его игру, иначе получится не музыка, а какофония. При отсутствии толкового дирижера ничего хорошего не выйдет. В экономике будет наблюдаться потеря времени, что сопровождается, как следствие, сбоями в производстве и доставке и штрафами. Классический пример – строительство многоквартирного дома: кто-то не привез стройматериалы, не поспешил с отделкой, не согласовал нужные документы и договоры, и строительство затягивается, дорожает, объект не сдается в срок, начинаются судебные тяжбы и появляются дополнительные издержки в виде штрафов.

Американский футуролог говорит о трех образах жизни, которые предлагает каждая из волн. Пусть третья волна пока не завершена, но тенденции ее развития могут привести к реализации следующих возможностей:

- к исчезновению банков (с их функциями вполне может справиться автоматическая электронная система);
- изменится структура семьи;
- появятся места на планете с высокой прибавочной стоимостью. Исторический сдвиг будет в сторону Азии. Иначе говоря, изменится понятие центра и периферии за счет прогресса технологий. Например, сегодня

самыми мощными центрами мирового производства стали Гуандун и дельта Жемчужной реки, а также Гонконг и Макао в Китае. Они – магнит высококвалифицированных кадров и столицы технологий, потому что используют одновременно как низкотехнологичный труд, так и наукоемкое производство Третьей волны. Все вместе дает высокую прибыль;

- появятся кросс-национальные регионы. Новые экономически развитые регионы потребуют пересмотра границ власти, претендуя на самостоятельность в целях большей эффективности развития, что наблюдается в Китае уже сегодня, когда отдельные регионы соперничают друг с другом в гонке за более высокий уровень жизни населения за счет внедрения новых научных разработок. Регионы управляются полуавтономно, и Коммунистическая партия Китая спускает принятие многих решений на их уровень. Тоффлер иллюстрирует свою мысль, ссылаясь на книгу Кеничи Омае «Следующая глобальная стадия» (2005);

- изменятся критерии оценки того или иного места жительства и работы. Будут учитываться недорогие коммуникации, наличие университета, низкий уровень преступности, наличие передовых технологий, интенсивность авиаперевозок, высокое качество жизни и хороший климат;

- работники будут постоянно обновлять свои навыки и умения, поэтому они будут всё менее взаимозаменяемыми. Это утверждение довольно спорное. Оно скорее отражает ситуацию, когда устаревшая система образования не справляется с подготовкой нужных кадров, что требует от человека самостоятельного поиска знаний для конкурентирования на рынке труда;

- людей будет волновать проблема окружающей среды и возможное обнаружение новых ресурсов энергии.

По мере нарастания мощи Третьей волны возникнет настоятельная потребность в координации всех уровней экономики и общества. Сегодня мы выступаем свидетелями откровенного дисбаланса, потому что структуры и уровни общественного взаимодействия десинхронизированы: бизнес и наука мчатся в авангарде, гражданское общество поддерживает бизнес, но едва за ним поспевает. США задает ритм третьей стадии, но американская семья еще медленнее приспосабливается к этой гонке, учитывая фактор профессиональной мобильности. Формат семьи, частота браков и разводов, система регулирования отношений – всё быстро меняется. Еще медленнее реагирует на быстрые перемены система образования вместе с правительственной бюрократией и законодательными учреждениями. Что уже говорить о наднациональных организациях... Почему мы наблюдаем такую ситуацию разбалансированности многих уровней работы общества и государства? Тоффлер поясняет вполне в духе Маркса: «политическая система никогда не предназначалась для того, чтобы иметь дело с высокосложной и стремительно меняющейся экономикой, основанной на науке» [7, с. 61].

Базис развивается стремительно, а надстройка не поспевает адекватно реагировать. Сверхскорости бизнеса сталкиваются с инерцией политических и иных структур. Тоффлер прямо говорит, что дисхронизация институтов – самая сложная проблема Третьей волны. Надо срочно приводить юридические структуры в соответствие с требованиями экономики. Он предрекает системный кризис институтов тех государств, которые оказались в новой волне, – Индии, Китая и Евросоюза. Синхронизация подразумевает точность времени для производителей и поставщиков всех уровней, но нужно помнить о другой опасности: «скрытый парадокс закона временных рассогласований заключается в том, что чем большая синхронизация достигается на одном уровне системы, тем большая десинхронизация происходит на других» [7, с. 73].

В мире глобальных связей между экономиками различных стран данный процесс чреват серьезными негативными последствиями, и над предотвращением их надо работать. Тоффлер размышляет над проблемами, связанными с глобализацией, и сожалеет, что глобализируются прежде всего пороки: оборот наркотиков составляет 8 % от доходов мировой экономики; индустрия секса стала частью глобальной торговли. Коррупция приняла международные масштабы, а загрязнение среды стало всеобщей проблемой. Однако, помимо этих факторов, изменения в экономиках в плане международной интеграции и ее территориальные (географические) последствия не предлагают единых правил игры и не обеспечивают равенства возможностей. Полагаю, что такое никогда не случится хотя бы потому, что экономики не могут развиваться на одном уровне и равномерно в силу различия природных, технологических и интеллектуальных ресурсов. Везде своя специфика. Тоффлер не исключает возможности сворачивания проекта глобализации под влиянием таких факторов, как война и терроризм: они разрушают энергетическую и транспортную инфраструктуры и провоцируют бегство капитала в безопасные регионы, куда устремляются, кстати, и толпы беженцев. Их надо на что-то содержать. Кроме того, деглобализаторами выступают и пандемии с карантинами, что парализует перемещение людей и товаров, а также экологические катастрофы. Футуролог уверен, что нарастание деструктивных процессов может привести к реглобализации и далее к деглобализации. Он уверен, что «все эти факторы должны похоронить мечты о линейном прогрессе и полностью интегрированной глобальной экономике, как и все иллюзии насчет “всемирного правительства” – во всяком случае на ближайшие десятилетия. Эти же факторы, напротив, предсказывают более частые, быстрые и крупные потрясения на рынках труда. В сфере технологий, применения денежных и людских потоков по всей планете. Они указывают на наступление века пространственной турбулентности» [7, с. 136–137].

На сегодняшний день освоение космоса позволяет снизить риски: космические данные оказывают влияние на финансовые рынки. Торговля прогнозами погодных условий – один из самых серьезных факторов.

Космические исследования помогут справиться с многими болезнями, которые очень дорого обходятся бюджету здравоохранения: остеопороз, опухоли мозга, слепота и другие. Система GPS является важным основанием для работы многочисленных онлайн-служб и действует как синхронизатор пространства и времени, что важно для работы банков, международной торговли, армии, – во многих сферах жизни. Данные из космоса позволяют видеть пожары и справляться с ними. Немаловажный факт состоит в том, что каждый доллар, вложенный в НАСА, дает девять долларов в ВВП США. Тоффлер полагает, что в будущем не природные ресурсы будут определять богатства, а знания: нефть может закончиться, а знания неисчерпаемы. Сомневаюсь, что будет именно так. Чистая вода как природный ресурс и чистый воздух – основа жизни на земле. Их нехватку нельзя сравнить с нехваткой знаний. Возможно, будут внедрены в будущем системы очистки воды на основе новых технологий, но чистая природная вода и очищенная вода в сознании обывателя различны. Нехватка чистой воды и чистой совести, на мой взгляд, – две главные угрозы человечеству.

3. Научное знание и его перспективы

Третья волна основывает свое богатство на научном знании. Сегодня существует огромная база данных, так называемое внешнее хранилище, доступное тем, кто подключен к компьютерной сети. Она – Внутренняя база – содержится в головах населения земли. В совокупности они составляют основу богатства Третьей волны. От информации, которая представляет собой массив сведений, научное знание отличается тем, что имеет шесть критериев истины: консенсус (то, что очевидно и что знают все), непротиворечивость, авторитетность (божественная, например, или земная, что основана на сертификате ученого), долговечность, научность (экспериментальная проверяемость), мистическое откровение.

Несмотря на то, что сегодня мы становимся свидетелями небывалого расцвета наук, против нее идет война на том основании, что часто знания используются против блага человека, в деструктивных целях. Наблюдается тенденция засекречивания научных данных и исследований. Науку обвиняют в лицемерии и жестокости. Тоффлер объединяет в антинаучную коалицию весьма разных агентов: здесь и фанатики прав животных, феминизм, представители экологических движений, организации, проповедующие охрану окружающей среды, марксисты, – те, кто осознал свою миссию. Автор пишет и о такой опасности: «еще одна атака на науку как фильтр истины исходит от постмодернизма, мутной французской философии...» [7, с. 199].

В чем они правы? В том, что ставят под сомнение универсальность научных истин и их нейтральность (часто деньги определяют сферы и цели исследований). Размышляя о позиции постмодернизма, Тоффлер пишет следующее: «Когда постмодернисты утверждают, что все истины – научные и иные – субъективны и существуют только в головах людей, они впадают в наивный солипсизм студента-второкурсника. По их теории выходит,

что их собственные утверждения точно так же субъективны и не верифицируемы» [7, с. 209].

Еще в 1970-е гг. прошлого века на науку возлагали самые разные надежды, одна из которых связана с достижением бессмертия. Идея сверхчеловека не увяла со времен Ницше. Уверенный в том, что желающих жить вечно найдется превеликое множество, физик и естествоиспытатель Роберт Эттингер основал институт крионики, предложив долгосрочный бизнес-проект по замораживанию тел с целью их последующего исцеления от пока не излечимых недугов: «...замороженное тело может пролежать многие годы в “мертвом” состоянии, а потом быть оживлено без каких бы то ни было физических изменений, сразу же, как только кто-то разработает метод оживления» [11, с. 28].

Иными словами, метод не разработан, а холодильники готовы. Далее он разбирает возможные этические, юридические и иные вопросы, которые следует в будущем решать обществу после размораживания и оживления субъектов, заплативших изрядную сумму за жизнь «после охлаждения». Поразительные фантазии основаны на научном факте замораживания клеток и тканей для медицинских целей. Однако все эти разговоры пока не способны как-то серьезно изменить жизнь людей.

Тоффлер озабочен другими глобальными вопросами: экономика на базе внедрения новых знаний развивается, изменяя формы собственности, рынки, капитал и наше представление о деньгах, что ставит вопрос о судьбе самого капитализма. Ф. Фукуяма был убежден в незыблемости капитализма, а вот Тоффлер предполагает возможность трансформации этого строя.

Центральное понятие капитализма – «собственность» – сегодня уже невозможно рассматривать как некую совокупность вещей, принадлежащих конкретному лицу. Сегодня она приобретает «неосязаемый аспект», что подразумевает возможность превращения собственности в инвестируемый капитал, что стимулирует развитие экономики и рост богатства. Тоффлер отмечает, что «...в передовых экономиках степень неосязаемости в базе собственности общества стремительно увеличивается» [7, с. 363]. Он приводит как пример историю приобретения в 2004 г. акций компании Google, «чья собственность и операции были почти полностью нематериальными и защищались тоже нематериальными компонентами» [7, с. 363].

Тоффлер подчеркивает, что сегодня использование IT-систем становится вопросом выживания и развития бизнеса. Производство товаров всё более дешевеет, а сфера услуг дорожает, что наблюдается во всех передовых экономиках. Сдвиг уже ощутим в сферах здравоохранения, образования, СМИ, в индустрии развлечений и финансовых услуг. Неосязаемости множатся, и, будучи неисчерпаемым ресурсом, такая ситуация ставит новую проблему: *насколько совместима с капитализмом максимально нематериальная экономика?* Какие угрозы экономическим интересам бизнеса видит А. Тоффлер?

Во-первых, очевидно, что на фоне отставания от темпов развития наукоемкой экономики юридических институтов «целым отраслям промышленности грозит гибель из-за того, что новые технологии делают бесполезными традиционные меры защиты интеллектуальной собственности – авторское право, патенты и торговые марки, на чем базировалось само их существование» [7, с. 366].

Утечка информации приводит к тому, что одни фирмы затрачивают на исследования лекарства и тестирование колоссальные суммы, а другие, пиратствуя, продают продукт за копейки. Всё тиражируется и копируется. Предположим, какой-то знаменитый дом моды выпускает новую линейку платьев, а на другом конце материка все модели копируются и очень быстро запускаются в массовую продажу.

Второй момент: расширяется предложение финансовых продуктов и их доступности. Если еще сто лет назад финансовые сделки могли совершать только избранные, а 98 % населения не могли позволить себе этим заниматься, оставаясь, по сути, в докапиталистическом мире, то сегодня всё изменилось. В XXI в. мы наблюдаем следующее: «Чем быстрее производятся рыночно-финансовые и страховые операции, тем короче оказывается жизнь товаров (и связанных с ними продуктов) на рынке» [7, с. 381].

Главная проблема – синхронизация работы рынков. Жесткая конкуренция компаний в разных точках мира, занимающих точечный сегмент в экономиках, создает феномен «флэш-рынка». Итак, по Тоффлеру, возможен и такой сценарий: рынки будут расщепляться на более узкие и краткосрочные, всё более наукоемкие.

Третий момент, который следует иметь в виду, – это персональное ценообразование. Уже сегодня на многих торговых платформах предлагается купить товар на аукционе. Таким образом, цена не является фиксированной, а определяется через заинтересованность и финансовую возможность покупателя. Речь идет не только о приобретении вещей, но и билетов на самолет, о местах в отеле, о путевках и прочем. Компьютер содержит базу данных о ценах на один и тот же товар, и всякий человек может выбрать его по своему усмотрению, принимая во внимание качество, доставку, рейтинг продавца. Тоффлер полагает, что таким образом постепенно будет замечен отход от массовых рынков. Я сомневаюсь в этом, потому что уровень жизни во многих странах довольно низкий, и будет, скорее всего, иметь место сочетание рынков двух типов. С чем невозможно спорить, так это с тем фактом, что «каждый традиционный сектор рынка – будь то земля, труд, капитал, вещи, услуги, опыт или знание – имеют сегодня своего виртуального двойника. В результате огромный глобальный кибермаркет добавляет второй слой каждому традиционному рынку. Ничего подобного история не знала» [7, с. 387].

Четвертая перспектива – это появление новых способов платежей: электронные деньги, а также очки, которые выступают эквивалентом денег. Очки начисляются, например, согласно количеству миль, которые вы

налетали. Их можно передать членам семьи или кому угодно, чтобы расплатиться по разным премиальным программам. Авиаационные очки распространяются на широкий спектр товаров и услуг. Тоффлер сомневается в том, что доллар останется желанным для валютных инвесторов. На фоне активизации и дефицита иных валют бартер сохранится. Кроме того, автор уверен, что нестабильность в геополитике и неуправляемые спекуляции станут фоном развития экономики будущего. Бедность победить вряд ли удастся, потому что программы борьбы с ней нет, т. е. нет стратегии превращения сельскохозяйственных регионов в процветающие центры передового производства. Соревнование за лидерство в мире продолжится. Вполне в духе С. Хантингтона американский футуролог заявляет: «Богатство всегда определяется властью, культурой, политикой и государством. Народы всегда были актерами на мировой арене» [7, с. 529].

Многие говорят о перспективах многополярного мира, но Тоффлер не уверен, что он будет стабильнее в экономическом отношении и в плане сохранения мира: региональные блоки и различные союзы продолжают соперничество в целях реализации своих интересов. Центром Третьей волны являются США, и эта волна идет по миру. США не могут управлять мощными изменениями в мире. Политическое равновесие будущего «предполагает уравнивание влияния не наций и государств, а корпораций, НПО и религий» [7, с. 541].

Кто знает, какими на самом деле будут тенденции распространения Третьей волны. Возможно, настанет такое время, когда соперничающие блоки и союзы осознают ценность слов А. Кумарасвами: «Отныне цивилизация должна быть скорее человеческой, чем местной или национальной, или же ее не будет вовсе. В мире быстрых коммуникаций она должна основываться на общих целях и знаниях человечества, ведь без общих мотивов не может быть сотрудничества» [5]. При такой перспективе должны измениться критерии выбора глав государств и советников. Кумарасвами пишет: «“Волю к управлению” не следует путать с “волей к власти”. Воля к управлению – это воля управлять другими; воля к власти – это воля к власти над самим собой. Желаящим быть свободными стоит хотеть властвования без желания править. Если таких людей выбирают в советники правителей, без которых ему на деле не обойтись, это приведет к величайшей степени свободы и справедливости, какую только можно достичь» [4].

Перспектива появления у власти подобных советников или правителей представляется весьма сомнительной, однако есть факт, который на сегодняшний день трудно отрицать: «...все общества развиваются в направлении обретения черт, присущих информационному обществу, даже если в большей части мира данная трансформация затрагивает только главные функции и процессы, связанные с глобальными сетями создания материальных богатств и обработки информации... Значение Информационного века состоит как раз в том, что он является глобальной, разнообразной и мультикультурной реальностью» [8, с. 11].

Политические тенденции развития Запада волнуют не только Тоффлера. Д. Белл предрекает завершение в XXI в. процесса европеизации и вестернизации: «не исключено, что Китай и Индия в XXI веке могут превратиться в империи, пусть и особого типа» [2, с. 48]. Особой проблемой, согласно его мнению, будет преодоление коррупции, потому что она не совместима с рациональной экономической политикой. Весьма существенным для Белла остается вопрос о разъединении Европы и США, а регионализм он считает следующим шагом в эволюции политической организации мира. Вполне вероятно, что национальные государства будут вынуждены объединяться в региональные сообщества, исходя из своих экономических интересов.

Особую тревогу у некоторых авторов, в частности, у Рене Генона, вызывает положение человека, живущего в западной модели общества. Он убежден, что политика Америки как «Дальнего Запада» отрицательно сказывается на жизни Европы, которую ожидает расплата за следование курсом, предложенным США. Генон критикует Запад за претензию «сделать из этой ненормальной цивилизации образец любой цивилизации» [3, с. 35]. Почему западная культура представляется Генону своеобразной аномалией и почему ей сегодня сложно вести диалог с другими цивилизациями? Прогресс, начиная с XVIII в., связывается на Западе исключительно с материальным развитием, а наука ценится только тогда, когда ее плоды имеют промышленное применение и приносят доходы. История показывает, что уже с эпохи Ренессанса западная культура очень материально замотивирована и ориентирована; отсюда и непонимание западными людьми того, что называется спекулятивной, чистой интеллектуальностью, что очень хорошо понимают восточные цивилизации. Д. Белл солидарен в этом отношении с Геноном: «Западная наука, даже тогда, когда она не смешивается просто с промышленностью и когда она независима от практических приложений, есть в глазах восточных людей всего лишь “незнающее знание”, о котором мы говорили, потому что она не связана ни с каким принципом высшего порядка» [1, с. 172]. Однако, при всем различии восточных и западных культур, от их диалога и сотрудничества зависит благополучие народов.

Действительно, многие футурологи справедливо указывают на реальные проблемы общества. Концепция трех волн, предложенная Тоффлером, является попыткой встать над цивилизационным и формационным видением истории, как бы примирить в них то, что возможно. С одной стороны, три волны можно рассматривать в линейном ключе, глобально, как преобладающие в определенные периоды истории. При этом одна волна подготавливается предыдущей. С другой стороны, концепция трех волн применима и к анализу процессов внутри отдельных цивилизаций, где волны встречаются, сосуществуют и создают заметное напряжение или конфликты между различными типами богатства. Таким образом, человечество оказывается в целом устремленным в будущее, однако при этом его культурное разнообразие не отрицается, а трактуется как факт, который в

перспективе приведет к возникновению новых форм диалога между культурами на основе развития средств коммуникации, а также к социальным, политическим и экономическим образованиям нового типа. Посмотрим, насколько верными окажутся интуиции американского футуролога.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее индустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Белл Д., Иноземцев В.Л.¹ Эпоха разобщенности: Размышления о мире 21 века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
3. Генон Р. «Восток и Запад=Orient and Occident». М.: Беловодье, 2019. 216 с.
4. Кумарасвами А. Интеллектуальное братство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coomaraswamy.ru/p/normal-0-false-false-false-en-us-x-none.html> (дата обращения - 20.03.2024).
5. Кумарасвами А. Индивидуальность, автономия и функция (Сва-бхāва, сва-рāджйа, сва-дхарма). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coomaraswamy.ru/p/a.html> (дата обращения - 20.03.2024).
6. Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: АСТ, 1983. 452 с.
7. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М.: АСТ, 2008. 569 с.
8. Хаманен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М.: «Логос», 2002. 224 с.
9. Хаяши Ю. Информатизированное общество: от индустриального общества к интеллектуальному обществу. Токио, 1969.
10. Шуон Ф., Кумарасвами А., Буркхардт Т. Очерки интегральной антропологии / пер. с англ. Тамбов: Ex Nord Lux, 2021. 176 с.
11. Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 262 с.

A. TOFFLER ABOUT CIVILIZATION AND IT'S FUTURE

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Among the many thinkers who offer their vision of future, A. Toffler is distinguished from others by a special depth of understanding of political and social processes in contemporary western culture and international economic relations. He has his own picture of the historical development of civilization, which he has expressed in the concept of the «Third wave». The purpose of the article is to lay down the main accents in understanding of the present and the future on the base of very important book «Revolutionary wealth. How it will be created and how it will change our lives», which was written by A. Toffler and H. Toffler.

¹ 26.05.2023 г. Министерство юстиции Российской Федерации внесло Иноземцева В.Л. в список иностранных агентов.

Keywords: *A. Toffler, postindustrial society, the third wave, futurology.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, associated professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2024.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТвГУ. СЕРИЯ: ФИЛОСОФИЯ»

**Все рукописи печатаются бесплатно.
Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».**

В редакционный совет журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» необходимо представить:

- файлы:
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

В связи с переходом журнала на электронную форму подачи, рецензирования и обработки статей рукописи подаются в электронном виде в формате MS Word через систему Open Journal System (OJS) на сайте <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/login>.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
6. SPIN-код – персональный идентификационный код автора в SCIENCE INDEX (РИНЦ).
7. Профиль автора в ORCID.

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации:

1. представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны;
2. материалы должны соответствовать профилю журнала;
3. название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию;
4. во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу;
5. выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам;

6. результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким;
7. за ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьёй даётся по фамилии первого автора (например, Petrov_text.docx, Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке.
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объемом до 0,5 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; рецензии; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объеме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов,) – 100–250 слов.
6. *Ключевые слова на русском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую) 5–7 слов и/или словосочетаний.
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).
9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов).

библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать, желательно, чтобы их количество не превышало 25% общего числа ссылок.

10. **НАЗАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
11. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
12. Название учреждения(-ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. *Ключевые слова (Keywords) на английском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
15. Сведения об авторах на русском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученая степень, ученое звание, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).
16. Сведения об авторах на английском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы, адреса и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в реестр Министерства юстиции РФ.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ из указанного реестра необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать факт включения в реестр.

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:
5.7. Философия.

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 204

Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.)

Официальный сайт журнала – <https://journal.tversu.ru/index.php/philosophy/index>

E-mail: vestnik-tver@mail.ru, gubman@mail.ru

Главный редактор – Губман Борис Львович;

ответственный секретарь – Рассадин Сергей Валентинович.

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: Философия №2 (68), 2024

Подписной индекс: **85715** (интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать: 04.08.2024. Выход в свет: 08.08.2024.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 189.

Издатель/учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д.33

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корп. Б.

Тел. (4822) 35-60-63.

Цена свободная